

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

26 2019
ЧАСТЬ III

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (264) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Алан Дершовиц (1938)*, американский адвокат, юрист и политический комментатор по теме арабо-израильского конфликта

Алан Дершовиц родился в Нью-Йорке, США. Большую часть своей трудовой жизни он проработал в юридической школе Гарварда, где в возрасте 28 лет стал самым молодым профессором права в истории школы. Он возглавлял там кафедру им. профессора Феликса Франкфуртера. Сейчас он постоянный автор CNN и политическим аналитиком.

Будучи адвокатом, специализирующимся на апелляциях в уголовных делах, он выиграл 13 из 15 дел о убийствах и покушениях на убийства, а также представлял целый ряд знаменитых клиентов, в том числе Майка Тайсона, Патти Херст и Джима Баккера.

В 1982 году Дершовиц занимался делом Клауса фон Бюлова, британского аристократа, которого осудили за попытку убийства его супруги Санни фон Бюлов посредством введения инъекции инсулина, что спровоцировало у женщины кому. Он получил 30 лет тюрьмы. Клаус фон Бюлов нанял Дершовица, и они подали апелляционную жалобу. Обвинение было отозвано благодаря тому, что Дершовиц сумел доказать факт незаконного получения улики, которыми пользовалось обвинение. Позднее был проведен второй суд, на котором Клаус фон Бюлов был оправдан окончательно. Команда Дершовица сумела доказать, что кома Санни фон Бюлов была вызвана вовсе не инсулином, а приемом различных медикаментов вкупе с алкоголем. Также экспертам удалось выяснить, что игла, которой якобы сделали инъекцию, была испачкана инсулином снаружи, но не внутри, что говорит в пользу того, что иглу просто обмакнули во флакон с препаратом, но не вводили под кожу. Также защита акцентировала внимание суда на том, что за несколько недель до произошедшего Санни фон Бюлов обращалась в больницу из-за приема более семидесяти таблеток аспи-

рина, что ясно говорило о ее нестабильном психическом состоянии.

Алан Дершовиц написал книгу об этом деле, которая была взята за основу киноленты режиссера Барбета Шредера «Изнанка судьбы». Дершовица в фильме сыграл Рон Силвер. В одном эпизоде адвокат рассказывает сон: «Звонит мне Гитлер, он, оказывается, остался жив. Звонит и говорит, что ему позарез нужен адвокат. Я говорю ему: приезжайте, какие, мол, разговоры. А сам думаю: буду защищать или убью?» Позже в одном из интервью он признался: «Да. В 1943 году я бы его убил голыми руками. Но если бы сегодня столетний Гитлер выбрался из бразильских джунглей, и не нашлось бы никого, кто взялся бы его защищать, я стал бы его адвокатом. Потому что есть система правосудия, и даже такой сукин сын, как Гитлер, вправе рассчитывать на нее. Я, вероятно, проиграл бы дело Гитлера, но я бы его защищал».

Летом и осенью 1995 года в США шел «процесс века», как называли уголовный суд над бывшим футболистом и актером О. Джеем Симпсоном. Его обвиняли в двойном убийстве — жены Николь и ее друга Рона Голдмана. Все неопровержимо указывало на О. Джея, без вариантов. Но нанятая им команда адвокатов, в состав которой входил и Дершовиц, в ходе восьмимесячного процесса совершила юридическое чудо — нашла изъяны в аргументации прокуроров, умело дискредитировала слабые звенья в системе улик. В общем, произошла сенсация — фактического убийцу оправдали. Правда, позже, на гражданском суде Симпсона признали ответственным за убийство, наложили на него огромный штраф, но это уже другая история.

В 2010 году Дершовиц стал лауреатом премии имени Менахема Бегина «за систематическое отстаивание интересов государства Израиль и противостояние попыткам делегитимации еврейского государства в СМИ и академических кругах стран Запада»

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Большакова А. А.

Защита вещных прав на земельные участки
в Федеральной службе судебных приставов... 193

Ворсина А. И.

Трудовые отношения в Китайской Народной
Республике: правовое регулирование..... 194

Гришаев Р. А.

Данные о типичных субъектах противодействия
уголовному преследованию по уголовным делам
о коррупционных преступлениях..... 196

Дмитриева М. О.

Общая характеристика элементов преступлений,
связанных с незаконным оборотом
наркотических средств и психотропных веществ
или их аналогов 198

Емельянова А. А.

Проблема занятости и трудоустройства
инвалидов в Российской Федерации 200

Емельянова А. В.

Реализация права граждан, находящихся в местах
лишения свободы, на участие в судебном
заседании по гражданскому делу: практика
Европейского суда по правам человека 202

Еременко Д. Е.

Теоретико-прикладные вопросы разграничения
умысла и неосторожности 204

Жариков Е. О.

Предпосылки к созданию системы мониторинга
эффективности поддержания государственного
обвинения и назначения уголовного наказания
за преступления коррупционной
направленности 207

Жаровских Е. Д., Ахунзянов Д. Ф.

Консультативный запрос национальных судов
в Европейский суд по правам человека 210

Жигайлова А. В.

Некоторые особенности законодательной
инициативы Президента
Российской Федерации 212

Карпов А. А.

Особенности правовой природы
предварительного договора 214

Кобжицкий Д. А.

Федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном
обращении с животными» как центральный
нормативно-правовой акт, регулирующий
общественные отношения между человеком
и не дикими животными 217

Косарева Л. А.

Международный коммерческий арбитраж
и правовое регулирование процедуры признания
и приведения в исполнение его решений 220

Недбайло Е. А.

Развитие принципа презумпции невиновности
в советский и постсоветский период..... 226

Онкурова Н. А.

Объективная истина и суд присяжных 231

Полякова С. С., Чупрова Е. С.

Свобода выражения мнения или
профессиональный стиль? Гордиев узел
будущих юристов 233

Принципалова М. С.

Правовой режим создания индивидуального
жилого дома, садового дома. Новеллы
градостроительного законодательства 234

Рязанов Я. Н.

Реализация системы межведомственного
электронного взаимодействия в процессе
предоставления государственных
и муниципальных услуг в электронной форме 237

Рязанов Я. Н.

Предоставление государственных
и муниципальных услуг в электронной форме:
проблемы и пути решения 238

Рязанова А. А.

Проблема классификации преступлений,
связанных с необходимой обороной 240

Таов В. В.

Требования к минимальному размеру уставного
капитала в современном корпоративном
праве 242

Улитин М. А.

Допрос по уголовным делам о мошенничествах
в сфере компьютерной информации: вопросы
теории и практики 249

Улитин М. А.

Обстоятельства, подлежащие установлению
при расследовании мошенничества в сфере
компьютерной информации 251

Хакимов С. Х.

Соотношение порядка лицензирования
адвокатской деятельности с принципом
независимости адвокатуры 253

**Хорьков С. А., Ваганов А. В., Кривошеева Э. Е.,
Свиридова Д. А.**

Особенности личности преступника
в мошенничестве при получении выплат 257

Чепелев А. Н., Чепелева Е. Н., Чепелев С. Н.

Юридические аспекты в образовании
Республики Беларусь 258

Черкесов А. С.

О некоторых вопросах выселения из служебных
жилых помещений 260

ПОЛИТОЛОГИЯ

Козлова А. Д.

Формирование политической элиты как фактор
эффективного государственного управления. 263

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Защита вещных прав на земельные участки в Федеральной службе судебных приставов

Большакова Алёна Александровна, студент магистратуры
Ивановский государственный университет

Как все мы понимаем, земельный участок, который находится в чьей-то собственности или принадлежит на другом вещном праве должен иметь определенные границы, то есть четко выраженную и обозначенную территорию. При этом у собственников должны находиться документы, официально подтверждающие границы данной территории во избежание споров между владельцами двух участков, которые прилегают друг к другу.

Разновидностью самых изнурительных судебных споров, касающихся защиты вещных прав на земельные участки, является иск соседей друг с другом. Так происходит, когда граждане, проживающие на смежных участках, не могут прийти к общему знаменателю и договориться о границах своих земельных участков, в случае возникновения разногласий.

Данные споры по межеванию отнимают огромное количество сил, времени, денежных средств при обращении в суд и проводятся они с той целью, чтобы установить границы земельных участков на законных основаниях.

По какой же причине возникают данные соседские разногласия?

Самыми распространенными основаниями для возникновения подобных конфликтов является:

1. Незаконный захват территории или части территории соседнего участка;
2. Не достижение компромисса между соседями при установлении границ в досудебном порядке;
3. Использование земельного участка без наличия прав на него;
4. Несоблюдение границ использования земли;
5. Несоблюдение правил предоставления участков;
6. Незаконное изъятие земельных участков;

Конечно же, данный перечень оснований рассматриваемой проблематики не является исчерпывающим, в данной статье приведены самые распространенные основания, однако самым главным является отклонение от границ, указанных на межевом плане.

Данную ситуацию следовало бы разрешить в досудебном порядке, то есть, чтобы граждане самостоятельно

приняли решение, которое устроило бы обе стороны в данном конфликте. Однако, в большинстве своем стороны обращаются в суд за восстановлением нарушенных прав.

Споры, касаемо земельных отношений, чаще всего затрагивают такие юридические факты, как приобретение, изменение или прекращение прав на землю. Подобного рода споры зачастую возникают между несколькими сторонами, государством и органами местного самоуправления.

Данную проблематику защиты вещных и иных прав на земельные участки хотелось бы разобрать, основываясь на деятельности Службы судебных приставов Российской Федерации в этой области. Ведь после того, как вступит в законную силу решение по конкретному спору, исполнительный документ сторона вправе предъявить в службу судебных приставов. Другого выбора не остается после того, как стороны не смогли договориться в досудебном порядке об урегулировании данного спора. Таким образом, исполнительный лист поступает в Службу судебных приставов на принудительное исполнение.

Так с какими же предметами исполнения поступают исполнительные документы в Федеральную службу судебных приставов, связанные с защитой вещных прав на земельные участки?

Наиболее распространенными являются:

1. Перенести забор, разделяющий земельные участки;

Такое решение суда поступает в случае нарушения смежных границ земельных участков.

Иск подается в районный суд, необходимо доказать, что земля принадлежит конкретному собственнику, и что сосед нарушил ваши права, возведя определенного рода забор, в результате чего по решению суда забор будет подлежать перенесению согласно установленной кадастром границу.

2. Наложить арест на земельные участок;

Арест имущества должника подразумевает под собой запрет распоряжаться собственностью, а в случае необ-

ходимости и ограничить права использования или его изъятие.

Наложение ареста, как обеспечительная мера принудительного взыскания направлена на сохранение имущества должника в интересах взыскателя и в конечном счете на создание условий для исполнения решения суда.

3. Запретить совершать регистрационные действия с земельными участками;

Это ограничение права распоряжения собственником земельным участком. То есть в таком случае земельным участком пользоваться разрешено, однако переоформить, то есть таким образом отчуждать, запрещено.

После поступления исполнительного документа с таким предметом исполнения судебным приставом-исполнителем выносится Постановление о запрете на регистрационные действия в отношении земельного участка.

4. Запретить собственнику отчуждать земельные участки;

Данный запрет ограничивает право собственности владельца земельного участка, запрещая ему распоряжаться им по своему усмотрению.

При таком предмете исполнения судебным приставом-исполнителем выносится Постановление о запрете на регистрационные действия.

5. Запретить производить строительные работы на земельном участке;

Запрет на осуществление строительных работ в качестве меры по обеспечению конкретного иска о сносе самовольной постройки накладывается судебным приставом-исполнителем или же судом как в отношении должника, так и в отношении иных лиц.

В данном случае судебным приставом-исполнителем осуществляются выходы на участок, в случае предъявления исполнительного документа неимущественного характера, выносятся требования о совершении, либо несовершении определенных действий. В случае неисполнения требований судебного пристава-исполнителя должник привлекается к административной ответственности, за неисполнения требований должностного лица.

6. Обязать перенести садовые насаждения от границы земельного участка;

В данном случае должнику так же направляются требования об устранении насаждений, если посредством выращивания данных насаждений причиняется вред собственникам смежных земельных участков, а также нарушается право пользования принадлежащим земельным участком.

Таким образом, вопрос защиты вещных прав на земельные участки сам по себе является достаточно простым и однозначным и занимает важное место в системе правового регулирования земельных правоотношений, главное, что необходимо сделать — выбрать надлежащий способ защиты права.

Трудовые отношения в Китайской Народной Республике: правовое регулирование

Ворсина Анастасия Игоревна, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Китайская Народная Республика является одним из самых значимых партнеров Российской Федерации в области социально-экономического взаимодействия, поэтому изучение правового регулирования трудовых отношений КНР имеет большое практическое значение.

Ключевые слова: труд, трудовые отношения, Китайская народная республика, правовое регулирование.

Выдающиеся успехи Китайской Народной Республики (КНР) в области социально-экономических отношений стали одним из нашумевших событий в мировой истории экономики за последние десятилетия. В связи с проведенными социально-экономическими реформами, КНР, без преувеличения, можно назвать одной из самых динамично развивающихся держав. Отчасти заслуга небывалого экономического подъема КНР состоит в структурных изменениях занятости населения и трудовых отношений.

В Китайской Народной Республике существует достаточно много нормативных правовых актов, регулирующих трудовые отношения. В первую очередь, это высший закон страны — Конституция. Конституция КНР — это кодифицированный акт, принятый в 1982 году и имеющий 138 статей.

В Конституции КНР закреплено важнейшее правило, согласно которому граждане КНР имеют как право на труд, так и обязанность трудиться. В статье 42 Конституции говорится, что «труд — почетная обязанность всех трудоспособных граждан» [1], кроме того, государство различными путями улучшает охрану и условия труда, создает условия для трудоустройства, а также на основе развития производства повышает оплату труда и материальное благосостояние трудящихся, трудящиеся КНР также имеют неотъемлемое право на отдых.

Фундаментом трудового права КНР являются такие нормативные правовые акты, как: Закон «О труде» 1994 г., Закон «О трудовом договоре» 2007 г., Закон «О медиации и арбитраже трудовых споров» 2008 г., Закон «О социальном страховании» 2010 г., Закон «О государственных служащих» 2005 г. и т. д.

Немаловажными источниками трудового права КНР, призванными конкретизировать и развить положения законов, являются принятые во исполнение законов подзаконные правовые акты, к которым, в частности, относятся: Положение «О выплате заработной платы» 1994 г., Положение «О ежегодном оплачиваемом отпуске работников» 2007 г., Положение «О рабочем времени работников» 1994 г. и т. д.

Отличительной особенностью трудового законодательства КНР является наличие массива локальных правовых актов, в том числе коллективных договоров, отраслевых и территориальных соглашений, а также актов местных собраний народных представителей, которые являются своего рода муниципальными правовыми актами. Например, провинции Китая, будучи административно-территориальными единицами Китая и не являясь самостоятельными образованиями, вправе устанавливать свой минимальный размер оплаты труда (МРОТ), причем не только в провинции, но и в городах и уездах, входящих в состав провинции [2, с. 37].

Говоря об основных законах, регулирующих трудовые отношения Китая, в первую очередь требуется сказать про закон КНР «О труде» 1994 г. [3], который является основой трудового законодательства КНР. Данный закон состоит из 107 статей и регулирует широкий круг вопросов: государственное содействие занятости, заключение индивидуальных и коллективных трудовых договоров, определение рабочего времени и времени отдыха, выплата заработной платы, охрана труда женщин и несовершеннолетних, безопасность труда, профессиональное обучение и подготовка, социальное страхование, разрешение трудовых споров, государственный контроль в сфере труда, а также ответственность за нарушения законодательства о труде.

Примечательно, что закон «О труде», также как и Конституция Китая, не предусматривают для трудящихся права на забастовку, зато работников наделяют правом на участие в управлении производством. Данное право означает, что в соответствии с законом работники, через собрания трудовых коллективов или их представителей, принимают участие в демократическом управлении предприятием, при этом работодатели в лице предпринимателей обязаны «консультироваться с представительными органами работников по вопросам, затрагивающим законные права и интересы рабочих и служащих» [4, с. 427].

Особое внимание в законе «О труде» отдается обеспечению права на труд посредством осуществления ак-

тивной государственной политики в области занятости, которая направлена, в частности, на создание новых рабочих мест, развитию профессионального образования, увеличению возможностей для трудоустройства.

Трудовой договор в КНР заключается в письменной форме и в двух экземплярах, при этом, если лицо приняло на работу без заключения письменного договора, то оно вправе требовать от работодателя выплатить ему заработную плату в двойном размере, начиная со 2 месяца работы, до окончания 1 года работы. Такое право дано работнику на протяжении 1 месяца со дня фактического возникновения трудовых отношений.

Интересным является тот факт, что в отличие от российского трудового законодательства, Закон КНР «О трудовом договоре» предусматривает возможность заключения трудового договора в устной форме, правда только в случае приема работника на работу на неполный рабочий день [5].

Традиционно, сторонами трудового договора выступают работник и работодатель. Что касается видов трудовых договоров, то они четко поименованы в законе «О трудовом договоре» [6], к ним относятся: срочный трудовой договор, трудовой договор, заключенный на неопределенный срок, а также трудовой договор, заключенный на срок выполнения определенного объема работ.

В соответствии с Законом КНР «О труде», работодатель гарантирует как минимум один выходной день работнику в неделю. Что касается ежегодного оплачиваемого отпуска, то по российскому трудовому законодательству, право воспользоваться отпуском имеют те работники, у которых непрерывный стаж работы составляет не менее 6 месяцев, в то время как по китайскому трудовому законодательству этот срок в 2 раза больше и составляет 1 год. При этом в Китае работник, имеющий стаж работы от 1 до 10 лет, имеет право на 5 дней отпуска, при стаже работы от 10 до 20 лет — 10 дней отпуска, если стаж работы более 20 лет — то 15 дней отпуска соответственно. Конечно, данные цифры свидетельствуют о том, что в России ситуация с общей продолжительностью ежегодного оплачиваемого отпуска намного более щадящая — длительность отпуска составляет целых 28 дней.

Таким образом, правовое регулирование трудовых отношений в КНР довольно специфично, что является, скорее всего, следствием особой политики государства, основанной на культурных и традиционных особенностях КНР, характерных для любой азиатской страны.

Литература:

1. Конституция Китайской Народной Республики: принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 4 декабря 1982 г (с изм. 2004 г.) — URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата обращения 24.02.2019 г).
2. Филипова, И. А. Международное и национальное трудовое право: учебное пособие. / И. А. Филипова. — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2015. — 80 с.

3. Закон Китайской Народной Республики «О труде»: принят на 8-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 5 июля 1994 года, введен в действие с 1 января 1995 г. — URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата обращения 24.02.2019 г.).
4. Сравнительное международное трудовое право: учебник для вузов./ И. Я. Киселев: отв. ред. И. Я. Киселев. — М.: Дело, 1999. — 728 с
5. Сравнительный анализ применения отдельных положений трудового законодательства в России и Китайской Народной Республике: Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции, 31 марта 2015 г.: в 6 ч. / под общ. ред. М. Г. Петровой. — Белгород: ИП Петрова М.Г, 2015. — 176 с.
6. Закон Китайской Народной Республики «О трудовом договоре»: принят на 28-м заседании Постоянного комитета ВСНП 10-го созыва 29 июня 2007 года, вступил в силу 1 января 2008 года. — URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата обращения 24.04.2019 г.).

Данные о типичных субъектах противодействия уголовному преследованию по уголовным делам о коррупционных преступлениях

Гришаев Роман Александрович, студент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В современной науке относительно мало внимания уделено особенностям, способам, методам, касающимся преодолению противодействия уголовному преследованию. Как известно, в современных реалиях, для нашей страны, одним из самых популярных преступлений являются коррупционные преступления, особенно в сфере государственной власти, более того, данная тема является одной из самых болезненных для нашего государства, так как не успевают люди забыть об одном из громких разоблачений чиновников, совершивших резонансное хищение государственных средств, как по СМИ тиражируют очередное разоблачение какого-либо чиновника который похитил, дал/взял взятку в немыслимых для обычного гражданина размерах. Учитывая вышесказанное, провести исследование в такой «новой» теме как «Данные о типичных субъектах противодействия уголовному преследованию», будет особо актуально учитывая состояние, в котором пребывает наша страна в данное время. Данное исследование направлено в первую очередь на помощь следователям, а также органам осуществляющим ОРМ, так как деятельность данных субъектов непосредственно связана с раскрытием и расследованием преступлений коррупционной направленности и в любом уголовном деле, ОРМ, тактической операции, знания о типичных субъектах противодействия уголовному преследованию, приемах, способах, преодоления противодействия может сыграть решающую, ключевую роль для раскрытия и доказывания совершенного преступления.

Прежде чем говорить о типичных субъектах противодействия уголовному преследованию, необходимо вспомнить, что такое противодействие уголовному преследованию в целом. В юридической литературе на сегодняшний день написано не так много работ, посвященных

этому вопросу, для определения понятия противодействия обратимся к работе К. Ю. Даньшина, который наиболее широко раскрыл данное понятие:

«Противодействие уголовному преследованию — умышленное конфликтное поведение, осуществляемое участниками уголовного судопроизводства и (или) лицами, не имеющими какого-либо процессуального статуса, в отношении деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, целью которого является воспрепятствование достижению правоохранительными органами задач (назначения) уголовного судопроизводства, путем осуществления различных способов сокрытия преступлений и (или) иных действий, не связанных с воздействием на доказательственную информацию о событии преступления» [2].

Данные о типичных субъектах противодействия уголовному преследованию, имеют важнейшее значение для выбора стратегии преодоления противодействия расследованию. Они позволяют следователю уже на ранних этапах расследования использовать наиболее эффективные и оптимальные тактические приемы при производстве определенных следственных действий, таких как допрос и т. д. Наличие у следователя знаний и навыков преодоления противодействия по преступлениям коррупционной направленности поможет ему выстроить тактику взаимодействия с преступниками так, чтобы свести возможность и желание противодействия последних к минимуму. В целом, позволят избежать ошибок, которые в дальнейшем могут негативно сказаться на результатах расследования.

Располагая сведениями о данных личности преступника, следователь может выдвинуть целенаправленные

версии о роли в противоправной деятельности конкретных лиц, о характере приемов противодействия конкретным лицам и интенсивности противодействия расследованию.

Одними из самых опасных преступлений коррупционной направленности смело можно считать преступления, совершенные должностными лицами государственных органов, поскольку именно эти лица осуществляют обязанности по выполнению государственных функций, исполнению бюджета и т. д. В свою очередь, высокая степень коррумпированности в сфере государственной власти, в высшей степени подрывает доверие граждан к власти, а также свидетельствует о серьезных социальных болезнях государства.

Практически все преступления коррупционной направленности сложны для раскрытия и расследования, объясняется это высокой степенью латентности данных преступлений. Выявление и изобличение преступников затруднено отсутствием очевидцев его совершения. При любой попытке изобличить преступника или его пособника, ими оказывается активное противодействие органам расследования. Объясняется этом тем, что виновные крайне заинтересованы сохранить в тайне свою аморальную и преступную деятельность. Поэтому они всячески нацелены скрыть следы совершенного преступления, могут оказать негативное воздействие на свидетелей и соучастников совершенного деяния, фальсифицировать имеющиеся доказательства, дать ложные показания.

Проанализировав некоторое количество уголовных дел [1], имеющихся в производстве Следственного отдела по Центральному району города Красноярск Следственного Комитета Российской Федерации по Красноярскому краю, а также уголовных дел, бывших в производстве, в настоящий момент находящихся в архиве, были выделены наиболее типичные признаки и модели поведения вышеуказанных лиц, работников государственных органов, совершивших преступное, коррупционное деяние.

Во-первых, практически всегда, когда совершается коррупционное преступление в каком-либо государственном органе, в этом деянии участие принимают сразу несколько соучастников, либо же имеются лица, которым заведомо известно совершение их коллегами по работе преступных действий, но они по каким-либо причинам не сообщают о данных преступлениях в правоохранительные органы. Причинами данного поведения может быть банальная неосведомленность в том, что данное деяние является преступлением, угрозы со стороны начальства об увольнении, дисциплинарном взыскании и т. д., тщательная маскировка преступной деятельности под законную служебную деятельность.

Во-вторых, в качестве ключевого лица часто выступает лицо, занимающее руководящую должность, например, руководитель органа, структурного подразделения, отдела, службы внутри органа. Данное лицо одновременно может выполнять роль как организатора, пособника, под-

стрекателя так и исполнителя преступления. Такой закономерности может быть несколько объяснений: Одной из причин может являться низкая текучесть кадров в данном государственном органе, вследствие чего такой руководитель обрывает «связями», могут возникнуть приятельские отношения с подчиненными, вследствие чего, ему будет легче «уговорить» работников на совершение преступления. Как правило, руководитель обладает авторитетом среди работников, в результате чего, некоторые в силу своего характера, просто не могут противостоять ему и молчаливо бездействуют. Еще одну интересную особенность можно выделить у руководящего лица как главного субъекта преступления — периодическое поощрение, награждение подчиненных работников какими-либо подарками, вследствие чего у работников формируется лояльное отношение к начальнику, а также, что психологи называют «неосознанный долг».

Третьей причиной можно назвать слабый, иногда и вовсе отсутствующий контроль, и надзор надлежащих инстанций за деятельностью данного органа, вследствие чего руководители данных органов со временем начинают чувствовать вседозволенность и безнаказанность за совершение преступных деяний. Особенно быстро это начинает проявляться если деятельность данного органа сопряжена с реализацией бюджетных средств, поскольку наличие полномочий по реализации бюджетных средств может являться отправной точкой для создания коррупционной схемы. Данную причину можно назвать спорной, поскольку она не всегда является виной этих самых контрольных инстанций, иногда, для того чтобы выявить коррупционные факторы, а далее и привлечь ответственных лиц к установленной законом ответственности необходимо провести тщательную проверку (ревизию, сопоставить бухгалтерские документы, счета-фактур, анализ и аудит), что является очень ресурсно-затратным делом и проводить такие проверки без повода конечно же просто не рационально. Как правило, такие коррупционные схемы рано или поздно все равно «всплывают» на поверхность, по «незначительной» ошибке преступников либо случайном стечении обстоятельств, тем не менее длиться такое преступление может годами и даже десятилетиями при определенных обстоятельствах.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что изучение данных о типичных субъектах противодействия уголовному преследованию по уголовным делам о коррупционных преступлениях является важным аспектом криминалистической характеристики субъектов данного вида преступлений. Это обуславливает включение в число постоянных задач криминалистического обеспечения раскрытия и расследования коррупционных преступлений, изучение типичных признаков и свойств, которыми обладают субъекты данной категории преступлений и разработку на основе такого изучения криминалистических рекомендаций по выявлению таких деяний и изобличению лиц их совершивших.

Литература:

1. Архив СО по Центральному району ГСУ СК России по Красноярскому краю.
2. Даньшин, К. Ю. Понятие противодействия предварительному расследованию // Вестник СПбГУ. — 2012. — Сер. № 14. Вып. 4. — с. 76.

Общая характеристика элементов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов

Дмитриева Мария Олеговна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Научный руководитель: Гельдибаев Мовлад Хасиевич, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

В статье проводится результат научного осмысления элементов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов.

Ключевые слова: наркотические и психотропные вещества, незаконный оборот наркотических средств, прекурсоры наркотических средств, сбыт наркотических средств, кустарный и промышленный способы производства.

General Characteristics of the Elements of the Crimes Connected with Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances or Their Analogues

Dmitrieva Maria Olegovna, graduate student

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Supervisor: Geldibaev Movlad Khasievich, Doctor of Law, Professor

In the article presents the result of scientific understanding of the elements of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances or their analogues.

Keywords: narcotic and psychotropic substances, illicit traffic in narcotic drugs, precursors of narcotic drugs, supply of narcotic drugs, artisanal and industrial methods of production.

Непосредственным предметом преступлений данной категории являются наркотические, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги. Наркотики и психотропные вещества — это вещества синтетической либо естественной природы, включённые в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоры, находящиеся под контролем в России, согласно законодательству, международных договоров Российской Федерации и Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года или Конвенцией о психотропных веществах 1971 года.

Прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ — вещества, используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических и психотропных веществ, включённых в специальный Перечень, находящихся под контролем в России, по законодательству России и ратифицированных международных договоров, в том числе Конвенцией ООН о борьбе против незакон-

ного оборота наркотических и психотропных веществ 1988 года.

Аналоги наркотических веществ и психотропных веществ — это вещества синтетической либо естественной природы, которые запрещены для оборота в РФ и не включены в Перечень наркотических средств, психотропных веществ их прекурсоров, химическая структура и свойства которых имеет свойства наркотиков и психотропных веществ.

Эти вещества находятся в любом физическом состоянии в виде препаратов. Незаконный оборот включает в себя: разработку, производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, отпуск, реализацию, распределение, приобретение, использование, ввоз и вывоз в России, с нарушением её законодательства [7]. При этом необходимо помнить, что это организованная преступная деятельность с чёткой иерархией, с руководящим ядром, ролевым распределением, жёсткой

дисциплиной и конспирацией наличием связей с коррумпированными чиновниками и коммерческими каналами преступных доходов [8].

По данным материалов судебной практики, большая часть лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных средств, в виде незаконного приобретения, хранения, перевозку, изготовления и переработку, совершили это без цели сбыта. Этот вид преступлений характеризуется прямым умыслом. Лицо, совершая преступление, прекрасно осознает опасность для общества своего поступка. «Большее половины преступников, осужденных за незаконный оборот наркотиков, от 18 до 30 лет. Средний возраст у женщин 27 лет, у мужчин — 34 года, средний возраст наркоманов для получения денежных средств на наркотики, совершающих преступление, не превышает 26 лет. За последние годы в полтора раза увеличилась доля женщин, участвующих в незаконном обороте наркотических веществ. Наблюдается тенденция уменьшения доли несовершеннолетних преступников» [9].

Необходимо различать легальных производителей наркотического сырья и наркотиков от преступных лиц, занимающихся этой деятельностью. Легальные производители — специализированные фармацевтические предприятия и медицинские учреждения, которые осуществляют продажу и отпуск в установленном порядке для определённого круга лиц.

Нелегальные производители — сельские жители, которые растят специальные культуры растений; лаборатории по переработке сырья и изготовлению синтетических наркотиков [10].

Способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ:

- нелегальное изготовление;
- сбыт, хранение и приобретение;
- контрабанда наркотических средств;
- организация и содержание заведений для потребления наркотиков.

В действующем федеральном законодательстве Российской Федерации нет чёткого определения законного и незаконного производства наркотиков. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 незаконное производство наркотиков определяется как «изготовление сериями и в расфасованном виде с использованием специализированного оборудования».

Для правильной квалификации преступления необходимо различать кустарный и промышленный способы производства наркотических веществ.

Кустарный способ производства не имеет высокую производительность, так как отсутствует возможность проведения сложных химических реакций, полученный наркотический препарат содержит примеси наполнители и посторонние загрязнения. При промышленном производстве помещение оснащено высококачественным оборудованием, с которым работают квалифицированные специалисты, препарат получается с высоким процентом содержания наркотического вещества [11].

Следовательно, от того промышленным, либо кустарным способом был изготовлен наркотический препарат, зависит доля наркотического вещества в препарате. В этом случае при решении вопроса о квалификации тяжести преступления следователю необходимо направить препарат на экспертизу, в ходе которой выяснится, сколько граммов наркотического вещества без примесей находится в препарате.

Незаконное приобретение наркотиков может быть первичным (сбор растений и их частей, находка) вторичным (дар, покупка, долговое обязательство). При вторичном приобретении необязательно, чтобы приобретатель стал фактическим обладателем. Приобретение (покупка, оплата за работу, обмен) может быть и безвозмездным, то есть даром. Сбор наркосодержащих растений и их частей с охраняемой территории даже после уборки урожая считается незаконным приобретением. При этом совместное выкуривание сигареты, употребление инъекции или другое общее употребление наркотических веществ и психотропных веществ не считается незаконным приобретением наркотика и психотропных веществ.

Незаконное хранение наркотиков и психотропных веществ заключается в присутствии у лица наркотического препарата, психотропного вещества или его аналога независимо от того, принадлежит оно ему или нет. Употребление принадлежащего другому человеку наркотика не является хранением.

Сбыт наркотиков, психотропных веществ и их аналогов предполагает их продажу, дарение, угощение и обмен. Практика свидетельствует о том, что в основном сбыт, осуществляется на улице и на квартирах с предварительной подготовкой. Осуществляется выбор места совершения преступления, средства для изготовления наркотика, либо сам наркотик, психотропное вещество или его аналог, объект их сбыта, разработка плана, распределение ролей среди соучастников.

Часто сбыт наркотиков, психотропных веществ и их аналогов осуществляется в притонах для их употребления и совершения других преступлений.

Литература:

1. Шейфер, С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. — М.: Юрлитинформ, 2004. — 278 с.
2. Смирнова, К. Б. Проблемные вопросы собирания доказательств // Российская юстиция. — 2015. — № 10. — с. 11–13.

3. Сысенко, А. Р. Участие специалиста в допросах и обысках, проводимых при расследовании преступлений по горячим следам // Эксперт — криминалист. — 2014. — № 3. — с. 71–79.
4. Янина, В. А. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом запрещённых веществ: дисс. ... канд. юрид. наук. — Воркута, 2015. — 202 с.
5. Клевцов, В. В. Особенности проведения проверочной закупки при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Права и свободы человека и гражданина: Актуальные проблемы науки и практики: Сборник научных статей и докладов. IV Международная научно-практическая конференция. — Орел: ОФ РАНХиГС, 2013. — с. 104–105.
6. Малышкин, П. В. Особенности тактики производства обыска при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ // Мир науки и образования. — 2015. — № 3. — с. 18–24.7. Чернышенко Е. В. Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России: дисс....канд. юрид. наук. — Вологда, 2014. — 214 с.
7. Федеральный закон от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 2. — Ст.219.
8. Лавров, В. П., Рахматуллин Р. Р., Романов В. И. Криминалистика: Краткий курс (конспект) лекций. — Казань, 2013. — с. 75.
9. Омигов, В. И. Криминологическая характеристика незаконного оборота наркотиков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2012. — № 19. — с. 80–85.
10. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 июня 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2012. — № 9. — с. 9–10.
11. Вершинина, Г. В. Актуальные проблемы криминалистического исследования наркотических веществ: дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2014. — с. 7.

Проблема занятости и трудоустройства инвалидов в Российской Федерации

Емельянова Анастасия Андреевна, бакалавр

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал

Право свободно распоряжаться своими способностями к труду предоставляется всем гражданам, в том числе и тем, кто по каким-либо причинам утратил полную трудоспособность и получил определённые ограничения на осуществление трудовой деятельности. Таких граждан иными словами называют инвалидами. Помогать таким лицам в трудоустройстве необходимо органам службы занятости населения. Однако при трудоустройстве таких лиц существуют некоторые особенности: условия для их труда должны соответствовать установленным медицинским нормам, работодатель должен предоставлять таким лицам облегчённые условия труда, а также определённые льготы. [1]

Занятость инвалидов помимо вышеупомянутого Закона «О занятости населения в РФ» регулируется и законом РФ от 24 ноября 1995 г. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». В нём мы можем увидеть то, как государство способствует повышению их конкурентоспособности на рынке труда. Вот несколько примеров этого: государство финансово поощряет предприятия, на которых применяется труд инвалидов, организации устанавливают определённые квоты для приёма таких лиц на

работу, содействие предпринимательской инициативе со стороны инвалидов, обучение лиц с ограниченной трудоспособностью новым профессиям и т. д. [2]

Рассмотрим их подробнее. К примеру, если в организации работает более 30 человек, то там может быть установлена квота как раз для приёма инвалидов, соответственно среднемесячной численности работников в данной организации, но процент инвалидов при этом не может быть менее чем 3 процента. Однако в разных субъектах РФ органы исполнительной власти в праве по своему усмотрению назначать необходимую квоту для каждого предприятия, но она может быть только увеличена, но не уменьшена. От необходимости выделять рабочие места для инвалидов освобождаются их общественные объединения и те юридические лица, которые находятся в их собственности и имеют уставной капитал, состоящий из вклада общественного объединения.

Также рабочие места для инвалидов должны иметь специальные характеристики, которые отличают их от обычных мест. Они должны быть оборудованы особым техническим оборудованием, которое создано для наиболее благоприятных и в некоторых случаях вообще воз-

можных условий труда инвалидов. Обустройство таких мест финансируется за счет средств федерального бюджета субъекта РФ, однако исключения составляют лица, получившие трудовое увечье или же профессионально заболевание. Если лицо получило инвалидность в связи с исполнением воинских обязанностей, стихийного бедствия или межнационального конфликта, то рабочие места, которые они занимают, будут финансироваться за счёт средств федерального бюджета. [3]

Для инвалидов существует перечень условий, которые должны быть созданы работодателем для их эффективного и безопасного труда. Данные условия перечислены в индивидуальной программе реабилитации инвалида. Также нельзя при заключении трудового договора создавать условия труда, которые будут каким-либо образом ухудшать положение инвалида по сравнению с другими работниками.

Продолжительность рабочего времени инвалида также зависит от его группы. В случае, если у него 1 или 2 группа, то более 35 часов в неделю ему работать нельзя. Что касается сверхурочной работы, то инвалиды допускаются к ней только по их письменному согласию и в том случае, если такая работа не принесёт вреда их здоровью.

В нашем государстве важной проблемой трудовых отношений является занятость инвалидов. Так как в обществе уже сложился стереотип о том, что человек с ограниченными возможностями не справится с назначенной трудовой функцией. Однако многие инвалиды хотели бы работать и получать за это заработную плату. Поэтому то, что у них имеется заболевание не может помешать им осуществлять своё право на труд.

Но на сегодняшний день, несмотря на попытки интегрировать лиц с ограниченными возможностями, они со-

ставляют часть вторичного рынка труда. Последний характеризуется нестабильной работой, низкими зарплатами и соответственно невозможностью карьерного роста.

Проблема обеспечения инвалидов рабочими местами является не только социальной, но и экономической. Поскольку государству необходимо получать некоторую компенсацию за то, что инвалидам осуществляется с его стороны материальная поддержка. Однако это станет возможным только в том случае, если их трудоустройство и занятость будут находиться на высоком уровне. Сейчас этот вопрос остаётся открытым, не смотря на все гарантии, программы и другие способы повышения этого уровня. И эта проблема всего общества. [4]

К слову, при Советском Союзе критерием инвалидности являлось ограничение трудовых возможностей человека и государство просто полностью брало на себя материальное содержание инвалидов. Единственным местом, где они могли быть трудоустроены были специальные предприятия, на которых инвалиды занимались неквалифицированным трудом. Поэтому проблемы, касающейся их занятости и трудоустройства, не возникало.

В отличие от других стран, в РФ отсутствует очень эффективный механизм, при котором в случае, если работодатель не выполняет всю квоту предоставленных мест для инвалидов, то обязуется выплачивать сумму из своего бюджета в счёт этих незаполненных мест. Данные средства должны идти на обеспечение новых рабочих мест для них.

Поэтому несмотря на то, что в нашем государстве существуют определённые стандарты и правила для трудоустройства инвалидов, по-настоящему эффективной программы еще не разработано. Хотя данный вопрос важен для социальной и экономической стабильности в обществе.

Литература:

1. Лебедев, В. М. Трудовое право. Проблемы общей части. — Томск, 1998. — 183 с. // Государство и право. — М.: Наука, 2000, № 6. — с. 123
2. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 N 181-ФЗ
3. Орловский, Ю. П. Трудовое право России Учебное пособие/Ун-т Рос. акад. образования: Юрид. фак. — М., 1995. — 224 с.
4. Зязин, В. Н. Социально-экономическая политика обеспечения занятости инвалидов: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05. — Москва, 2011. — 27 с.

Реализация права граждан, находящихся в местах лишения свободы, на участие в судебном заседании по гражданскому делу: практика Европейского суда по правам человека

Емельянова Анастасия Владимировна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Провозглашение в стране демократического общества и правового государства требует сегодня обеспечения становления институтов гражданского общества во всех сферах общественной жизни и обеспечения прав личности на уровне международных стандартов. Эффективность гарантий соблюдения прав личности в сфере правосудия — это важнейший индикатор положения личности в обществе. Перед Россией стоит задача формирования судебной системы и организации судебного процесса таким образом, чтобы всякий участник процесса имел возможность в полной мере реализовывать все гарантированные законом права — право знать, в чем обвиняется, право на защиту, право на ознакомление с материалами дела, права на участие в судебном заседании и др.

Соблюдение права гражданина на участие в отправлении правосудия, в случае, когда он находится в местах лишения свободы, требует повышенных гарантий, поскольку лицо в таких условиях наиболее уязвимо. В международные органы защиты прав поступает значительно число жалоб от российских граждан на нарушение их права на участие в судебных заседаниях. Указанное актуализирует изучение практики Европейского суда по правам человека в аспекте реализации права граждан, находящихся в местах лишения свободы, на участие в судебном заседании по гражданскому делу.

В последнее время в Европейский суд по правам человека все чаще стали поступать жалобы от граждан РФ, находящихся в местах лишения свободы (далее — заявители). Одним из поводов к обращению послужили противоречивые положения ст. 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ) [1] и ряда ст. (48, 155.1 и др.) Гражданско — процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) [2], которые нарушают право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3], а также принцип равенства сторон, участвующих в деле.

Заявители писали в жалобах, что суды лишили их права присутствовать на судебных заседаниях по гражданским делам, в которых они являлись стороной [10]. Причиной тому был отказ российских судов представить заявителям возможность присутствовать на судебном заседании ввиду того, что законодательство РФ не содержит положений о доставке заключенных в зал суда со ссылкой на статью 77.1 УИК РФ. При чем в некоторых случаях, вопрос о присутствии заявителей вообще не рассматривался.

Касательно данной ситуации Конституционный суд РФ в своих определениях не раз подчеркивал, что «заключенному должна быть предоставлена возможность доведения до суда своей позиции по соответствующему делу путем допуска к участию в деле его представителей, а также иным предусмотренным законом способом, например, посредством видеосвязи» [11].

В Определении от 19 мая 2009 г. N 576-О-П Конституционный Суд Российской Федерации указал на то, что «статья 77.1 УИК РФ не исключает принятие судом решения об обязательности участия осужденного в качестве стороны в судопроизводстве в тех случаях, когда, по мнению суда, это необходимо для защиты прав личности и достижения целей правосудия»; «суд, рассматривающий вопрос о личном участии осужденного к лишению свободы в судебном заседании, проводимом по его гражданскому делу, обязан учитывать все обстоятельства дела, в том числе характер затрагиваемых конституционных прав, необходимость дачи осужденным показаний в судебном заседании, и принять обоснованное и мотивированное решение о форме участия осужденного в судебном разбирательстве»...

Верховный суд РФ также не остался в стороне. Так, Пленум Верховного суда РФ разъяснил судам, что «исходя из положений пункта 1 статьи 6 Конвенции в толковании Европейского Суда лишенное свободы лицо вправе участвовать в судебном разбирательстве по гражданскому делу» [12].

ЕСПЧ указал, что ст. 6 Конвенции содержит общее право защищать свои интересы в суде и пользоваться равенством с противоположной стороной, подчеркивая при этом, что государство само определяет форму реализации этого права [9]. При этом, право на «публичное разбирательство» закрепленное в п. 1 ст. 6 Конвенции толкуется как включающее право на «устное разбирательство», которое тем не менее не является абсолютным в случаях, когда устное разбирательство может быть не обязательным при исключительных обстоятельствах дела [5].

В Российской Федерации судьи мотивируют свой отказ тем, что ни УИК РФ, ни ГПК РФ не предусматривают порядок доставки заключенных из исправительных учреждений в место рассмотрения гражданско-правового спора. Европейский суд отклонил такой подход, указывая на то, что отсутствие в законодательстве норм, касающихся участия заключенных в судебных заседаниях, не может толковаться как достаточное основание для ли-

шения их права предстать перед судом [8]. ЕСПЧ установил нарушение ст. 6 Конвенции в большом количестве дел, в которых суды Российской Федерации отказались обеспечить присутствие заявителей, лишенных свободы, желающих принять участие в слушании по их гражданскому делу.

Европейский суд в своей практике приводит случаи, когда отсутствие лица (не)приводит к нарушению принципа равенства сторон: 1. Представление интересов заключенного адвокатом не будет нарушать принцип равенства сторон в случае, если иск не основан «на личном опыте заявителя». Примером может послужить дело «Мухутдинов против Российской Федерации» [7], в котором иск о компенсации вреда был предъявлен потерпевшим к заявителю, от преступлений которого пострадал первый. 2. По делам, в которых «личность и образ жизни заинтересованного лица имели непосредственное отношение к делу или в которых решение зависело от поведения или опыта лица», личное участие стороны признается необходимым. В этом случае, Европейский суд установил нарушение ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в делах, в которых характер гражданского спора требовал личного присутствия истца в суде, независимо от того, были ли его интересы представлены на заседании [6].

Рассматривая жалобы заключенных по данному вопросу Европейский суд исходил из следующих критериев:

1. оценка способа, которым внутригосударственные суды рассматривали вопрос о том, требовал ли характер спора личного присутствия заявителей;

2. приняли ли суды процессуальные меры, направленные на гарантирование их эффективного участия в разбирательстве.

Европейский суд указал, что уклонение законодателя от регулирования особенной ситуации с участием заключенных по гражданскому делу не является подлинным соблюдением принципа справедливого разбирательства, а также отметил, что не смотря на закрепление в законодательных актах возможности иным способом обеспечить право заключенных лично участвовать в гражданском деле (видео связь) внутригосударственные суды не только не рассмотрели эти возможности, но также проигнорировали возможности прямо перечисленные Конституционным Судом Российской Федерации для обеспечения процессуальных прав заявителей. Таким образом, ЕСПЧ в ряде случаев признавал нарушение статьи 6 Конвенции и указал, что российские суды фокусируются на пробелах законодательства, не уделяя при этом внимания к вопросу о необходимости личного присутствия и обеспечения этого присутствия иными мерами [10].

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950); по сост. на 22.11.1984 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], сор. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993); по сост. на 21.07.2014 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], сор. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ: по сост. на 20.12.2017 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], сор. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ: по сост. на 03.08.2018 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], сор. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление ЕСПЧ по делу от 10.12.2009 «Коттуммель против Австрии» (Kottummel v. Austria, жалоба N 49616/06) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], сор. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.
6. Постановление ЕСПЧ по делу от 22.12.2009 «Скоробогатых против Российской Федерации» (Skorobogatykh v. Russia, жалоба N 4871/03); Постановление ЕСПЧ по делу от 10.05.2007 «Ковалев против Российской Федерации» (Kovalev v. Russia, жалоба N 78145/01) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], сор. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.
7. Постановление ЕСПЧ по делу от 10.06.2010 «Мухутдинов против Российской Федерации» (Mukhutdinov v. Russia, жалоба N 13173/02).
8. Постановление ЕСПЧ от 12.06.2012 по делу «Грязнов против Российской Федерации» (Gryaznov v. Russia, жалоба N 19673/03) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], сор. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.
9. Постановление ЕСПЧ по делу от 15.02.2015 «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» (Steel and Morris v. United Kingdom, жалоба N 68416/01) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], сор. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.

10. Постановление ЕСПЧ по делу от 16.02.2016 «Евдокимов и другие (Yevdokimov and others) против Российской Федерации» (жалобы N 27236/05, 44223/05, 53304/07, 40232/11, 60052/11, 76438/11, 14919/12, 19929/12, 42389/12, 57043/12 и 67481/12) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], сор. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 N 576-О-П «По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьями 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], сор. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — [Москва], сор. 1997. — URL: <http://www.consultant.ru>.

Теоретико-прикладные вопросы разграничения умысла и неосторожности

Еременко Денис Евгеньевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Законодатель далеко не во всех статьях Уголовного кодекса Российской Федерации определяет форму вины, с которой может быть совершено преступление. Не всегда подтверждаются знаками, названными в соответствии с верховенством закона. Поэтому указание на вину, когда оно не указано в законе, в решениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации очень важно для квалификации преступлений. Например:

Декрет № 14 от 15 июня 2006 года относится к умышленной или безрассудной форме вины в случае нарушения правил торговли наркотическими средствами или психотропными веществами (статья 228.2 Уголовного кодекса) (пункт 21); преднамеренное — с тенденцией употребить наркотические средства или психотропные вещества (статья 230 Уголовного кодекса) (пункт 27); в производстве и продаже наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 228.1 Уголовного кодекса) (пункты 12, 13) [8].

В некоторых резолюциях указывается не только форма, но и типы вины:

— убийство может совершаться как прямым, так и косвенным намерением; Попытка убийства возможна только с прямым намерением, т. е. Когда акт свидетельствует о том, что человек знал об общественной опасности своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти человека и желал его начала, но смертельный исход не произошел из-за не зависящих от него обстоятельств (из-за активного сопротивления жертвы, вмешательства других лиц, своевременного оказания медицинской помощи жертве и т. д.) (пункт 2 Постановления от 27 января 1999 года № 1);

— производство с целью продажи или продажи поддельных денег или ценных бумаг (статья 186 Уголов-

ного кодекса) совершается только с прямым намерением (пункт 2 постановления от 28 апреля 1994 года № 2 [2]);

— уклонение от уплаты налогов и (или) сборов (статьи 198, 199 Уголовного кодекса) возможно только с прямым намерением (пункт 8 постановления от 28 декабря 2006 года № 64);

— в смысле ст. 209 Уголовного кодекса, совершение любого из форм бандитизма, предусмотренного законом, возможно только с прямым намерением (пункт 14 Постановления от 17 января 1997 года № 1);

— субъективная сторона хулиганства (статья 213 Уголовного кодекса) характеризуется прямым намерением (пункт 13 постановления от 15 ноября 2007 года № 45);

— преступления по ст. 228 Уголовного кодекса, могут быть совершены только с прямым намерением (пункт 9 Постановления от 15 июня 2006 года № 14).

Агент правоохранительных органов получает не меньшую помощь, когда содержание намерений или халатности раскрывается в решениях Пленума. Таким образом, в соответствии с законом (статья 25 Уголовного кодекса) в Постановлении № 11 от 15 июня 2004 года подробно описывается содержание типов намерений: ответственность по статье «с», часть 2 ст. 131 или под пунктом «с» части 2 ст. 132 Уголовного кодекса происходит в случаях, когда лицо, инфицировавшее венерическую болезнь жертвы (его), знало о наличии этого заболевания, предвидело возможность или неизбежность заражения жертвы и пожелало или разрешило такую инфекцию, то есть прямое или косвенное намерение.

Такие объяснения очень полезны. Они нацелены на правоохранителей, чтобы установить психическое отношение человека к действиям (бездействию), совершаемому им, последствиям (в материальной форме) или только действиям (бездействию) (в формальных форму-

лировках) и подсказывают, когда преступление считается завершенным, что важно для надлежащей квалификации дела.

Личностный взгляд человека на событие, характеризующееся как преступление, определяет способность человека отвечать за содеянное. Важными остаются такие критерии главенства права, на основании которых выносится решение, как способ, срок, механизм и др. Это все учитывается при принятии верховным органом мер. В качестве примера:

— при отнесении акта лишения жизни с тяжкой жестокостью (в соответствии с п. «д» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса) обязательно утверждается то, что совершенно точно установлено умышленное намерение преступника убить с особой жестокостью: данный случай указывает на ситуации, когда лицо разделяется с жертвой на глазах родных и сам преступник осознает, что наносит свидетелям мучения и психические терзания; если имелось намерение убийства общественно жестоким способом (§ «е», ч. 2, ст. 105 УК), должно быть установлено, что преступник подозревал об опасности данного способа лишения жизни как одного человека, так и еще какого-то лица, находящегося в месте преступления (п.п. 8, 9 Постановления от 27 января 1999 года № 1);

— преступник, совершивший преступление сексуальной направленности (ст. 131 и 132 УК), знает, что жертва беспомощна и не может оказать сопротивления;

— в соответствии со ст. 174 Уголовного кодекса лицо, которое уличено в противоправном действии, осведомлено о преступном получении материальных ценностей или иных имущественных благ иными людьми (п. 20 Постановления от 18 ноября 2004 года № 23).

Чтобы установить правонарушение или преступное деяние, необходимо учитывать предложения Верховного суда Российской Федерации в рекомендациях, какие характеристики преступной деятельности влияют на определение вида вины, вскрывают ее сущность.

В качестве иллюстрации:

— в соответствии с п. 13 Резолюции от 15 июня 2006 года № 14 лицо, которое приобретает, перерабатывает, хранит, производит или распространяет наркотики, психотропные препараты или похожие на них вещества, не принимает их, отвечает перед каким образом упаковывается, раскладывается в местах для тех, кто их использует и т. д.;

— желание совершить кражу возможно в случаях, связанных с финансовыми трудностями, выплаты долговых обязательств, отсутствии лицензионного права на занятие деятельностью, исполнения договоров; изготовление и пользование нарушителем фальшивыми документами; сокрытие важных знаний о долгах, имущественных обязательствах; преступные сделки и т. д. (п. 5 Постановления от 27 декабря 2007 г. N 51);

— общность всех обстоятельств преступления, в частности способ и механизм преступления, объем, вид и положение повреждений на теле (повреждение витально

значимых человеческих органов), важность связи преступника и пострадавшего и их отношения (п. 3 Постановления от 27 января 1999 года № 1).

Субъективная часть преступной деятельности определяет иное толкование преступления по пункту 3 Резолюции № 1 от 27 января 1999 года — делимитация от связанных преступлений:

— лишение жизни должно быть преднамеренным нанесением серьезного вреда здоровью, повлекшее смерть. Когда совершается убийство, стремление направлено на то, чтобы лишить жертву жизни по преступлению, которое оговорено ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса, преступник считает неосторожностью [7].

Существует различие в вине за действие (основной состав) и последствия деяния (состав квалифицированный). Постановление № 15 от 15 июня 2006 года в отношении к ст. 230 УК:

— дополнительная квалификация согласно праву, характеризует ответственность за случайное неосторожное действие, повлекшее смерть, при снижении дозы наркотических средств или психотропных препаратов, содержится в третьей части настоящей статьи (пункт 28).

Исходя из того, что в уголовном законодательстве существует достаточно большое количество положений, касающихся рассматриваемой темы, указанная выше формулировка не используется в установлении квалификации схожих положений.

Умысел не прямой, даже когда он выглядит законодательно, озвучен в ч. 3 ст. 25 УК Российской Федерации, достаточно ограничен теоретической подоплекой и необходимостью доказывать практикой уже доказанное [6].

Б. Утевский как-то назвал «косвенное намерение» свободным правовым образованием и описал его как вопрос не только правовых оснований, а скорее общественного проявления человека. Утевский говорил, что поведение, имеющее моральное и политическое содержание, заслуживает отрицательной оценки судом. Сейчас мы можем тоже так считать [9].

Окончательное решение по рассмотрению дел данного толка, напрямую зависит от возможности доказательства косвенной вины. Однако данное обстоятельство не всегда играет определяющую роль на процессуальных стадиях.

Цель данного исследования состояла в сравнении ситуаций доказанных и недоказанных в реальных событиях. Более успешно было представлено содержание косвенного влияния, обозначен порядок доказательства.

В действующем законодательстве намерения рассматриваются в нескольких видах. Содержательная составляющая намерения, однако, позволяет говорить только о двух типах данного компонента вины (ч. 2 и ч. 3 ст. 25 УК РФ). В действительности в правоприменительной практике могут использоваться только эти два вида намерения. При этом они могут дополнять друг друга в некоторых случаях. Приведенные примеры из процессуальной практики подтверждают такое утверждение [11, с.476]. Представляется обоснованным мнение П. Дагеля и Д. Котова о том,

что доказательство наличия признаков намерения должно предшествовать его отнесению к определенному виду, указанному в законодательстве [5].

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: намерение является объективным компонентом вины, его установление производится на основании объективных обстоятельств. Однако косвенное намерение, в силу существующих пробелов в законодательстве на практике устанавливается достаточно редко.

Основаниями для установления косвенного намерения является выявление обстоятельств, указывающих на осознанность виновным общественно опасного содержания своего деяния. Кроме того, должно быть доказано, что виновный предвидел негативные последствия своих противоправных действий, однако исходя из собственной необоснованной самонадеянности, не предпринял необходимых мер для их предотвращения (ч. 3 ст. 25 УК РФ).

В качестве примера рассмотрим случай с Н.: он, будучи пьяным, затеял скандал Булатовым и его отцом. В целях отпугнуть Булатова Н. сделал предупредительный выстрел мимо родственников Булатовых из винтовки ТОЗ—8м. Испугавшись за себя, Булатов С. умчался прочь. Спустя какое-то время Н. догнал его и выпустил пулю с короткого расстояния менее 25 метров. Пуля пробила сундук, а жертва скончалась немедленно. Н. пытался оправдать себя тем, что собирался вызвать испуг у Булатова, несколько раз спустил курок в направлении жертвы. Выстрелы производились винтовкой у ноги. Затем осечка не позволила сделать другие выстрелы. Кушвинский городской суд Свердловской области назначил Н. наказание в соответствии с ч. 1 ст. 105, часть 1 ст. 222 Уголовного кодекса [4].

Н. вину не признал за умышленное лишение жизни, обратился к суду с просьбой считать его действия случайными, вызванными ошибкой при обращении с огнестрельным оружием, по ч. 1 ст. 109 УК. Со слов нарушителя он просто проучил Булатова страхом во время ссоры, направив на него оружие. Здесь мы можем видеть различие в осознании преступной деятельности самим нарушителем, преступившим закон, и трактованием содеянного с точки зрения права. Также существует нестыковка в понимании преступления с точки зрения закона и последственного. Когда человек, добиваясь поставленной цели, реагирует из обывательского опыта на непредвиденные обстоятельства, то он может относить все случившееся к чему-то спонтанному и лишенному умысла.

Однако, если в этом примере вывод о намерении вызвать смерть ошибочен, тогда небрежность произошла бы. Решающим критерием отличия намерения от неосторожности, как отмечает П. Дагель и Д. Котов, является то, что с косвенным намерением, в отличие от криминального высокомерия, виновный не учитывает конкретные обстоятельства, которые, по его мнению, должны препятствовать наступлению последствий. Немецкий криминалист К. Роксин считает, что возможное намерение очевидно, если поведение субъекта отражает решение, направленное против законного блага, и субъект скорее готов при-

нять последствия, чем предотвратить их. Таким образом, в рассматриваемом примере существует косвенное намерение, которое надежно подтверждается комбинацией объективных данных. Доказательства доказаны для виновной опасности ситуации и способа, которым выбранное оружие используется для жизни жертвы.

Второй пример. А. в состоянии опьянения во время ссоры с наложницей начал ударять ее ударами по лицу и туловищу. Во время избиения у нее на руках была несовершеннолетняя дочь, которая не хотела причинять боль А.. Однако присутствие ребенка в руках женщины-партнера не помешало ответственному лицу. В ходе нанесения побоев женщине один удар кулаком в лицо был нанесен малолетней. Сожительница с дочерью на руках упала на пол, от чего малолетней дополнительно причинена физическая боль. В соответствии с приговором судьи мира раздела № 1 Кушвинского судебного округа Свердловской области А. был признан виновным в причинении физической боли несовершеннолетней жертве по ч. 1 ст. 116 Уголовного кодекса [4], в отношении избиения наложницы, дело закрывается для примирения сторон [3]. Ответчик не признал вины в преднамеренном совершении насильственных действий против ребенка, который причинил физическую боль. Однако во время расследования вины А. в совершении преступления по ч. 1 ст. 116 УК, доказано.

Третий пример. Н. в состоянии алкогольного опьянения развязала ссору с Э. в незначительном случае, ударила кулаком по плечу. Когда Э., пытаясь избежать насилия, сел в салоне пассажирского салона на заднем пассажирском сиденье рядом с боковым окном, закрыв двери автомобиля, Н. ударил ногой, как указано в обвинительном заключении, «в лицо через сломанную что вызвало Э. физическую боль». Согласно приговору магистрата № 2 Кушвинского судебного округа Свердловской области, в результате экспертизы в специальном порядке Н. был признан виновным в совершении преднамеренных насильственных действий, вызвавших физическую боль от хулиганских мотивов, предусмотренных в кл. 116 Уголовного кодекса. Однако последствием действий преступника, помимо физической боли, был тот факт, что фрагменты стекла, разбитого от удара, поразили Е., ранив глаз, что вызвало рану глаз, что считается вредом для здоровья умеренной степени тяжести. В ходе расследования Н. не признал вины за умышленное нанесение вреда здоровью умеренной степени тяжести (статья 112 Уголовного кодекса), но, согласившись с квалификацией к. «А» часть 2 ст. 116 Уголовного кодекса, поскольку он не хотел никаких других последствий, кроме физической боли, ходатайствовать о специальном случае. Кажется, что возможность доказать намерение причинить вред здоровью умеренной степени тяжести в этом случае была.

По нашему мнению, в ходе расследования было необходимо собрать объективные доказательства (в том числе с использованием фотографирования), что свидетельствует о том, что действия были совершены в опасных условиях, которые могли причинить вред, который прои-

зошел и очевидный для исполнителя. При допросе обвиняемого, который отрицал вину в преднамеренном акте, имело смысл выяснить: а) может ли обвиняемый различать признаки реальной опасности окружающей среды для объекта посягательства; б) Если да, то почему он не отказался от своего намерения; в) если он не желает вызывать результат, то по каким конкретным обстоятельствам, способным предотвратить вред, он посчитал [10].

Таким образом, во всех рассмотренных примерах было косвенное намерение, но в некоторых случаях суд не пре-

доставил достаточных доказательств. Отсюда можно сделать вывод, что косвенное намерение, как правило, доказать сложнее, чем другие формы вины. Уголовно-правовая оценка обстоятельств, указывающих на косвенное намерение, должна быть подтверждена достаточным набором объективных доказательств, убедительно демонстрирующих, что вероятность инкриминируемых последствий была очевидна преступнику в момент его решимости действовать и должна учитываться при осуществлении его решения.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС Консультант Плюс
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 3, 1999.
3. Материалы уголовного дела N 1—110/2005 // Архив мирового суда г. Кушвы Свердловской области, 2015.
4. Материалы уголовного дела N 150039134 // Архив прокуратуры г. Кушвы Свердловской области, 2016.
5. Дагель, П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона и ее установление. Изд-во Воронежского ун-та, 1974. с. 109.
6. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2016. с. 166
7. Козлов, А. П. Понятие преступления. СПб., 2018. с. 586
8. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части уголовного права. СПб., 2019. с. 25.
9. Утевский, Б. С. Вина в советском уголовном праве. М.: Юриздат, 2017. с. 243
10. Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. И. Я. Козаченко. М., 2017. с. 279.
11. Уголовное право: Учебник: В 3 т. / Под общ. ред. А. Э. Жалинского. М., 2018. Т. 1. Общая часть. с. 481.

Предпосылки к созданию системы мониторинга эффективности поддержания государственного обвинения и назначения уголовного наказания за преступления коррупционной направленности

Жариков Евгений Олегович, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В результате анализа некоторых организационно-распорядительных документов Генерального прокурора нами была выявлена устойчивая тенденция к использованию понятия «мониторинг». Так, прокуроры обязаны «докладывать о результатах мониторинга» [5], «ежедневно осуществлять мониторинг» [6], «осуществлять постоянный мониторинг» [7], что предполагает единообразное восприятие используемой терминологии вне зависимости от осуществляемой деятельности.

Однако Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [1] не содержит интерпретацию понятия «мониторинг» и фактически не раскрывает его содержание, что также наблюдается и в иных актах федерального уровня.

Приложение к Указу Президента РФ «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [20] содержит следующие обязательные признаки мониторинга: 1. комплексная деятельность; 2. плановая деятельность; 3.

направленность на сбор, обобщение, анализ, оценку информации.

Полагаем, что перечисленные признаки будут составлять основание любого определения мониторинга, вне зависимости от привязки к характеру деятельности перечисленных в нормативном акте органов.

Таким образом, нам представляется возможным определить термин «мониторинг» как комплексную и плановую деятельность по сбору, анализу и оценке информации для последующего выявления позитивных и негативных тенденций, проблем и разработки методики их эффективного решения.

Критерии эффективности мониторинга зависят не только от совокупности, касающихся его участвующих лиц и источников, но и от качественных характеристик его субъектов, которые осуществляют функции анализа и оценки информации. Такими критериями можно считать, например, достоверность, объективность, своевременность и т. д.

В научном сообществе существует позиция, что впоследствии реформы 2007 года полномочия, что были сохранены за прокуратурой, направленные на осуществление функции уголовного преследования в досудебном производстве, не являются достаточными для эффективного осуществления вышеназванной функции в должном виде. По факту выходит, что де-факто в наши дни функцию уголовного преследования в досудебном производстве в целом осуществляют органы, занимающиеся следствием и дознанием. При всем названном выше деятельность, осуществляемая прокуратурой, в свете предоставленных ей полномочий, сводится на данном направлении деятельности к тому, что данный орган несет обязанность всеми силами содействовать реализации уголовного преследования. Реализовывать же уголовное преследование самостоятельно и с наибольшей эффективностью прокуратуре, основываясь на данной точке зрения, в полной мере не представляется возможным из-за недостаточности существующих на сей день правовых средств [8].

Вышеназванная позиция является спорной и не находит поддержки у многих других теоретиков науки права.

Результативность осуществления государственным обвинителем своих функций на судебной стадии уголовного процесса имеет прямую корреляцию с избранием им оптимального и верного в методическом плане варианта поддержания государственного обвинения и умелой его реализации в ходе судебного следствия [9].

Обособление поддержания государственного обвинения в качестве самобытного вида уголовно-процессуальной деятельности органов прокуратуры в современных научных кругах не вызывает нареканий. Существующее на данный момент времени законодательство содержит отдельный состав норм, позволяющих обособить данный вид прокурорской деятельности. Впрочем, выделение поддержания государственного обвинения в самостоятельную функцию прокуратуры находит признание не у всех ученых. Одни стоят на позиции, что данный вид деятельности не обладает самостоятельным функциональным содержанием и находит свое осуществление в сфере выполнения функции уголовного преследования, иные выдвигают версию, что функция поддержания государственного обвинения вписывается в границы функции участия прокурора в рассмотрении дел судами [10].

Не смотря на существующие в науке противоречивые мнения, нам представляется верной точка зрения, что введение регламентированной системы мониторинга эффективности поддержания государственного обвинения способствовало бы наиболее результативно осуществлять данный вид деятельности прокуратуры, помогло бы разработать наиболее действенные в методическом плане рекомендации и тактические аспекты, а также — выявить проблемы и способствовало бы поиску их решений при поддержании государственного обвинения.

То же самое касается и введения системы мониторинга эффективности наказаний. Данная система позволила бы,

на наш взгляд, с наибольшей долей вероятности ответить на вопрос, способствует ли назначаемое судом за какое-либо преступление наказание самим целям уголовного наказания.

На наш взгляд, особое внимание данная система мониторинга должна была бы обратить на такие противоправные деяния, как преступления коррупционной направленности.

Коррупция — это мировая проблема и опасное социальное явление, представляющее собой серьезную угрозу для стабильного и безопасного развития государства [15].

Чтобы оценить размеры существующей проблемы коррупции проведен анализ истоков, сущности и содержания термина «коррупция».

В. Д. Адрианов в своей монографии описывает, что согласно различным мнениям научных исследователей, существует несколько вариантов происхождения термина «коррупция». Первый вариант происхождения от сочетания латинских слов «corrupti» (несколько участников обязательственных отношений по поводу одного предмета) и «gипреге» (ломать, повреждать, нарушать, отменять). В результате чего был образован самостоятельный термин «соггипреге», предусматривающий участие в деятельности нескольких лиц, целью которых является «торможение» нормального хода судебного процесса или процесса управления делами общества.

В законодательстве Российской Федерации определение коррупции сформулировано в Федеральном законе о противодействии коррупции, ст. 1 которого устанавливает, что под коррупцией для целей этого нормативного акта следует понимать совершение одного из предусмотренных законом деяний (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами), а также совершение вышеперечисленных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Определение «преступление коррупционной направленности» не встречается в Уголовном Кодексе Российской Федерации, также оно не встречается и в Федеральном законе «О противодействии коррупции». Однако, данное определение содержится в совместном Указании Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 853/11 и Министерства внутренних дел Российской Федерации № 5 от 25.12.2018 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Так, согласно этим указаниям, к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные ниже признаки:

1. наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;

2. связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

3. обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

4. совершение преступления только с прямым умыслом [16].

Нам представляется верным закрепление термина «преступления коррупционной направленности» на

уровне федерального законодательства, что облегчило бы его однозначное толкование и позитивным образом бы сказалось на дальнейшем развитии института мониторинга преступлений коррупционной направленности.

Исходя из всего изложенного, представляется возможным заключить то, что поскольку поддержание государственного обвинения является одним из важнейших видов деятельности Прокуратуры Российской Федерации, во многом преследующим в числе прочих цель наказания виновных в совершении преступлений, а зачастую коррупционной направленности носят резонансный характер, создание комплексной системы мониторинга эффективности поддержания государственного обвинения и назначения наказания за преступления коррупционной направленности принесло бы ощутимую пользу органам прокуратуры для повышения результативности и избегания ошибок на данном направлении деятельности.

Литература:

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2201–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;
2. Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. N 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;
3. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»;
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
5. Приказ Генерального прокурора РФ от 11 августа 2010 г. № 313 «О порядке формирования органами прокуратуры ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Законность. 2010. № 11;
6. Приказ Генерального прокурора РФ от 23 октября 2009 г. № 341 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации» // Законность. 2010. № 1;
7. Приказ Генерального прокурора РФ от 9 июня 2009 г. № 193 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах» // Законность. 2009. № 8;
8. Василенко Анна Андреевна «О необходимости расширения полномочий прокурора и их четкой регламентации в досудебном производстве» // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 4. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-rasshireniya-polnomochiy-prokurora-i-ih-chetkoy-reglamentatsii-v-dosudebnom-proizvodstve> (дата обращения: 15.11.2018).
9. Кисленко Сергей Леонидович «Криминалистические основы реализации прокурором обвинительной позиции в стадии предварительного слушания» // Вестник СГЮА. 2017. № 6 (119). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-osnovy-realizatsii-prokurorom-obvinitelnoy-pozitsii-v-stadii-predvaritelnogo-slushaniya> (дата обращения: 15.11.2018).
10. Воронин Олег Викторович «К вопросу о признании поддержания государственного обвинения в качестве отдельной функции современной Российской прокуратуры» // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2013. № 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-priznanii-podderzhaniya-gosudarstvennogo-obviniya-v-kachestve-otdelnoy-funktsii-sovremennoy-rossiyskoy-prokuratury-1> (дата обращения: 15.11.2018).
11. Павлинов, А. В. Угрозы безопасности России. Антикоррупционный и антиэкстремистский мониторинг: монография. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 280 с.;
12. Павлинов, А. В. Мониторинг эффективности применения уголовного наказания за преступления коррупционной направленности // Уголовное право. — 2011. — № 3. — с. 111–114.
13. Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции и практики его применения / О. А. Плохой, Н. Г. Семилютина, А. М. Цирин и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2014. — 64 с.

14. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие: монография / Т. Е. Бейдина, С. Б. Быстрынец, Н. Л. Захаров, Л. В. Мась, Н. Н. Меньшенина, А. Г. Наронская, М. В. Пантелеева, О. В. Погулич, С. С. Соколова, Н. В. Устинова, А. В. Чечулин / под общ. ред. проф. Н. Н. Меньшениной; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 202 с. ISBN 978—5—7996—1365—5
15. Бабаев, В.К. Теория государства и права: Учебник / В.К. Бабаев. — М.: Юрист. — 2003. — с. 592.
16. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации №853/11 и Министерства внутренних дел Российской Федерации №5 от 25.12.2018 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»./https://rulaws.ru/acts/Ukazanie-Genprokuratury-Rossii-N-853_11,-MVD-Rossii-N-5-ot-25.12.2018/

Консультативный запрос национальных судов в Европейский суд по правам человека

Жаровских Евгений Дмитриевич, магистр;
Ахунзянов Данис Фанисович, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

В последние десятилетия существования Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) разногласия между ним и высшими судами отдельных государств относительно вопроса о том, как следует толковать и применять положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приобрели крайне острый характер. Мировое сообщество стало постепенно осознавать, что отношения между межгосударственным органом по защите прав человека и национальными судами должны строиться на основе диалога, сотрудничества и взаимодействия, в противном случае ЕСПЧ как межгосударственный орган по защите прав человека становится бессмысленным, а Конвенция — недействующей.

Предпосылками реформ юрисдикции ЕСПЧ явилось изменение функций ЕСПЧ, которое вряд ли можно назвать правильным с точки зрения основной миссии, оправдывающей его существование. Вместо роли межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, который, исходя из принципа субсидиарности, оказывает национальным судебным органам правовую помощь в толковании и применении положений Конвенции, ЕСПЧ фактически стал играть роль высшего суда, действующего по принципу «нарушение-наказание».

Закономерным итогом таких изменений стало огромное количество поступающих жалоб, с которыми ЕСПЧ не в силах справиться. Фактическая подмена ЕСПЧ национальных судов при разрешении споров на основании Конвенции признавалась неправильной, и в этом смысле стало очевидным, что ЕСПЧ должен начать уход от роли высшего суда последней инстанции и ориентировать национальные суды на самостоятельное разрешение дел на основе применения положений Конвенции.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, деятельность ЕСПЧ была подвергнута изменениям в результате последовательного принятия сначала Протокола № 15 от

24 июня 2013 года к Конвенции, который прямо закрепил субсидиарный характер ЕСПЧ, затем Протокола № 16 от 2 октября 2013 года, предусмотревший возможность высших национальных судов обращаться в ЕСПЧ с консультативным вопросом.

Основная идея, которая легла в основу Протокола № 16 к Конвенции, состояла в реализации принципа субсидиарности, согласно которому государствам отводилась первичная и основная роль в применении конвенционных положений при разрешении споров. Отныне ЕСПЧ должен не столько разрешать конкретные правовые споры на основании норм Конвенции, сколько осуществлять последующую правовую оценку того, насколько государства исполняют требования Конвенции. Институт консультативного запроса судов призван усилить роль национальных судебных инстанций в активном применении положений Конвенции при разрешении конфликтов.

Если обратиться к анализу положений Протокола № 16 к Конвенции, посвященных консультативному запросу судов в ЕСПЧ, то необходимо отметить следующее.

Из положений статьи 1 следует, что правом на обращение с консультативным запросом наделены только высшие судебные инстанции национальных государств. При этом не говорится о том, какие именно высшие суды могут быть наделены таким правом, и в этом смысле необходимо полагать, что сами государства смогут решать, какие именно суды могут наделяться правом на консультативный запрос. Это могут быть как высшие суды общей практики, так и конституционные суды.

Важно обратить внимание на правило пункта 3 статьи 2 Протокола № 16, согласно которому Коллегия, которая принимает решение о передаче консультативного запроса в Большую палату, и сама Большая палата, постановляющая консультативное заключение, в обязательном порядке включают в себя судью от того государства, нацио-

нальный суд которого направил преюдициальный вопрос. Указанное регулирование является примером сотрудничества и диалога между ЕСПЧ и национальными правовыми порядками, призванными смягчить конфронтацию между юрисдикциями.

Кроме того, из текста Протокола № 16 Конвенции следует, что обращение с консультативным запросом в ЕСПЧ является исключительно правом национальных судов. Не предусмотрено ни одного случая, когда бы обращение с консультативным запросом вменялось бы в обязанность национальному суду. В этом смысле ЕСПЧ еще раз подчеркивает субсидиарный характер своей деятельности, оставляя национальным юрисдикциям полную свободу выбора.

Крайне любопытна формулировка предмета консультативного судебного запроса, закрепленная в статье 1 Протокола № 16. Согласно пункту 1 статьи 1 Высшие суды и трибуналы Высокой Договаривающейся Стороны, определяемые в соответствии со статьей 10, могут запрашивать у Суда консультативные заключения по вопросам о принципах, касающихся интерпретации или применения прав и свобод, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней. Такая формулировка использована неслучайно. По справедливому замечанию Л.Гарлицкого, «роль ЕСПЧ должна заключаться в разъяснении или формулировке принципов (стандартов) общего характера, а не указания правильного способа её применения к конкретным фактам дела. Последние могут рассматриваться судом только в том случае, когда после рассмотрения дела будет подана индивидуальная жалоба в соответствии со статьей 34 Конвенции». Следовательно, вопрос должен носить важный правовой характер, касающийся возникшей правовой неопределенности в толковании положений Конвенции. Давая правовое заключение по данному вопросу, ЕСПЧ не должен подменять собой национальный суд и разрешать дело по существу.

Согласно пунктам 1–2 статьи 1 Протокола № 16 Конвенции высшие суды получают возможность обратиться с консультативным запросом только в контексте рассматриваемого ими дела, следовательно, обращение в порядке «абстрактного порядка» не допускается. Кроме того, при направлении консультативного запроса высшая судебная инстанция обязана его мотивировать, то есть указать, в чём возникла правовая неопределенность в применении положений Конвенции, почему и в чём именно нормы национального законодательства противоречат конвенционным нормам, какие пути решения проблемы могут быть предложены.

Литература:

1. Протокол № 15 о внесении изменений и дополнений в Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. URL: <http://base.garant.ru/71629994/> (дата обращения: 30.04.2019)
2. Протокол № 16 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. URL: <http://european-court.ru/2013/07/13/12513/> (дата обращения: 30.04.2019).
3. Л.Гарлицкий. Реформа Европейского суда по правам человека — текущее состояние и перспективы // Международное правосудие. № 2 (10). — 2014. с. 76–79.

Наконец, особого внимания заслуживает формулировка статьи 5 Конвенции, согласно которой консультативные заключения ЕСПЧ не имеют обязательной силы. Это означает, что национальный суд, получив консультативное заключение ЕСПЧ, вправе отказаться от его применения и вынести решение по делу исходя из собственного видения права. Однако многие исследователи, с которыми стоит согласиться, склонны полагать, что консультативные заключения *de facto* станут обязательными для национальных судов. Так, Л.Гарлицкий полагает, что «решение национального суда, несовместимое с позицией, отраженной в консультативном заключении, приведет к признанию нарушения Конвенции в соответствии со статьей 34». Соглашается с указанной точкой зрения К. Дяттерев, который отмечает, что «стремление сделать механизм консультативных заключений настолько гибким, насколько это возможно (что следует из самой природы факультативного протокола), уравнивается необходимостью того, чтобы указания Суда будут исполняться во всех случаях, кроме исключительных».

Обязательность консультативного заключения ЕСПЧ существует до тех пор, пока национальный суд не даст мотивированное объяснение несостоятельности правовой позиции, высказанной ЕСПЧ. Представляется, что ЕСПЧ, как и любой суд, не застрахован от ошибок, и в дальнейшем, если дело попадет на рассмотрение в ЕСПЧ в результате жалобы, он (ЕСПЧ) либо согласится с национальным судом и пересмотрит свою позицию, либо укажет на ошибочность позиции национального суда.

Таким образом, Протокол № 16 к Конвенции, предусматривающий введение консультативного запроса, призван смягчить конфронтацию между национальными судами и ЕСПЧ, обеспечить сотрудничество и взаимодействие между ними. Кроме того, консультативный запрос меняет роль самого ЕСПЧ. Теперь применение положений Конвенции — прерогатива национальных судов, которые должны самостоятельно разрешать споры на основе конвенционных норм.

Представляется, что Россия в свете крайне острых разногласий Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ по вопросам применения конвенционных норм как никогда заинтересована в диалоге с ЕСПЧ в целях «перезагрузки» напряженных отношений. Поэтому если РФ заинтересована в тесном сотрудничестве с ЕСПЧ, а также заинтересована в действительном применении судебными органами на территории РФ положений Конвенции, то ей следует ратифицировать Протокол № 16 Конвенции.

4. К.Дягтерёв. «Консультативные заключения 2»: реформирование компетенции Европейского Суда по правам человека по вынесению консультативных заключений / К. Дегтярев, Н. О'Мара. // Международное правосудие. — 2014. — № 2. — с. 71–85.

Некоторые особенности законодательной инициативы Президента Российской Федерации

Жигайлова Анна Вячеславовна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Колюшкина Лариса Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

На протяжении длительного времени в Российской Федерации разрабатывался свой непосредственно индивидуальный механизм по взаимодействию между собой участников законодательного процесса. Отметим, что законодательство нельзя ассоциировать исключительно с законодательной ветвью власти. В соответствии с Конституцией Российской Федерации, например, Президент РФ является одним из самых активных участников правотворческого процесса.

Законодательная инициатива является первой стадией законодательного процесса и заключается в реализации уполномоченными субъектами права на внесение законопроекта в орган законодательной власти, что в свою очередь влечет за собой, обязанность парламента начать процедуру рассмотрения внесенного законопроекта в соответствии с общепринятыми нормами. При этом в каждом государстве на уровне основного закона четко очерчивается круг субъектов права законодательной инициативы, так как законодательный орган не обязан рассматривать в качестве законопроектов предложения, поступающих от других лиц. [4, с. 116]

Рассмотрим далее более подробно некоторые особенности реализации Президентом РФ права законодательной инициативы.

В Конституции РФ нашли закрепление следующие формы участия Президента РФ в законодательном процессе: — осуществления права законодательной инициативы (ст.104 Конституции РФ); обнародование принятого закона палатами Федерального Собрания (ч.2 ст.107); права «вето», которое может быть применено главой государства в отношении принятого федерального закона (ч.3 ст.107); подписание и промульгация ранее принятой редакции федерального закона, но только в том случае если палатами Федерального Собрания было преодолено «вето» Президента РФ (ч.3 ст.107). [1]

Для реализации права законодательной инициативы Президент вносит законопроекты в Государственную Думу (п. «г» ст.84), предложения о поправках и переосмотре положений Конституции РФ (ст.134). Глава государства может внести проект любого федерального конституционного закона или федерального закона, законопроекты вносимые Президентом РФ являются при-

оритетными, т. е. они подлежат рассмотрению Государственной Думой в первую очередь. Круг общественных отношений, по которому глава государства обращается в парламент с законопроектом не ограничен, т. е. по любому вопросу Президент РФ может обращаться с законодательной инициативой.

Несмотря на столь широкий круг полномочий главы государства по вопросам правотворческой деятельности, в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует четкое регулирование реализации права законодательной инициативы не только Президента РФ, но и других субъектов.

Действующим законодательством предусмотрен ряд особенностей порядка реализации права законодательной инициативы по отдельным вопросам. В частности, право на внесение проекта федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» принадлежит исключительно Президенту РФ.

Согласно ч.2 ст. 104 Конституции РФ законопроекты вносятся в Государственную Думу, что в своем роде:

— Во-первых, предполагает необходимость представления текста данного законопроекта;

— Во-вторых, возлагает на Государственную Думу право определять степень соответствия установленной процедуры реализации права законодательной инициативы. Таким образом, внесение предложения о принятии закона без представления текста законопроекта нельзя считать осуществлением права законодательной инициативы.

При анализе действующего законодательства можно найти ряд нормативно-правовых актов, которые определяют право субъектов законодательной инициативы обращаться в представительный орган с законопроектами по определенным вопросам. Выше мы приводили примеры в отношении главы государства, можно еще привести пример, что к таким актам относятся не только федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (п. 1 ст. 12) [2], но еще и Указ Президента РФ

от 1 сентября 2000 года № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации» [3] и многие др.

Таким образом, на основании анализа обозначенных вопросов, доля устранения правовых пробелов следует рассмотреть и внести в действующее законодательство ряд изменений и дополнений. Во-первых, необходимо более полно и четко отразить в действующих нормативно-правовых актах положения о первоочередности рассмотрения Государственной Думой законодательных инициатив главы государства и на наш взгляд такое положение должно быть закреплено не только в Регламенте Государственной Думы. Во-вторых, к ключевым моментам в понимании механизма реализации законодательной инициативы Президента РФ, является положение о том, что если главой государства внесен законопроект в Государственную Думу (зарегистрирован, передан в ответственный комитет), то вплоть до его официального отклонения не должны приниматься к рассмотрению законопроекты по аналогичному кругу общественных отношений. Такое положение должно распространяться не только на главу государства, но и на другие субъекты, наделенные Конституцией РФ правом законодательной инициативы. Для этого должна осуществляться четкая регистрация поступающих проектов закона в Государственную Думу.

Очень важно, чтобы деятельность Президента РФ осуществлялась в конституционном режиме, на основе конституционных ценностей в интересах народа. Следовательно, детальное законодательное урегулирование всех аспектов реализации Президентом РФ законодательной инициативы, а также других форм его участия в правотворческом процессе должно поднять не только качество принимающих нормативно-правовых актов, но и стабильность конституционного строя Российской Федерации.

Общеизвестно, что Конституция РФ устанавливает только общие принципы, положения по принятию законов, и практически не определяет порядок взаимоотношений между участниками законодательного процесса. С другой стороны, общепринятые регламенты палат Федерального Собрания Российской Федерации, которыми преимущественно определяется порядок рассмотрения и принятия законов, не является общеобязательным для иных участников законодательного процесса. Поэтому, на наш взгляд, именно принятие федерального закона, обязательного для всех участников законодательного процесса, поможет установить единый порядок прохождения законопроектов, начиная с их внесения в Государственную Думу и заканчивая подписанием и обнародованием, включая регламентацию правил и механизмов рассмотрения отклоненных главой государства законов и взаимодействия всех участников рассматриваемого процесса.

Кроме того, принятие данного федерального закона будет учитывать еще два важных момента: качество подготовленных законопроектов и скоординированность президентских инициатив, начиная с разработки концепции предполагаемого федерального закона с другими субъектами права законодательной инициативы, которых насчитывается более семисот. В целях определения порядка реализации своего права законодательной инициативы и участия в законотворчестве при принятии федеральных законов действует утвержденное Президентом Положение о порядке взаимодействия Президента РФ с палатами Федерального Собрания РФ в законотворческом процессе, но согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 29.11.2006 г. № 9-П такой порядок должен определяться федеральным законом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ (в актуальной редакции) // Российская газета. 2001. 20 декабря.
3. Указ Президента РФ «О Государственном совете Российской Федерации» от 1 сентября 2000 г. № 1602 (в актуальной редакции) // Российская газета. 2000. 5 сентября.
4. Законодательная техника: учебник / Г. М. Морозова и др.; под редакцией Рукавишниковой И. В., Позднышова А. Н., Напалковой И. Г. — Ростов н/Д: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. — с. 116–122.

Особенности правовой природы предварительного договора

Карпов Алексей Андреевич, студент

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье анализируются изменения в области гражданского законодательства по отношению к предварительному договору. Рассмотрены понятие и основные положения предварительного договора. Выявлены отдельные риски сторон при совершении сделки с помощью предварительного договора.

Ключевые слова: право, предварительный договор, соглашение, залог, риски.

В условиях потребительской цивилизации при тенденциях цифровизации и глобализации крайне важным становится правовая защита договоров между физическими лицами, а также юридическими лицами. В постсоветском пространстве долгое время закон был популярен, главенствовали понятия асоциальных элементов, которые активно насаждались через литературу и ТВ.

Однако с приходом к власти настоящего Гаранта, Россия смогла стать настоящим правовым государством. На протяжении нескольких лет отмечены изменения и поправки регламентирующих документов всех уровней, направленные на то, чтобы истинным гражданам страны можно было не беспокоиться за сохранность своего имущества, здоровья и жизни.

И. Р. Сафарьянова, в частности, отмечает, что «одним из наиболее важных правовых событий гражданского законодательства РФ стало вступление в силу Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». В данном правовом документе законодатель увеличил круг понятий по поводу предварительных соглашений, где базовым и основным было понятие предварительного договора» [8].

Понятие и определение предварительного соглашения (договора) раскрыто в 3 разделе «Общая часть обязательственного права» Гражданского Кодекса РФ, в подразделе 2 «Общие положения о договоре», в главе 27 «Понятие и условия договора» статье 429.

В ст. 429 ГК РФ предварительный договор легально определен как соглашение, в силу которого стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ либо же оказании услуг на условиях, предусмотренных предварительным договором [1].

Исторически характеризовался изменчивостью подход к юридическому регулированию — от признания предварительного договора самостоятельным, создающим все необходимые для заключения основного договора условия юридическим фактом до отрицания его как юридического факта — предварительного договора.

В настоящее время в гражданском праве предварительное соглашение (договор) в силу регулирования им процесса заключения отдельных разновидностей договоров носит организационную функцию.

То, что исполнение условий предварительного договора не связано никоим образом с исполнением имущественных

требований, с возникающей из предварительного договора только обязательством к заключению основного договора, является определяющей особенностью предварительного соглашения (договора), отличающей его, несмотря на наличие некоторых, по ряду внешних признаков, совпадений, от договоров с отлагательным условием или с отлагательным сроком, от оферты, от соглашений о намерениях, от договора простого товарищества [5].

Таким образом, планирование финансово-хозяйственной деятельности, координация экономических связей субъектам коммерческой деятельности на законодательно-правовой базе обеспечивается применением предварительного соглашения (договора), по которому, как нормирует статья 429 Гражданского Кодекса РФ, контрагенты обязуются на предусмотренных предварительным договором условиях заключить в будущем времени основной договор об оказании возмездных услуг, выполнении работ или передаче движимого или недвижимого имущества.

То есть, как отмечает В. П. Миронов, стороны предварительного соглашения (договора), обязуются заключить, в силу п. 1 ст. 429 Гражданского Кодекса РФ, в будущем на предусмотренных в предварительном договоре условиях основной договор об оказании возмездных услуг, выполнении работ или передаче движимого, или недвижимого имущества. Предварительное соглашение (договор) не влияет на имущественные права и не создает каких-либо обременений и ограничений имущественных прав в силу того, что оно лишь определяет, являясь организационным, сроки и условия заключения основного договора, что подтверждается определениями ВС РФ № 54-КГ16–7 от 09.08.16 и № 87-КГ15–28 от 10.11.15, по которым предварительное соглашение (договор) не может предписывать, кроме обязательства заключения основного договора, для сторон других обязательств [6].

Содержание предварительного соглашения (договора) является обязательством договаривающихся сторон по заключению в будущем на предусмотренных предварительным договором условиях основного договора, как гласит пункт 2 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.04.1997 № 13 [4], посвященного обзору практики судебного разрешения связанных с защитой прав собственности и других прав вещного характера. Истец не может приобрести право собственности на имущество при подобных обстоятель-

ствах на основании одного лишь предварительного соглашения (договора) о купле-продаже имущества.

Соответственно, предварительное соглашение (договор) в гражданско-правовой науке занимает, особое место в классификации договоров поскольку затрагивает обособленную сферу отношений по заключению основных договоров в будущем. Предварительное соглашение (договор) представляет собой своего рода организационным договором, при этом не являясь прямым инструментом воздействия на финансово-хозяйственную деятельность, главная цель которого заключена в установлении определенного законом правоотношения, обязывающего привести в будущем к заключению основного соглашения (договора) между сторонами. По этой причине предварительный договор размещен законодателем в общей части обязательственного права Гражданского Кодекса РФ. Однако предварительное соглашение (договор) не имеет черты юридического обязательства.

А. С. Говорова отмечает, что, несмотря на то, что предварительное соглашение (договор) схоже общими чертами с офертой, определяемой статьей 435 Гражданского Кодекса РФ как адресованное одному или нескольким физическим лицам достаточно определенное предложение, выражающее намерение сделавшего данное предложение лица считать себя заключившим соглашение с принявшим предложение адресатом, оно не преобразовывается, подобно оферте, в основной договор, оставаясь самостоятельным, создающим только предпосылки для заключения основного договора, юридическим фактом [5].

Нормы, регулирующие предварительного соглашения (договора) имеют также общие черты с нормами соглашения о намерениях, но их отличия выражаются в том, что последнее является регулируемой скорее этическими, а не юридическими нормами сделкой, оно не является в юридическом смысле «договором» в силу того, что не прописывает меры ответственности юридического характера и не определяет формальным образом гражданско-правовые обязательства. Не отвечающее установленным касательно предварительных соглашений (договоров) требованиям гражданского законодательства, соглашение о намерениях подлежит добровольному исполнению кроме тех случаев, когда подобное соглашение в судебном порядке признается предварительным соглашением (договором), и напротив, предварительный договор не признается в случае несоответствия требованиям закона, таковым.

Статьей 429 Гражданского Кодекса РФ установлены, кроме предмета предварительного соглашения (договора), так же форма, и его содержание. Предварительное соглашение (договор) заключается в установленной для основного договора форме согласно п.2 ст. 429 Гражданского Кодекса РФ, а в случае отсутствия установленной формы основного договора, то в письменной форме, при чем ничтожность предварительного соглашения (договора) вытекает из нарушения правил о его форме, и необходимо нотариальное заверение предварительного соглашения

(договора) в случае нормирования законом обязательной нотариальной формы для какого-либо договора. Необходимо, однако, подчеркнуть данный в определении № 5-В10—42 от 20.07.2010 Верховным Судом РФ вывод о том, что требование о государственной регистрации не относится к форме предварительного договора [3].

По норме п. 3 ст. 429 Гражданского Кодекса РФ в части содержания предварительное соглашение (договор) обязано содержать условия позволяющие установить как предмет основного договора, так и его условия, касательно которых по заявлению одной из договаривающихся сторон должно быть достигнуто соглашение при заключении предварительного соглашения (договора) — то есть Гражданский Кодекс не требует закрепления обязательных в основном договоре существенных условий в предварительном соглашении (договоре). Данная норма предоставляет, как считает И. Б. Новицкий, право одной из сторон при заключении основного договора самостоятельно устанавливать определенное условие в предусмотренных законом пределах. Подобная возможность, очевидно, базируется на том, что наделение данным правом контрагента является способом реализации согласованного условия.

В определении Верховного Суда РФ № 4-КГ15—21 от 16.06.2015 указано, что если обе стороны договора имеют одинаковое представление о предмете договора и способны определить его, то следует считать выполненным условие об установлении предмета договора [2].

Пункт 4 ст. 429 Гражданского Кодекса РФ [1] касательно сроков исполнения предварительного соглашения (договора) предписывает либо указывать в предварительном договоре срок, в пределах которого контрагенты берут на себя обязательство заключить основной договор, либо в течение одного года с момента заключения предварительного соглашения (договора) заключить основной договор в случае отсутствия установленного срока в соглашении между участвующими в предварительном договоре сторонами, учитывая практические юридические казусы, когда заключающие предварительный договор контрагенты не могут определить точный срок заключения предполагаемого основного договора.

Нужно отметить, что новые нормы о таком способе обеспечения обязанности сторон к заключению основного договора, как задаток, введены в марте 2015 года в пункте 4 ст. 380 Гражданского Кодекса РФ нормирующем возможность, по соглашению контрагентов, обеспечения задатком исполнения обязательства по заключению основного договора на предусмотренных предварительным договором условиях в случае, если законом не установлено иное. Задатком та же статья называет выдаваемую одной из сторон договора в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения денежную сумму.

Важные особенности использования предварительного договора на примере продажи недвижимости исследованы М. А. Переведенцевой. В частности, она отме-

чает, что намерения договаривающихся сторон заключить в предстоящий период времени основной договор купли-продажи на определенных в предварительном соглашении (договоре) условиях фиксируется в предварительном договоре купли-продажи недвижимого имущества (1, п. 1 ст. 429) [1]. Передача имущества по такому договору может производиться в таких случаях, как отсутствие у продавца полного набора необходимых для оформления документов, отсутствие у покупателя нужной денежной суммы и прочее, при чем при такой сделке риски приобретателя выше, а ответственность продавца ниже.

Однако следует понимать, что если в оговоренный предварительным договором срок основной договор продажи недвижимости не заключен и ни одна из договаривающихся сторон не направила контрагенту предложения заключить основной договор продажи недвижимости, то просто прекращается действие предварительного соглашения (1, п. 6 ст. 429) [1], а значит никаких особых рисков для договаривающихся сторон заключение предварительного договора продажи недвижимости на рынке вторичного жилья, в отличие от заключения предварительного договора недвижимости на стадии строительства дома, не влечет [7].

Соответственно, можно определить риски продавца через предварительный договор при сделках ипотечного

кредитования. Поскольку кредитующий покупку недвижимости банк заинтересован, в силу закона, в возникновении ипотечных условий, поэтому в договор купли-продажи недвижимого имущества включается обязательное условие об исключении в пользу продавца возникающего на основании регламентирующего обеспечения исполнения обязанности по оплате товара покупателем п. 5 ст. 488, 429 Гражданского Кодекса РФ [1] залога, так как один из этих залогов, в противном случае, (в прибыль банка и в прибыль продавца) будет последующим, а значит в случае неполучения оплаты продавец не сможет воспользоваться правами держателя заложенной недвижимости.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время российское право пересматривается, трансформируется в силу необходимости изменений для обеспечения защиты и комфорта осуществления сделок между гражданами и организациями в нашей стране. В частности, на примере предварительного договора можно отметить положительный эффект осуществляемых изменений. Однако, как было отмечено выше, и сейчас существуют отдельные возможности для осуществления злонамеренных деяний одной из сторон сделки, что подразумевает необходимость дальнейшего совершенствования правовой документации в РФ.

Литература:

1. ГК РФ от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 июня 2015 г. N 4-КГ15–21 // Гарант. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71045440/>
3. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 июля 2010 г. N 5-В10–42 // Договор-Юрист.ру. Режим доступа: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/5-в10-42/
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.04.1997 N 13 «Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14483/
5. Говорова, А. С. Предварительный договор в российском гражданском праве // Академический вестник РФ РТА. — 2017. — № 2(27). — с. 71–75.
6. Миронов, В. П. Предварительный договор как разновидность организационного договора в гражданском праве // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: сб. статей. — Краснодар: НИИ АПСР, 2017. — с. 125–130.
7. Переведенцева, М. А., Половникова Н. А. Риски сторон при заключении предварительного договора купли-продажи недвижимости // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — № 1–4. — с. 117–123.
8. Сафарьянова, И. Р. Правовая природа предварительного договора // Актуальные проблемы современного частного права: сб. статей. — Краснодар: НИИ АПСР, 2016. — с. 168–171.

Федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными» как центральный нормативно-правовой акт, регулирующий общественные отношения между человеком и не дикими животными

Кобжицкий Дмитрий Андреевич, студент
Иркутский государственный университет

Статья посвящена анализу правового положения не диких животных согласно Федеральному закону 498-ФЗ от 27 декабря 2018 года «Об ответственном обращении с животными». Помимо общего анализа правового положения животных в статье раскрываются общие и, кратко, специальные правовые нормы, санкции, содержащиеся в данном законе и регулирующие правовое положение животных. По отдельным аспектам сравнивается законодательство РФ с законодательством США и Польши.

Ключевые слова: животные, ответственное обращение, содержание животных, безнадзорные животные, домашние животные, дикие животные, закон об ответственном обращении с животными, 498-ФЗ, животные без владельца, ответственное обращение с животными, Animal Welfare Act, Animal Law

27 декабря 2018 года в России вступил в силу Федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11] (далее — Закон), законопроект которого был внесен в Государственную Думу РФ еще в 2010 году.

Если Федеральным законом «О животном мире» [10] регулируются отношения по взаимодействию человека с дикими животными, то общественные отношения между человеком и животными, выпавшими из дикой природы (не дикими животными) оставались по большей части не урегулированными, тем более, на федеральном уровне. Это порождало разную правотворческую и правоприменительную деятельность в разных субъектах РФ.

Закон 498-ФЗ призван как раз урегулировать довольно обширную группу общественных отношений, возникающих между не дикими животными и человеком. Сюда включаются многочисленные вопросы по правовому регулированию домашних животных; безнадзорных животных; животных, содержащихся в зоопарках и т. д.

Принятие данного закона, по нашему мнению, позволило Российской Федерации приблизиться по уровню регламентирования отношений между животными и человеком к уровню самых развитых стран. Схожие по сфере регулирования законы были приняты значительно раньше в таких развитых странах, как США (Animal Welfare Act 1966), Великобритания (Protection of Animals Act 1934), Польша (Ustawa z dnia 21 sierpnia 1997 r. o ochronie zwierząt) и т. д.

Также в зарубежной доктрине Российская Федерация не считается страной, где сложилась хоть сколько-нибудь эффективная система правового регулирования статуса животных и соответствующих общественных отношений. В монографии A Worldview of Animal Law, одним из авторов которой является профессор школы права Стэнфордского университета Брюс Вэгман (Bruce Wagman), анализируется правовое регулирование животных (Animal

Law) во многих стран мира. Среди выбранных автором монографии 19 стран мира Российская Федерация, к сожалению, и вовсе не упоминается [3, с. 30–47].

Целью данной статьи является рассмотрение положений Закона; анализ новых принципов, правовых норм и институтов, появившихся в Законе, оказавших непосредственное влияние на формирование правового положения не диких животных и соответствующих правовых отношений, возникающих по поводу этих животных; сравнение Федерального закона № 498-ФЗ с аналогичными законами США и Польши по отдельным аспектам.

Правовое положение и подвиды не диких животных согласно Закону

Напомним, что объектом правового регулирования в новом Законе выступают именно не дикие животные. При этом закон не использует само понятие «не дикое животное», однако, по нашему мнению, целесообразно сперва классифицировать всех животных на две категории: дикие и не дикие. Первая категория, как мы уже отмечали, регулируется специальным законом и касается только животных, находящихся в естественной для них среде обитания. Вторая категория охватывает всех животных, выпавших из привычной дикой среды по каким-либо причинам.

Вместе с тем Закон дает определения и устанавливает правовой статус домашних животных; служебных животных; животных без владельца; животных, которые используются в культурно-зрелищных мероприятиях. Мы полагаем, что эти разновидности целесообразно рассматривать как подвиды в категории не диких животных. Введение в Законе наиболее общей категории не диких животных, а не перечисление подвидов, было бы, на наш взгляд, более эффективным шагом в рамках юридической техники. Например, понятие «не дикое животное» можно было бы расширительно толковать, относить к этой категории и других животных, выпавших из природной среды,

и на них также распространялось бы правовое регулирование, устанавливаемое Законом.

Что же касается общего понятия «животное», то оно, к сожалению, также не содержится в российском законодательстве. Хотя стоит признать, что зарубежная практика идет по пути раскрытия этого определения. Например, в Animal Welfare Act содержится очень подробная дефиниция. В параграфе 2132, пункте g данного акта в рамках дефиниции перечисляются как отдельные разновидности животных (собака, кошка, обезьяна, птицы, любое иное теплокровное животное), так и критерии (животное должно быть использовано для исследовательских целей, как домашнее животное, для выставок и т. д.) [1].

Таким образом, Закон регулирует общественные отношения между человеком и не дикими животными, а именно между человеком и конкретными подвидами — домашними, служебными и другими животными. К ним по замыслу законодателя и должно применяться ответственное отношение человека. При этом животное выступает в качестве объекта правоотношений, а человек — в качестве субъекта. Далее мы рассмотрим принципы, на которых базируется Закон, и непосредственно сами правовые нормы.

Принципы обращения с животными

Ранее российское законодательство довольно скупо регулировало основы взаимоотношения человека и животного. Так, в статье 137 Гражданского кодекса РФ [5] указывалось, что к животным применяются те же правила, что и к вещам, если иными законами не было предусмотрено иное. Охранительные правовые нормы, запрещающие жестокое обращение с животными, содержались в статье 245 Уголовного кодекса РФ [9]. При этом в КоАП РФ не содержалось каких-либо составов, напрямую связанных с жестоким обращением с животными. Лишь КоАП города Москвы содержит главу 5 [6], где перечислены такие составы.

По большому счету существовало только две этих крайности: применение к животным тех же правил, что и к вещам, а также запрет жестокого обращения.

Закон устранил этот существенный пробел в законодательстве, закрепив принципы — фундаментальные основы взаимодействия человека с не дикими животными.

Принцип отношения к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания

Этот принцип, по нашему мнению, несколько противоречит статье 137 ГК РФ, где, как мы уже выяснили, к животным по общему правилу применяются те же правила, что и к вещам. Таким образом, эту норму гражданского законодательства следует изменить, указав, что к животным могут применяться нормы ГК РФ о вещах, но только с учетом того, что животные, прежде всего, являются живыми существами.

Принцип отношения к животным как к живым существам закреплён в законодательстве многих стран. На-

пример, в статье 1 Закона о защите животных Польши [2] сказано, что животные — это не вещи, а живые существа, которые могут испытывать страдания.

В целом введение данного принципа видится очень прогрессивным для российского права и очень гуманным по отношению к животным.

Принцип ответственности человека за судьбу животного

Законодательное наделение человека ответственностью по отношению к животному также видится очень важным шагом. Этот принцип мы раскроем позднее через призму непосредственно правил отношения человека к животному и ответственности за несоблюдение этих правил. Обратим внимание, что принцип фигурирует в самом названии Закона.

Принцип воспитания у населения нравственного и гуманного отношения к животным

Данный принцип несет в себе преимущественно морально-нравственное содержание, раскрывается в Законе косвенно, пронизывая многие сферы, в числе которых требования к содержанию животных, введение института общественного контроля и, что самое главное, законодательный запрет на избавление человека от животного, владельцем которого он является.

Принцип научно обоснованного сочетания нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства

Суть данного принципа сводится к такому, что правовое регулирование вопросов взаимоотношений человека и животного не является односторонним, а учитывает интересы вышеназванных субъектов.

Итак, принципы, введенные Законом, имеют огромное значение как в морально-нравственном плане, так и в юридическом, поскольку именно на этих принципах и будут строиться правовые нормы, которые мы разберем далее.

Кроме того, по нашему мнению, данные принципы можно толковать расширительно, поскольку законодатель употребляет общий термин «животное». Следовательно, принципы могут распространяться не только на не диких животных, но и на диких животных, статус которых регулируется другим законом.

Правовые нормы и правовые институты в Законе

Условно можно выделить общие и специальные правовые нормы, регулирующие взаимодействие человека с не дикими животными. Если общие являются базисными, касаются вообще любых таких отношений, то специальные применяются по отношению к отдельным группам общественных отношений.

Так, к *общим правовым нормам* относятся, в том числе, обеспечение надлежащего ухода за животными, обеспечение своевременного оказания животным ветеринарной помощи. Эти нормы закреплены в статье 9 Закона [11] и касаются любых общественных отношений,

которые могут возникнуть между человеком и не диким животным.

Отдельного упоминания заслуживает следующая общая правовая норма: в случае отказа от права собственности на животное или невозможности его дальнейшего содержания владелец животного обязан передать его новому владельцу или в приют для животных, которые могут обеспечить условия содержания такого животного (п.2 ст. 9 Закона [11]). Таким образом, если от права собственности на обычную вещь человек может отказаться достаточно просто и практически любым способом, то для животных предусмотрен особый правовой режим, который исходит из рассмотренного выше принципа ответственности человека за судьбу животного.

Специальные правовые нормы предусмотрены для регулирования отдельных наиболее важных сфер общественных отношений. Это могут быть общественные отношения, где объектом выступает конкретный подвид не диких животных — например, животные без владельца или домашние животные. Также это может быть еще более узкая группа общественных отношений, но, тем не менее, очень важная — например, отношения по поводу содержанию животных в приютах. Эти нормы раскрываются в статьях 10–16 Федерального закона № 498-ФЗ [11].

Более детально раскрывать специальное правовое регулирование каждой сферы мы не будем, поскольку это не входит в цели данной статьи. Однако обратим внимание, что каждой из перечисленных сфер в Законе посвящена всего одна статья закона. Это значит, что потребуются принятие дополнительных законов и подзаконных актов, чтобы обеспечить полное правовое регулирование всех важных аспектов. Например, Правительство РФ собирается принять постановление, где будет утвержден список животных, запрещенных к содержанию в домашних условиях [8].

Очевидно, что принятие данного закона потребует внесение изменений и в законы субъектов РФ, которые регламентируют отдельные сферы, указанные в законе, а также принятие новых законов. Так, в Иркутской области действует Закон № 109-оз от 9 декабря 2013 года «Об организации проведения в Иркутской области мероприятий по отлову и содержанию безнадзорных животных». Пока изменений, связанных с принятием Закона «Об ответственном обращении с животными», в него внесено не было, хотя они необходимы по ряду вопросов. В частности, статью 3 этого закона [7], посвященную организации мероприятий по отлову и содержанию безнадзорных собак и кошек, необходимо изложить в новой редакции с учетом новых требований к отлову и содержанию животных, указанных в п.2 ст. 18 Закона 498-ФЗ.

В рамках Закона можно выделить и *правовые институты*, которые, безусловно, также очень важны. Сюда относятся институт государственного надзора в области обращения с животными и институт общественного контроля в этой же сфере. Данные институты, по нашему

мнению, выполняют обеспечительную функцию, то есть обеспечивают претворение в жизнь правовых норм, содержащихся в Законе.

Санкции в Законе

К сожалению, введение довольно прогрессивных правовых норм на деле оказалось не подкрепленным санкциями — наказаниями за неисполнение норм данного Закона. Соответствующие изменения не были внесены в Кодекс об административных правонарушениях РФ, Уголовный кодекс РФ, хотя сам Закон предусматривает внесение изменений в другие законодательные акты. В Государственной Думе РФ пока только планируется введение новых составов в КоАП [4]. Поэтому на данный момент не совсем ясно, какое наказание последует, например, для человека, выбросившего на улицу животное в обход требования п.2 ст. 9 Закона.

Правда, в статье 22 Закона [11] установлена специальная санкция в виде конфискации диких животных, которые содержатся в неволе с нарушением требования Закона. Такие животные подлежат возвращению в дикую среду обитания. Данное правило вступает в силу с 1 января 2020 года.

Заключение

Федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными» действительно можно назвать прогрессивным, поскольку впервые в Российской Федерации появился федеральный нормативный акт, устанавливающий единые правила для всех россиян, касающиеся вопросов взаимоотношения человека и животных, выпавших из дикой природы.

Закон базируется на важнейших правовых принципах, в которых заложен глубокий моральный и нравственный смысл. Закон запрещает выброс животного на улицу, обязывая человека сперва предпринять меры по определению дальнейшей юридической судьбы животного. Это приближает Закон по гуманности к аналогичным законодательным актам развитых стран, в том числе, к США, Великобритании и Польши.

К сожалению, ряд положений Закона остался декларативным: например, не предусмотрена санкция за неправомерный выброс животного на улицу (в КоАП РФ, как мы уже выяснили, не были внесены соответствующие поправки за несоблюдение положений п.2 статьи 9 Закона).

Также законодатель пока не решил ввести учет всех не диких животных, который успешно практикуется, например, в США. Учет установлен только для безнадзорных животных, помещенных в приюты (согласно статье 16 Закона).

Однако в целом принятие данного закона можно считать началом формирования в России более высокой правовой культуры взаимоотношений между человеком и животными.

Литература:

1. Animal Welfare Act//United States Department of Agriculture National Agricultural Library Ask Contact Visit. URL: <https://www.nal.usda.gov/awic/animal-welfare-act> (дата обращения: 24.06.2019).
2. Polish Animal Protection Act // Michigan State University Animal Law Legal Center. URL: https://www.animallaw.info/statute/poland-cruelty-polish-animal-protection-act#Chapter_1 (дата обращения: 24.06.2019).
3. Wagman, B., Liebman M. A Worldview of Animal Law. — Durham, North Carolina: Carolina Academic Press, 2011. — 340 с.
4. В КоАП внесут поправки об ответственности за жестокое обращение с животными // TACC. URL: <https://tacc.ru/obschestvo/4332844> (дата обращения: 25.06.2019).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 06.12.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994, — № 32. — Ст. 3301.
6. Закон, г. Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» от 21 ноября 2007 г. N 45// Гарант [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
7. Закон Иркутской области «Об организации проведения в Иркутской области мероприятий по отлову и содержанию безнадзорных животных» от 09 декабря 2013 года № 109-оз//Кодекс [Электронный ресурс]: справочная правовая система
8. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня животных, запрещенных к содержанию» от 27 февраля 2019 года // Гарант [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1995 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.12.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996, — № 25. — Ст. 2954
10. Федеральный закон «О животном мире» от 24.04.1995 N 52-ФЗ// Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
11. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 N 498-ФЗ// Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.

Международный коммерческий арбитраж и правовое регулирование процедуры признания и приведения в исполнение его решений

Косарева Лина Александровна, студент

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград)

В настоящее время в условиях глобализации и развития внешнеэкономического сотрудничества между странами международный коммерческий арбитраж приобрел особое значение в качестве института международного частного права, направленного на рассмотрение споров и разногласий между участниками интернациональных экономических отношений. Благодаря особой правовой природе и преимуществам он активно развивается и приобретает признание как в зарубежных странах, так и в Российской Федерации. Однако, как институт, существующий благодаря автономии воли сторон, ему необходим особый механизм реализации своих решений на территории иностранных государств. Таким механизмом является признание и приведение в исполнение решения международного коммерческого арбитража через государственную судебную систему. Данный аспект является заключительным, а также наиболее весомым этапом всей процедуры урегулирования международного торгового спора, поскольку именно он реализует благоприятные последствия для выигравшей стороны. На сегодняшний день вышеуказанный правовой институт регламентируется как на национальном уровне, так и международными унифицированными актами.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, признание и приведение в исполнение арбитражных решений, Нью — Йоркская Конвенция

Международный коммерческий арбитраж может быть определен как особый инструмент разрешения внешнеэкономических споров. Он представляет собой не-

государственный орган, который создается специально для рассмотрения определенного дела, либо действующий на постоянной основе. Рассмотрение спора происходит

путем вынесения решения, являющегося обязательным для всех его участников, в специальной процессуальной форме [8, с. 883]. Кроме того, в настоящее понятие необходимо включить особенности, которые связаны с определением состава арбитража, основанного на автономии воли участников, а также специфику признания и исполнения решений международного коммерческого арбитража на территории различных государств [9, с. 351].

В науке довольно продолжительное время велась дискуссия относительно правовой природы международного коммерческого арбитража и его сущности как юрисдикционного органа. Рассмотрев мнения авторитетных ученых, высказанные по заданной проблеме, можно прийти к выводу, что существует три доктринальных подхода, которые преобладают в теории международного частного права в настоящий момент.

Договорная концепция содержит в себе идею, что международный коммерческий арбитраж представляет собой договорно-юридический институт, основой которого является арбитражное соглашение. Указанное соглашение, по общему правилу, заключается партнерами одновременно с подписанием договора. Согласно договорной концепции арбитражное соглашение воспринимается как гражданско-правовой договор, который определяет выбор конкретного арбитражного центра, место, время, язык, саму форму процедуры урегулирования спора и иные необходимые характеристики арбитражного разбирательства. Вследствие того, что арбитражное соглашение в рамках данной концепции имеет договорной характер, то и сам арбитраж определяется через вышеуказанное соглашение как орган, обладающий договорной природой [3]. Сторонники данной теории применяют к арбитражному соглашению такие понятия материального характера, как основания недействительности, правосубъектность сторон при заключении данного соглашения.

Прямо противоположная точка зрения представлена в процессуальной теории. Данная концепция рассматривает международный коммерческий арбитраж как особую разновидность правосудия, регулируемую на основании права той страны, где происходит сам процесс [7, с. 141]. Роль арбитражного соглашения как соглашения, обладающего исключительно процессуальной природой, состоит только в том, чтобы исключить юрисдикцию государственного органа судебной власти. Сторонники данной научной идеи считают, что регламентация арбитражного разбирательства подчинена не воле сторон по договору, а государственному суверенитету.

Смешанная теория синтезирует идеи договорной и процессуальной теории. Международный коммерческий арбитраж существует как независимый институт. В нем присутствуют элементы как материально-правового, так и процессуально-правового характера [7, с. 142]. Вопросы, которые по общему правилу регулируются в соответствии с волеизъявлением сторон и отражены в арбитражном соглашении, представляют собой материально-правовую часть вышеуказанной концепции. В то

же время взаимодействие арбитража и государства относится к процессуальным отношениям и регламентированы национальным правом.

Таким образом, смешанная теория отражает двойственную природу международного коммерческого арбитража. Невозможно отрицать, что в основе МКА присутствует дуализм материального и процессуального. Участники внешнеэкономической деятельности могут определить собственные требования к проведению третейского процесса в арбитражном соглашении. Представляется ясным, что его функция не может состоять только в исключении юрисдикции государственного суда. Напротив, арбитражное соглашение — это особая форма проявления воли субъектов международно-торгового процесса, направленная на установление собственных условий при рассмотрении возможного спора. Но нельзя не признать значимость процессуальной составляющей, которая регламентирует, например, окончательную стадию арбитражного разбирательства, а именно — признание и приведение в исполнение иностранного арбитражного решения.

Существует множество способов урегулирования спорных ситуаций в сфере интернациональной торговли (обращение в специализированный или общей юрисдикции государственный суд, также медиация). Однако именно международный коммерческий арбитраж занимает лидирующую позицию в настоящей области. Так, согласно опросу Арбитражной Ассоциации 2016 года 72,5 % российских юристов указали арбитраж наиболее предпочтительным вариантом для рассмотрения внешнеэкономического спора [16]. Думается, что причиной столь высокого уровня доверия к вышеуказанному институту являются его бесспорные преимущества.

Одно из главных достоинств международного коммерческого арбитража представлено тем фактом, что это третейская форма разрешения споров. Главная цель МКА состоит в том, чтобы разрешить спор согласно воле сторон. Данное обстоятельство презюмирует, что в решениях международного коммерческого арбитража будет отсутствовать предвзятость, основанная на национальном признаке. И российские, и зарубежные ученые отмечают, что международный коммерческий третейский орган существует как наиболее оптимальный и политически нейтральный способ рассмотрения конфликтных ситуаций между субъектами из разных государств [6, с. 166]. Стороны, указывая в арбитражном соглашении арбитражную форму правосудия, с одной стороны, реализуют свое право на разрешения спора в рамках выбранной ими процессуальной действительности, а, с другой стороны, исключают юрисдикцию национальных судов, не допуская преимущество того хозяйственного образования, на чьей территории находится суд.

Вместе с тем, еще одним важным преимуществом международного коммерческого арбитража является принцип конфиденциальности, которым руководствуются судьи при осуществлении самого судебного разбирательства,

так и при вынесении арбитражного решения. Данный принцип нашел свое отражение во многих правовых актах, например, в пункте 46 Правил арбитража международных коммерческих споров при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (далее — Правила МКАС при ТПП РФ) [19]. Действительно, многие субъекты международной экономической деятельности не желают, чтобы информация об их участии в судебном процессе, о предмете спора или о возможном негативном решении была известна широкому кругу лиц. Это может повлиять на деятельность участников судебного разбирательства. Так, например, сведения о возможных разногласиях между контрагентами могут неблагоприятно повлиять на биржевые котировки [9, с. 352].

Стоит также отметить такое важное преимущество международного коммерческого арбитража, как неформальный характер третейского процесса. Процедура в международном арбитражном органе не отягощена многочисленными нормами и правилами, затруднительными для понимания, например, зарубежным партнёром. Это, в свою очередь, делает возможным рассмотрение спора за более короткое время.

Кроме того, необходимо указать, что международный коммерческий арбитраж — это специализированный орган для рассмотрения определенного круга споров, вытекающих из международных торговых отношений. Каждый институциональный международный арбитражный центр имеет список арбитров, в который включены профессионалы своего дела, имеющие колоссальный опыт в сфере урегулирования международно-торговых споров. В частности, в список арбитров МКАС при ТПП РФ входят юристы с мировым именем, доктора наук и профессора не только из России, но также из США, Великобритании, Швейцарии и других стран [19].

Одним из главных преимуществ МКА является окончательный характер решения арбитражного института. В соответствии с его фундаментальным принципом *res judicata* решение международного коммерческого арбитража окончательно, не подлежит пересмотру по существу или изменению, а также обязательно к исполнению. Принцип *res judicata* признан большинством стран. Так, в решении Верховного Суда США в деле *Hall Street Associates. v. Mattel, Inc* установлено, что решение арбитражного суда не может быть пересмотрено государственным (в данном деле районным (District)) судом, даже при наличии настоящего полномочия в арбитражном соглашении [22].

Необходимо указать, что в соответствии с тем фактом, что спор был передан в арбитражный орган на основании воли сторон, решение зарубежного арбитражного органа должно исполняться контрагентами в добровольном порядке. Так, согласно статье 46 Арбитражного регламента арбитражного института торговой палаты г. Стокгольма стороны обязаны исполнять без промедления каждое арбитражное решение [1]. Схожая норма присутствует в пункте 42 Правил МКАС при ТПП РФ [19]. Однако на практике проигравшая сторона не всегда добросовестно

исполняет вышеуказанное обязательство. Именно по этой причине наиболее значимым преимуществом международного коммерческого арбитража является специальный механизм, обеспечивающий реализацию решений МКА практически в любом государстве мира.

Фундаментальные положения механизма реализации решений международного коммерческого арбитража были воплощены в Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г (далее — Нью-Йоркская Конвенция 1958 г.). Согласно статье III данного документа каждое государство-участник имеет обязательства по признанию арбитражных решений на своей территории и исполнению вышеуказанных решений в соответствии с национальными процессуальными нормами [5]. Благодаря тому, что участниками данной конвенции является 159 стран (в том числе и Россия), решения международных арбитражных судов намного проще исполнить, чем решение любого государственного суда, поскольку для этого требуется ратифицированный международный договор о взаимной правовой помощи. В отсутствие такого договора возможна реализация судебного решения посредством применения международных принципов [23]. Так, например, было вынесено определение Высшего арбитражного суда от 7 декабря 2009 г., обязывающее исполнить решение голландского суда, руководствуясь международным принципом взаимности [14]. Но это скорее исключение из правила, чем норма поведения государственных (в том числе российских) судов.

Настоящая Конвенция является применимой к любому иностранному арбитражному решению, не различая решения постоянно действующего или решения временного арбитражного органа. Однако, стоит отметить, что решения государственных судов не могут быть исполнены и признаны согласно настоящей Конвенции. При этом в судебной практике могут встречаться правоприменительные акты, содержащие в себе некорректное указание на нормы Нью-Йоркской Конвенции 1958 г. при рассмотрении заявлений о признании и приведении в исполнение решений иностранного государственного суда [22, с. 20].

Согласно территориальному действию Нью-Йоркской Конвенции 1958 г. признать и исполнить иностранное арбитражное решение можно на территории любого государства, в независимости от того факта, является ли данная страна участником конвенции или нет. Но при этом у государств остается возможность при ратификации сделать оговорку к указанному международному акту и применять его положения только к арбитражным решениям, вынесенным на территории стран-участниц, либо в соответствии с одним из главных принципов признания любого иностранного судебного решения — с принципом взаимности. Так, СССР, ратифицируя Нью-Йоркскую Конвенцию 1958 г., сделал заявление о том, что признает арбитражные решения стран, не являющихся участниками известного унифицированного международного акта,

только в условиях фактической взаимности [21]. Таким образом, данная оговорка действительна и для России, как для страны—правопреемницы. Однако количество стран-участниц Нью — Йоркской Конвенции 1958 г. постоянно растет. В указанных обстоятельствах глобализации мирового сообщества актуальность таких оговорок постепенно уменьшается.

В соответствии с данной Конвенцией, решение международного коммерческого арбитража может быть признано и исполнено по ходатайству одной из сторон арбитражного разбирательства. Она должна предоставить в компетентный суд должным образом заверенное арбитражное решение, а также подлинное, либо надлежащим образом заверенное арбитражное соглашение, в соответствии с которым в арбитраж и был передан спор. Данные документы необходимо перевести на официальный язык судебного органа, где испрашивается признание и исполнение.

Нью-Йоркская Конвенция 1958 г. не предусматривает специальных требований к форме арбитражного решения, или его обязательного соответствия процессуальным нормам страны, принимающей решение о признании и приведении в исполнение. Следовательно, данное обстоятельство приводит к унификации и сближению стран с дифференциальными правопорядками и правовыми системами.

Кроме того, государство признает и приводит в исполнение решения международного коммерческого арбитража согласно своему процессуальному праву. Именно государство устанавливает компетентный орган, имеющий юрисдикцию на рассмотрение заявлений. Решения иностранных арбитражных органов в сфере международной коммерческой деятельности реализуются на территории Российской Федерации по заявлению одной из сторон спора в Арбитражных судах Российской Федерации (далее — АС РФ) в соответствии с главой 31 Арбитражного процессуального кодекса (далее АПК РФ) [2] и разделом VIII закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» [12].

Необходимо уточнить, что в силу ст. 241 АПК РФ решения МКА должны быть окончательными и принятые по итогам полного комплексного анализа дела по существу в целях признания и исполнения арбитражного решения. Данная идея многократно встречается в практике АС РФ. Так, в частности, настоящая правовая позиция была отмечена в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.10.2010 г. № 6547/10 [19], как и в п. 26 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 07.07.2004 г. № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» [10]. Следовательно, АС РФ не рассматривают ходатайства о признании и исполнении промежуточных решений, таких как принятие обеспечительных мер, присуждение судебных расходов или же определения юрисдикции суда.

Как уже было отмечено выше, именно АС РФ являются компетентными судебными органами, имеющими юрисдикцию на рассмотрение заявлений о признании и приведении в исполнения решений МКА. Территориальная подсудность указанной категории дел детерминруется в соответствии с местом жительства или местом нахождения ответчика, либо, при отсутствии указанной информации, согласно местоположению имущества должника. Интересен случай из практики АС Калининградской области. В 2014 году в суд с заявлением о признании и приведении в исполнение решения Арбитражного Института Стокгольмской Торговой Палаты от 24.09.2010 года по делу № SCC V (124/2007) в отношении должника, ПАО «Укрнафта», обратился Карпатски Петролеум Корпорейшн (Carpatsky Petroleum Corporation) [13]. Заявитель аргументировал подведомственность настоящего дела присутствием у ПАО «Укрнафта» имущества в Калининградском регионе. Судья отклонила данное ходатайство, поскольку заявитель так и не смог доказать наличие имущества ответчика в Калининградской области, а главное, место нахождения должника было известно. Мотивы вышеупомянутой попытки довольно прозрачны, поскольку ПАО «Укрнафта» отказывалась принимать на себя обязательство добровольного исполнения решения международного коммерческого арбитража [20]. Карпатски Петролеум Корпорейшн таким образом пытался использовать все возможные способы защиты его имущественных прав, но при этом некорректно истолковал норму российского законодательства.

Согласно части 1 статьи 242 АПК РФ дело о признании и исполнении решения МКА рассматривается АС РФ по заявлению стороны, которая выиграла в международно-коммерческом споре. Также в этой статье указаны обязательные данные, которые должны присутствовать в заявлении.

Стоит отметить, что часть 4 статьи 242 соответствует статье IV Нью-Йоркской Конвенции 1958 г., а именно в отношении требуемых приложений, таких как должным образом заверенное арбитражное решение, а также подлинное, либо надлежащим образом заверенное арбитражное соглашение, в соответствии с которым в иностранный коммерческий арбитраж и был передан данный спор. Указанные документы необходимо должным образом перевести на русский язык.

АС РФ рассматривает заявление о признании и приведении в исполнение решения международного коммерческого арбитража в срок не более одного месяца. У него отсутствует компетенция на пересмотр решения иностранного арбитража по существу. Данная норма содержится как в АПК РФ, так и неоднократно находила свое отражение в практической деятельности судов. К примеру, в пункте 12 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третей-

ских судов от 22.12.2005 г. № 96 отмечено, что АС РФ запрещено оценивать решения МКА в части иной, нежели отсутствие либо наличие оснований для признания и исполнения настоящего решения [12]. В определении Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 14 июня 2017 года № 305-ЭС17-2111 отмечено, что судебный орган первой инстанции не имел полномочий на фактический пересмотр решения арбитражного центра, поскольку обратное противоречит законодательству Российской Федерации [15]. Таким образом, не вызывает никакого сомнения, что компетенция АС РФ ограничена процессуальными рамками, и он не может производить переоценку доводов участников разбирательства.

По итогам судебного процесса единоличным судьей выносится определение согласно норме российского права. Настоящее определение может быть обжаловано на протяжении одного месяца в порядке кассации.

Принудительное исполнение решения международного коммерческого арбитража происходит в соответствии АПК РФ и ФЗ «Об исполнительном производстве» на основании исполнительного листа. Решение иностранного коммерческого арбитража может быть исполнено на территории РФ в течении трех лет, но при наличии уважительных причин указанный срок может быть восстановлен [2].

В период с 2008 по 2017 года в целом по России было подано 472 заявления в компетентные органы для признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения. Из них большинство, а именно 378 заявлений, были АС РФ удовлетворены [4]. Следовательно, анализируя указанные данные, можно говорить о достаточно высоком проценте (около 80 %) реализованных решений международных арбитражных центров. Насто-

ящий факт дает основание утверждать об относительной проарбитражности российских судов и о выполнении Российской Федерацией обязательств, принятых на себя в соответствии с Нью-Йоркской Конвенцией 1958 г. по имплементации в национальный правовой порядок решений МКА.

Таким образом, необходимо обозначить наиболее важные положения, которые должны быть учтены при анализе такого института как международный коммерческий арбитраж, а также условий признания и приведения в исполнение его решений. Международный коммерческий арбитраж представляет собой специализированный орган, направленный на рассмотрение и разрешение споров во внешнеторговой сфере деятельности. Основанный на автономии воли сторон и действующий на основании арбитражного соглашения, он в то же время подчинен национальному процессуальному праву.

Также необходимо упомянуть, что на сегодняшний день участники интернациональных торговых отношений в России и за рубежом рассматривают обращение в международный коммерческий третейский орган как наиболее предпочтительный вариант разрешения споров. Они исходят из его преимуществ, одним из которых является механизм признания и приведения в исполнение решений международных арбитражей посредством Нью-Йоркской Конвенции 1958 г.

На территории Российской Федерации решения международных третейских органов признаются и приводятся в действие согласно международным соглашениям, а также АПК РФ. Необходимо указать, что настоящая система функционирует на высоком уровне, что обеспечивает соблюдение законных прав и интересов сторон, отстаивших свою позицию в международном арбитражном органе.

Литература:

1. Арбитражный регламент арбитражного института торговой палаты г. Стокгольма от 01 января 2017 г. // Арбитражный институт торговой палаты г. Стокгольма. URL: https://sccinstitute.com/media/293617/skiljedomsregler_2017_ru_web.pdf.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.12.2018) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс.
3. Ерпылева, Н. Ю. Международный коммерческий арбитраж: правовые основы функционирования / Н. Ю. Ерпылева // Международное право. — 2013. — № 1. — URL: http://e-notabene.ru/wl/article_545.html. (дата обращения: 07.06.2019).
4. Исследование Арбитражной Ассоциации о применении Нью-Йоркской конвенции российскими судами в 2008—2017 годы / под ред. Р. Зыков // Арбитражная Ассоциация. URL: https://arbitration.ru/upload/medialibrary/b3b/RAA-STUDY-RECOGNITIONENFORCEMENT-AWARDS-NY-CONVENTION-2018_rus.pdf (дата обращения 11.06.2019).
5. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) // ЮНСИТРАЛ. — URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/NY-conv/New-York-Convention-R.pdf>. (дата обращения 27.06.2019)
6. Ланшакова, А. Ю. Преимущества рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже / А. Ю. Ланшакова // Вестник ОмГУ. Серия. Право. — 2014. № 1 (34). — с. 166—169.

7. Международный гражданский процесс и международный коммерческий арбитраж: учебник / С. В. Николюкин. М.: Юстиция, 2017. — 256 с.
8. Международное частное право: учебник для магистров / И. В. Гетьман-Павлова. — М.: Юрайт, 2016. — 959 с.
9. Международное частное право: учебник и практикум для академического бакалавриата / А. О. Иншакова. — М.: Юрайт, 2019. — 398 с.
10. Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 07.07.2004 г. № 78 // Федеральные арбитражные суды РФ. — URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/2971.html (дата обращения 11.05.2019).
11. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.12.2005 г. № 96 // Федеральные арбитражные суды РФ. — URL: http://arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/2949.html (дата обращения 11.06.2019).
12. О международном коммерческом арбитраже (вместе с «Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации», «Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации: закон РФ от 07.07.1993 № 5338–1 (ред. от 29.12.2015) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
13. Определение арбитражного суда Калининградской области от 29.01.2014 г. по делу № А21–8191/2013 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3da30705-cd92-4685-9903-cd50a1b67b4c/7e77822f-ef7e48b9-b605-37c377eeabbe/A21-8191-2013_20140129_Opredelenie.pdf (дата обращения 11.06.2019)
14. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 07.12.2009 г. по делу № ВАС-13688/09. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.06.2017 г. N 305-ЭС17–2111 по делу N А40–157710/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Опрос Арбитражной Ассоциации 2016 года: влияние санкций на коммерческий арбитраж. // Российская арбитражная ассоциация. — URL: http://arbitrationsweden.com/upload/medialibrary/083/2016-russian-arbitration-association-survey_sanctions-and-arbitration.pdf.pdf (дата обращения 11.06.2019).
17. Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.10.2010 г. № 6547/10 // Федеральные арбитражные суды РФ. URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_ac146c20-07a2-4442-a46c-102f8c126b74 (дата обращения 11.06.2019).
18. Правила арбитража международных коммерческих споров при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. (Приложение № 2 к приказу Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 11.01.2017 № 6; зарегистрирован в Минюсте России 27.01.2017 № 109-р) // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. — URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/docu.php> (дата обращения 26.06.2019).
19. Списки арбитров международного коммерческого при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. (утверждены приказом Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 3.02.2017 № 16 // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. — URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/arb.php#1> (дата обращения 27.06.2019).
20. Стокгольмский суд обязал «Укрнафту» выплатить \$146 млн. Новость от 06.11.2013. // Газета «Коммерсантъ Украина». — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2337287> (дата обращения 11.06.2019).
21. Хлестова, И. О. Признание и исполнение иностранных арбитражных решений // Журнал российского права. 2006. № 8 (116). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznanie-i-ispolnenie-inostrannyh-arbitrazhnyh-resheniy> (дата обращения: 02.06.2019).
22. Хоцанов, Д. А. Признание и приведение в исполнение на территории Российской Федерации иностранных судебных и арбитражных решений: избранная практика за 2015 и 2016 гг. // Вестник международного коммерческого арбитража. — 2017. — № 1. — с. 15–25.
23. Hall Street Associates, L. L. C. v. Mattel, Inc., Decided March 25, 2008, No. 06–989. // Supreme Court of the United States. URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/07pdf/06-989.pdf>. (дата обращения 27.06.2019).
24. Kasatkina, A. Concept, Legal Nature and Law Applicable to Recognition and Enforcement of Foreign Judgments / A. Kasatkina // Czech Yearbook of International Law. — 2016. — № VII. — P. 165–181.

Развитие принципа презумпции невиновности в советский и постсоветский период

Недбайло Елена Андреевна, студент;

Научный руководитель: Омеляненко Мария Евгеньевна, старший преподаватель
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Статья посвящена анализу правовых аспектов, применения презумпции невиновности в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации и СССР. В уголовно-процессуальном праве присутствует множество проблем и пробелов, связанных с реализацией данного принципа на практике. Их решение должно стать приоритетной задачей законодательства при дальнейшем регулировании уголовного и уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, презумпция невиновности, гражданин, права человека, законодательство.

The principle of presumption of innocence from the Soviet period to the present

Nedbailo Elena Andreevna, student;

Research supervisor: M. E. Omelyanenko, senior lecturer
Vladivostok State University of Economics and Service

The article is devoted to the analysis of legal aspects, application of the presumption of innocence in the criminal procedure law of the Russian Federation and the USSR. In criminal procedure law there are many problems and gaps associated with the application of this principle. The solution of these problems should be a priority solution of the legislation in the further regulation of criminal procedure law.

Keywords: criminal procedure law, presumption of innocence, citizen, human rights, legislation.

Говоря об актуальности данной темы, стоит понимать, что любой юрист и даже гражданин хоть раз в своей жизни слышал о презумпции невиновности. Ведь это основополагающий принцип современного уголовного процесса. Поэтому тема довольно актуальна на данный момент. Так же, актуальность предопределена, прежде всего, тем, что в рассматриваемом вопросе наиболее остро проявляется противоречие взглядов с теоретической точки зрения, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также правоприменительной практики. В данной работе мы исследуем тенденцию развития принципа презумпции невиновности, его сущность, проведем параллель применения данного принципа в СССР и в РФ. Таким образом мы сможем выявить какие же проблемы при применении принципа презумпции невиновности возникали в период СССР и возникают в настоящее время.

Несмотря на довольно долгую историю своего становления и развития, принцип презумпции невиновности все еще интерпретируется неоднозначно и поэтому используется довольно неопределенно. В правовой и общественно-политической литературе обращается пристальное внимание на столь важную вещь, которая обеспечивает защиту личных прав и свобод, а именно — принцип презумпции невиновности, его сущность и значение.

Проблема гарантии прав, свобод и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве является наиболее актуальной и основополагающей современной правовой проблемой [1].

Наличие принципа презумпции невиновности в уголовно-процессуальном законодательстве государства это показатель цивилизованности в государстве. Рано или поздно законодатель должен понять одну простую истину — «пока не будет доказана вина человека, считать и обращаться с ним как с виновным — незаконно». Законодательно как принцип уголовного процесса в России была закреплена лишь недавно [2]. Презумпция невиновности не всегда была правовым явлением и не всегда рассматривалась в ключе принципа уголовного процесса. Поначалу правоприменители использовали данный принцип на инстинктивном уровне, из побуждений чувств гуманности и справедливости, которые закладывались в сознание человека веками посредством религиозных догматов, учений предков и т. д.

Все мы понимаем значение слова «невиновность», но не каждый понимает, что же такое презумпция.

Презумпция представляет собой предположение, которое будет считаться истинным пока не будет доказано обратное. Получается из всего этого мы можем сделать вывод, что человек согласно презумпции невиновности

предполагаемо невиновен, пока его вина официально не будет доказана, при этом должны быть соблюдены все требования уголовно-процессуального законодательства по сбору относимых, допустимых и достоверных доказательств по делу, на которых будет построено обвинение. Исследуемый нами принцип имеет многовековую историю. Первая формулировка презумпции невиновности в правовом аспекте берет свое начало еще из понятия «презумпции добропорядочности» она применялась при разрешении имущественных споров. Римский юрист Павел в III веке н. э. сформулировал правило: *ei incumbit probatio, qui dicit, non qui lie-gat*, которое означает, что доказывать свое обвинение должен тот, кто их выдвигает, а не тот, кого обвиняют. Это вполне логично и справедливо, так как нельзя обязывать человека доказывать свою вину, либо свидетельствовать против себя, а потом нести за это наказание. Если наказание за преступление в интересах кого либо, то тот и должен обеспечивать свои собственные интересы, то есть доказывать, чью-либо вину. Со временем появилась необходимость в некоторых правовых изменениях, и презумпция добропорядочности трансформировалась в презумпцию невиновности и в последующем стала принципом уголовного процесса.

В истории России отдельные положения принципа презумпции невиновности можно найти в законодательных актах, изданных еще в XVI веке. В частности, в Соборном уложении 1649 г. указывалось, что если кто-то приведет убийцу или разбойника, а те станут обвинять приведших их в совершении таких же преступлений, то этим обвинениям не верить [3, с. 266].

Но, если говорить в широком понимании, то принцип презумпции невиновности был введен в России императрицей Екатериной II в 1767 г. в Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения. Она выступала против добывания доказательств, обличающих виновного в совершении преступления, с помощью пыток и считала, что лучше оправдать 10 виноватых, чем обвинить одного невиновного. Попытки закрепить законодательно принцип презумпции невиновности предпринимались и после Екатерины II. Так, в Уложении о наказаниях 1845 г. в главе 3 «Об определении наказаний по преступлениям» было установлено, что наказание за преступление может быть определено судом только тогда, когда совершение преступления «несомненно доказано», а обвинение в совершении преступления «должно быть вменено подсудимому или подсудимым в вину» [4, с. 245].

И в завершении судебной реформы, проводимой в XIX веке, положение о презумпции невиновности было закреплено в Уставе Уголовного судопроизводства 1864 г. В Общих положениях Устава Уголовного судопроизводства было закреплено, что никто не может быть наказан за преступление, не будучи осужденным к наказанию приговором, вступившим в законную силу.

Октябрьская революция 1917 г. повлекла переоценку положения о презумпции невиновности в уголовном процессе. В советском уголовном процессе данный принцип

долгое время не признавался и считался неотъемлемым элементом буржуазного права. В. С. Тадевосян утверждал, что «презумпция невиновности не нужна советскому уголовному процессу, считал его лишь законодательным предположением, которое опровергалось в 80–90 % случаях; виновность лица, которое на основании собранных по делу доказательств привлекалось к уголовной ответственности, как правило, в дальнейшем подтверждалась» [5, с. 32–33].

Но несмотря на это она продолжала действовать, поскольку в Декрете «О суде» 1917 г. определено — в судопроизводстве применяются ранее действовавшие законы, если они прямо не отменены. В статье 8 Декрета «О суде» 1918 г. прямо указывалось, что судопроизводство по гражданским и уголовным делам происходит по правилам Судебных уставов 1864 года. Известна судебная практика 20-х гг. XX в., периода, когда нормативные акты не содержали не только термина «презумпция невиновности», но и положений, составляющих ее содержание, из которой следует, что фактически суды руководствовались указанным принципом

Рассматривая действие принципа презумпции невиновности в СССР необходимо учитывать изменения не только уголовно-процессуального законодательства, но и уголовного.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в ст. 27 выделял две категории преступлений: направленные против установленных рабоче-крестьянской власти и основ нового порядка, которые признавались ею наиболее опасными и все остальные преступления. Полагаем, что реализация принципа презумпции невиновности зависела от категории преступления, в совершении которого было предъявлено обвинение [6].

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. содержатся процессуальные нормы, направленные на защиту гражданина от неправомерных действий органов исполнительной власти. Это статьи УПК РСФСР: статья 5, статья 128 и статья 136.

В статье 5 говорится о том, что никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу иначе как в случаях, указанных в законе и в порядке, законом определенном.

На наш взгляд, это является прямым отражением данного принципа.

Далее статья 128 сказано, что «при наличии достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, следователь составляет мотивированное постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого.

Предъявление обвиняемому обвинения должно последовать не позже как в течение 48 часов со дня составления следователем постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого». В данной статье сказано, что только при наличии достаточных оснований составляется постановление, то есть без достаточных доказательств лицо не могут привлечь в качестве обвиняемого. Дока-

зательства должны быть надлежащими, так же при принятии решения судом он назначении наказания, это решение должно быть мотивированным.

Далее в статье 136 установлено, что «следователь не имеет права домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер». Опять же мы видим проявление данного признака. Согласно этой статье к обвиняемому не могут относиться как к виновному [7].

Если детально изучать развитие принципа презумпции невиновности, то следует обратить внимание также и на Конституцию 1924 года. При изучении Конституции мы можем видеть, что она не регламентировала принцип презумпции невиновности. Она предусматривала лишь государственное устройство СССР. Из этого мы можем сделать вывод, что на данном этапе, перед законодательством не стояло задачи гуманизировать уголовно-процессуальное право [8].

22 ноября 1926 года, ВЦИК принял новый Уголовный кодекс РСФСР. Новый уголовный кодекс детализировал составы преступлений, за которые лицо подвергалось ответственности. На первом месте по важности продолжали стоять контрреволюционные преступления, следом за ними располагались преступления против порядка управления, должностные преступления, за нарушение правил об отделении церкви от государства, хозяйственные преступления и только последняя глава содержала ответственность за преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Кроме того, в новом уголовном кодексе особое внимание уделялось политическим преступлениям, что обусловлено установлением в стране периода политических репрессий. Хотим обратить особое внимание на то, что семья привлекаемого человека к уголовной ответственности за совершение политических преступлений так же несла бремя наказания, они считались врагами народа (ст. 58 УК РСФСР) [9]. «... члены семей изменников родине, совершивших побег или перелет за границу, подлежат ссылке в отдаленные северные районы Союза ССР на срок от 3 до 5 лет, с конфискацией всех принадлежащих им построек, сельскохозяйственного инвентаря и домашнего скота, если они не совершили преступлений, за которые по закону подлежат более тяжкому наказанию.... привлечению к ответственности подлежат члены семей изменников родине, совместно с ними проживавшие или находившиеся на их иждивении к моменту совершения преступления» [10].

Из всего выше сказанного, мы исследуем вопрос наказания членов семьи обвиняемого, то есть члены его семьи неся бремя наказания сами становятся обвиняемыми. Если тут изучать презумпцию невиновности как предположение согласно которому лицо считается невиновным пока не будет доказано обратное, то возникает вопрос. Вина у членов семьи обвиняемого нет, нет состава преступления, вину невозможно доказать. Но, наказание тем не менее они понесут, согласно статье 58 УК РСФСР. Исходя из этого мы можем сделать вывод что уголовный ко-

декс того времени из-за внесенных поправок во времена репрессий нарушает права и свободы граждан, соответственно не соблюдает презумпцию невиновности.

В годы Великой Отечественной войны функции по рассмотрению дел были переданы военным трибуналам. В связи с повышением общественной опасности совершаемых преступлений была ужесточена и уголовная ответственность за их совершение. Особую опасность в тот период представляли военные преступления против государства. Уголовному и уголовно-процессуальному законодательству в военный период, приходилось адаптироваться, под условия военного времени. Именно по этой причине необходимо было создавать новые законодательные акты, для квалификации военных преступлений и регулирования деятельности правоохранительных и судебных органов, военного периода по рассмотрению этих дел. Это было важно для государственной власти, так как чтобы одержать победу в войне, нужно было сохранить порядок в стране, не допустить бунтов, революций, краж государственного имущества и диверсий. Поэтому в короткие сроки издавались новые законы для военного времени [11]. В военное время был упрощенный порядок судопроизводства, всего лишь 10 суток на подготовку и разбирательство, отсутствие кассационного обжалования. Так как, сроки были сокращенные, просто физически не было времени проводить все процессуальные действия с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и презумпции невиновности. Так же на обороняемых и оккупированных территориях не было возможности содержания под стражей подозреваемых. Поэтому мы можем сделать вывод, что в военное время презумпция невиновности не соблюдалась в уголовном процессе.

Период послевоенного времени, так же имел свои особенности. Все нормативно-правовые акты, которые устанавливали уголовную ответственность за преступления в военное время были отменены. Соответственно вернулись прежние нормы уголовного и уголовно процессуального законодательства.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. — это модель кодекса, которая становится больше похожей на привычный нам кодекс, где в большей степени охраняются права и свободы гражданина, его здоровье и безопасность, а не государственная идеология. Если рассмотреть этот кодекс подробнее, то можно заметить, что перед государством стояла все те же задачи: охрана советского государственного строя, социалистический правопорядок [12]. Но в то же время происходило ослабление тоталитарного режима. Государство все больше уделяло внимание правам и свободам граждан. Это отражалось и в уголовно-процессуальном праве, и в его принципах.

Отражением принципа презумпции невиновности в УПК РСФСР 1960 г. является статья 122, устанавливающая основания задержания подозреваемого в совершении преступления. В этой статье закреплено, что лицо может быть задержано только при наличии достаточных на то доказательств.

Впервые в истории российского и советского права презумпция невиновности в статусе принципа уголовно-процессуального права была закреплена в ч. 2 ст. 14 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве в СССР 1989 г.

В советском законодательстве основное содержание презумпции невиновности на конституционном уровне было закреплено в ст. 160 Конституции СССР 1977 г., которая устанавливала: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом» [13].

Действующая в настоящее время Конституция Российской Федерации 1993 года (ст. 49) [14] также закрепляет презумпцию невиновности, формулируя ее следующим образом: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».... Развитие этого принципа отразилось и в положениях действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ (ст. 49) [15].

По нашему мнению, в последних двух конституциях уже можно говорить о гуманности законодательства по отношению к гражданам [16]. И так, мы можем наблюдать как советское государство плавно двигалось на пути к принятию презумпции невиновности.

В двух данных выше формулировках мы видим различия. В первой рассматриваемой нами Конституции мы видим, что все субъекты согласно конституции защищены от неправомерных действий правоохранительных органов.

Согласно второй конституции как мы можем видеть, действия принципа презумпции невиновности уже распространяются только на участников уголовного судопроизводства.

В ходе данного исследования мы приходим к выводу, что причиной различия в этих двух формулировках является существование общегражданской презумпции невиновности, которая и кроется в статье 160 Конституции 1977 г. В то время как в Конституции 1993 г. говорится о принципе уголовного процесса презумпции невиновности. Игнорирование законом подобного различия объясняется потерей сущности значения данного принципа и как результат ошибочное его толкование, неправильное применение и так далее.

Соответственно в законодательстве государства такое разграничение на наш взгляд недопустимо, конечно нужно отличать принцип уголовного судопроизводства презумпции невиновности от общегражданских принципов, которые, по нашему мнению, тоже необходимы и играют не последнюю роль на практике в решениях суда, а некоторыми правоохранительными, государственными органами игнорируются. Но, нам не стоит забывать и о том, что порой к человеку могут применяться санкции государства и без признания судом его виновным. Сюда мы можем отнести задержание, допрос, содержание в след-

ственном изоляторе. Человека в таком случае подозревают, но вины на нём как таковой еще нет, но санкции к нему применяются как к виновному. Поэтому если говорить и гуманности, справедливом отношении государства к своим гражданам. То формулировка в Конституции СССР 1977 г. более предпочтительна чем формулировка в Конституции РФ.

Так мы видим, что в СССР презумпция невиновности все-таки обладала общеправовым характером, судя по статьям Конституции СССР 1977 г. Это значит, что данный принцип являлся не только частью уголовно-процессуального права, но и всех остальных отраслей права.

Хорошо это или плохо, трудно сказать. Но, по нашему мнению, это не плохо для правовой основы государства, так как мы в ходе исследования выяснили, что является сущностью презумпции невиновности, и поняли, что данный принцип действительно может служить основой для любой отрасли права. Это благоприятно скажется на функционировании социальной жизни граждан.

Так как недоказанное обвинение в преступлении может нанести серьезный урон социальной жизни гражданина, опорочить его честь и достоинство и ответственным за это будет государство.

Думается, что презумпция невиновности в СССР являлась чем-то вроде, гаранта добропорядочности и добросовестности советского гражданина. Важной гарантией прав и свобод человека, а также в дальнейшем стала одним из основных принципов уголовного судопроизводства СССР.

Данный принцип являлся основой нравственного и социального здоровья советского государства. В котором царила атмосфера доверия, взаимопонимания и веры в добропорядочность и честность человека [17]. Также защищает от ложных обвинения и подозрений и клеветы, так как формула общеправовой презумпции невиновности выступает как предположение о невиновности всех граждан.

В то время как презумпция невиновности в качестве принципа уголовного судопроизводства гарантирует обвиняемому, подозреваемому гуманное отношение со стороны исполнительных и судебных органов.

Общеправовая презумпция невиновности носила объективный характер и распространялась на всех граждан в любых правоотношениях.

Из всего ранее сказанного мы делаем вывод что, в советском законодательстве действие презумпции невиновности было гораздо шире, чем в современном законодательстве, об этом свидетельствует проведенное нами исследование статьей из Конституции СССР и Конституции РФ. В законодательстве СССР действовала на практике презумпция добропорядочности граждан, что обеспечивало надлежащее соблюдение презумпции невиновности.

Таким образом мы выделим две исторических тенденции развития принципа презумпции невиновности:

1. применение презумпции невиновности без законодательного закрепления (из внутреннего убеждения

справедливости), стремление сделать уголовный процесс более гуманным;

2. окончательное законодательное закрепление.

Если говорить о различии презумпции невиновности в СССР и в современной РФ, то, конечно, стоит отметить применение данного принципа без законодательного закрепления советскими судами и органами следствия из чувств справедливости. Но тем не менее у данного принципа было множество противников. Хотелось бы заметить, что в СССР после законодательного закрепления презумпции невиновности действовала гораздо эффективней нежели в РФ, так как распространялась на весь круг лиц, в действительности подразумевала добросовестность гражданина и соответствовала своему истинному предназначению. В Российской Федерации в уголовном процессе нашего времени понимание сущности презумпции невиновности совсем другое, данный принцип воспринимается как формальность которой нужно следовать, но конечно не все этому следуют и поэтому не редкость нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе. Так же в РФ принцип

презумпции невиновности распространяется только на подозреваемого и обвиняемого, что не совсем верно, так как право считаться добропорядочным имеют граждане и не являющимися участниками уголовного процесса.

Подводя итог данной работы, хотелось бы сказать, что принцип презумпции невиновности, разумеется, необходимая составляющая уголовного законодательства развитого государства, его задачей является делать гуманным и человечным процесс уголовного судопроизводства. Данный принцип сейчас имеет свои пробелы и недостатки. По нашему мнению, законодательству следует расширить круг лиц, на которых распространяется действие данного принципа, он должен защищать интересы всех граждан, без исключения. Следует законодательно закрепить точное и развернутое понятие принципа презумпции невиновности. В наше время принцип презумпции невиновности, если говорить дословно, то это только лишь как обязанность следственных и судебных органов относиться к «виновному», как к «невиновному» это не правильный подход. Презумпция невиновности она гораздо шире, чем ее воспринимают сегодня.

Литература:

1. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы / А. Ф. Кони. — Москва: Издательство Юрайт, 2017. — 148 с.
2. Стойко, Н. Г. О фундаментальных различиях уголовного процесса континентального и англо-американского типов / Н. Г. Стойко, В. М. Шафиров // Правовая политика и правовая жизнь. — 2012 — № 2. — С 77–83.
3. Тихомиров, М. Н., Елифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.
4. Решняк, М. Г. Понятие и сущность презумпции невиновности // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2010. — № 2. — с. 54–61.
5. Тадевосян, В. С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Советское государство и право. 1959. № 6.
6. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 (утратил силу) [Электронный ресурс] Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523&subID=100096269,100096271,100096276,100096305#text>.
7. Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР от 15.02.1923 (утратил силу) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43709#023858817480655925>.
8. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик от 31.01.1923 (утратил силу) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18243#058198959940987>.
9. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года: постановление ВЦИК от 22.11.1926 (вместе с «Уголовным Кодексом Р. С. Ф. С. Р») (утратил силу) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=45499#0807989883003453>.
10. Вилкова, Т. Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы: монография [Электронный ресурс] / Т. Ю. Вилкова. — М.: Юрайт, 2019. — 173 с. // ЭБС Юрайт. — Режим доступа: <https://biblio-online.ru/book/princip-prezumpcii-nevinovnosti-istoriya-sovremennost-perspektivy-441769>.
11. Мутагиров, Д. З. Права и свободы человека: учебник для бакалавриата и магистратуры [Электронный ресурс] / Д. З. Мутагиров. — М.: Юрайт, 2018. — 516 с. — (Бакалавр и магистр. Академический курс) // ЭБС Юрайт. — Режим доступа: <https://biblio-online.ru/book/prava-i-svobody-cheloveka-421942>.
12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) (утратил силу) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/.

13. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик от 07.10.1977 (утратил силу) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901941395>.
14. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83686/.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2019) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
16. Туманов, Д. Ю. Система прав и свобод граждан по Конституции СССР 1936 года / Д. Ю. Туманов // Вестник Чувашского Университета — 2012 — № 1. — с. 142–144
17. Мутагиров, Д. З. Права и свободы человека: учебник для бакалавриата и магистратуры / Д. З. Мутагиров. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2018. — 516 с. — (Бакалавр и магистр. Академический курс) [Электронный ресурс] // ЭБС Юрайт. — Режим доступа: <https://biblio-online.ru/book/prava-i-svobody-cheloveka-421942>.

Объективная истина и суд присяжных

Онкурова Намджила Александровна, студент магистратуры
Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии

В данной статье рассмотрен вопрос о возможности установления объективной истины в уголовном процессе. Автор ставит в зависимость разрешение поставленного вопроса с воплощением участниками уголовного судопроизводства своего потенциала в рамках состязательного процесса. Суд присяжных, в данном ключе, играет значительную роль в реализации принципа состязательности, способствуя недопущению пристрастной оценки сторон уголовного процесса и достижению истины.

Ключевые слова: суд присяжных, объективная истина, уголовный процесс, состязательный процесс.

Подобно Платону пытавшемуся отыскать в дискуссии определение для термина «софист» [6, с. 277], на протяжении всей своей сознательной истории человечество пытается отыскать определение и «правильное» содержание истины. Строго говоря, истина как предмет научного осмысления находится под пристальным вниманием исследователей различных отраслей наук, в том числе и права.

Дабы не уйти в значительной степени отдалённые и абстрактные материи, попытаемся сфокусироваться на более специализированной тематике — возможности и условиях установления объективной истины в суде присяжных.

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит требований об установлении объективной истины в процессе доказывания, однако говорить об объективной истине относительно уголовного процесса в целом можно. «Цель уголовного процесса — обнаружение истины по уголовному делу, т. е. установление всех обстоятельств по делу в соответствии с тем, как они имели место в действительности» [1, с. 4].

Установление обстоятельств действительности напрямую связано с познавательной деятельностью субъектов права. Отрицание возможности познания истины в уголовном процессе с неизбежностью привело бы к агностицизму в его предельном выражении, что конечно

не приемлемо при необходимости установления факта (события) совершения уголовно-наказуемого деяния [11, с. 129].

Солидаризируясь с рядом исследователей, мы признаем, что точных критериев позволяющих с твердой убежденностью сказать, что истина судом достигнута нет, однако также для нас не вызывает сомнения реальность отношений соответствия [5, с. 89]. Ведь как справедливо отметил М. С. Строгович «человек иногда познает истину, иногда — ложь, но он способен познать реальность» [9, с. 67–68].

Полагаем, что истина в ее предельном понимании не есть цель участников процесса, но возможный результат состязательного судебного разбирательства. По крайней мере, законодатель предусмотрел ряд механизмов для реализации подобного сценария.

Раздел XII УПК РФ достаточно детально регламентирует ключевые особенности рассмотрения дела с участием присяжных заседателей, особенно в части беспристрастности, объективности и нетенденциозности решений коллегии присяжных. К примеру, положения статьи 348 УПК РФ, которые с одной стороны закрепляют обязанность оправдательного вердикта присяжных для суда, с другой — оставляют за последним право в определенных случаях преодолеть обвинительный вердикт присяжных, служат гарантией, как для преодоления обви-

нительного уклона судей, так и для сохранения за судом профессиональной компетенции и контроля за недопущением судебной ошибки.

Учитывая специфику человеческого восприятия и влияния на него стереотипов [7, с. 21], нельзя не поддерживать установленный в части 8 статьи 335 УПК РФ запрет на исследование данных, которые могут вызвать предубеждение в отношении подсудимого. Хотя у этой позиции есть и свои оппоненты [4, с. 29–33].

Для достижения истины недостаточно лишь установить требования закона о процедуре рассмотрения дела, ведь очевидно, что они сами по себе не могут привести к истине [8, с. 101]. Однако значительное влияние на ее установление оказывает должная реализация участниками уголовного судопроизводства своего потенциала в рамках состязательного процесса [2, с. 61].

Некоторые авторы достаточно высоко оценивают значение суда присяжных для реализации состязательного процесса: «именно суд присяжных сможет возродить существующую сегодня лишь в правовых актах состязательность, где на равных соревнуются прокурор и адвокат, что позволит полностью искоренить существующий пристрастный подход к адвокатам в целом» [10, с. 21].

Состязательный процесс наиболее полно может быть реализован в судебных стадиях производства по делу, тогда стороны пользуются одинаковыми правами по заявлению ходатайств, представлению доказательств и участвуют в их исследовании [13, с. 105].

Быть максимально объективным в каждый момент времени суду достаточно сложно, особенно в ходе судебного следствия ведь здесь появляется необходимость скорого реагирования на действия сторон и т. д.

Но в суде присяжных стороны все же более чем в обычном процессе противостоят возможным упущениям (нарушениям) со стороны суда, поскольку нацелены на действительную борьбу.

Дело обстоит следующим образом. Суд присяжных как бы нейтрализует в известной степени, присущий нашей судебной системе обвинительный уклон и тогда у стороны защиты появляется мотивация активно и добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности, что детерминирует такую же необходимость у стороны обвинения. Стороны

внимательнее изучают дело, ищут дополнительные доказательства, активнее задают вопросы, испытывают на прочность доводы и доказательства друг друга [3, с. 28].

Все это приводит к всестороннему анализу и более обстоятельному исследованию доказательств, что в свою очередь способствует установлению истины и вынесению справедливого вердикта.

Внимательный читатель заметит, что выше приведен, пожалуй, идеальный сценарий, который логично приведет к правильному решению. Но на практике мнение присяжных может в значительной степени зависеть от качества и манеры речи стороны обвинения или защиты, их поведения.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что нам представляется вполне оправданным утверждение о возможности достижения объективной истины в ходе уголовного процесса. Приемлемым представляется определение объективной истины как: «Содержание знаний (выводов) об обстоятельствах дела, которое верно отражает существующую вне нашего сознания реальность. Эти выводы истинны, если они соответствуют тому, что было и есть в действительности» [12, с. 26].

Литература:

1. Бубчикова, М. В. Основы уголовного судопроизводства: учебник для бакалавров / ред. В. А. Давыдова В. В. Ершова. — М.: РГУП, 2017. — 444 с.
2. Васильева, Т. Ю. Состязательность как способ установления объективной истины /Т. Ю. Васильева// Российский судья. — 2016. — № 3. — с. 61.
3. Грищенко, А. В. Установление истины в суде присяжных /А. В. Грищенко // Уголовная юстиция. — 2016. — № 2 (8). — с. 28.
4. Ильюхов, А. А. Спорные вопросы исследования присяжными заседателями данных о личности подсудимого, потерпевшего и свидетелей: теория и практика /А. А. Ильюхов // Российский судья. — 2011. — № 6. — с. 29–33.
5. Мезинов, Д. А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе?/Д. А. Мезинов // Право. — 2013. — № 2. — с. 89.
6. Платон. Федон. Пир. Федр. Парменид. — М.: Мысль. — 1999. — 528 с.
7. Rogers, C. R. The necessary and sufficient conditions of therapeutic personality change // Journal of Consulting Psychology. — 1957. — 105 p.
8. Свиридов, М. К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе/ М. К. Свиридов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2013. — № 2. = с. 101.
9. Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе/М. С. Строгович // — М.: Юрид. лит. — 1955. — с. 67–68.
10. Ткаченко, С. В. Институт суда присяжных в современных российских условиях/С. В. Ткаченко // Российский судья. — 2019. — № 2. — с. 21.

11. Туленков, Д. П. Познавательная деятельность при производстве по уголовному делу. Дисс. ... канд. юрид. наук. диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Д. П. Туленков. — Москва, 2016. — 253 с.
12. Фаткуллин, Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания / ред. Я. С. Аврах — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. — 206 с.
13. Ясельская, В.В., Рожков А. С. Требования состязательности и равенства процессуальных возможностей сторон и участие стороны защиты в доказывании: что делать с материалами, представляемыми стороной защиты? / В. В. Ясельская, А. С. Рожков // Уголовная юстиция. — 2016. — № 1. — с. 105.

Свобода выражения мнения или профессиональный стиль?

Гордиев узел будущих юристов

Полякова Софья Сергеевна, студент;

Чупрова Елена Сергеевна, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье поднимается проблема формирования позитивного имиджа представителя юридической профессии. Анализируется законодательная регламентация внешнего вида судьи и адвоката. Делается вывод о том, насколько «бесформенная свобода» отрицательно сказывается на дисциплине и на учебном процессе.

Ключевые слова: свобода мнения, профессиональный имидж, стиль одежды, судейская мантия.

Статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1], гласит: «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ».

Указанное право не является абсолютным, его осуществление сопряжено с определенными изъятиями и ограничениями. Введение данных ограничений представляется необходимым, прежде всего, в целях защиты нравственности, репутации или прав других лиц [2].

Следует иметь в виду, что свобода выражения мнений не сводится к одной лишь свободе обсуждать действия властей или вопросы, живо интересующие общество [3]. Свобода рассматривается и как основа самореализации каждого человека, поэтому её осуществление происходит и посредством выбора модели поведения, профессионального имиджа, стиля одежды.

Актуальной представляется проблема формирования позитивного имиджа. Насколько важно для людей, желающих стать юристами придерживаться определённого стиля одежды, профессионального имиджа? Способствует ли он формированию ответственности, необходимых качеств? Попробуем разобраться в данных вопросах на примере наиболее ярких представителей юридической профессии.

1) Судьи

Судейская мантия — символ государственной власти, который свидетельствует об особом статусе и авторитете судьи перед остальными участниками процесса и присутствующими на нем.

Девушка — начинающий юрист, шокированная тем, что судья пришла на заседание без мантии рассказывала в своем блоге: «Для меня мантия, в первую очередь, не просто атрибут власти, это уважение к сторонам, которые пришли в зал судебного заседания получить правовой документ, провозглашенный именем РФ. И когда судья сидит в кофте, платье с декольте, уважения я не вижу, и в ответ хочется проявить такое же неуважение и в следующий раз прийти в спортивном костюме» [4].

Законодательство не содержит норм, устанавливающих правовые последствия рассмотрения дела судьей без мантии или других отличительных знаков своей должности. Однако, КС РФ в своем Определении отметил, что не допускается осуществление правосудия при отсутствии предусмотренных символов [5].

2) Адвокаты

Что касается адвокатов, то согласно ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвокатов при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению. Данная норма не дает ясного представления о стиле одежды адвоката.

В адвокатской среде высказываются предложения о введении своеобразного дресс-кода для адвокатов (по аналогии с судейскими мантиями и формой сотрудников прокуратуры РФ). В частности, Г. Б. Мирзоев предлагает решить данный вопрос путем введения мантий для адвокатов: «Давайте вспомним, как выглядел российский адвокат до революции — в смокинге, с бабочкой, со знаком корпорации. Мы же можем не хуже! Мы можем даже носить мантию» [6].

Данное предложение, однако, критикуется и в целом, и в отдельных аспектах. Так, первый вице-президент Федеральной палаты адвокатов Е. В. Семеняко считает, что на нынешнем этапе было бы целесообразно ограничиться введением некоего знака принадлежности к адвокатскому сообществу [7].

Итог дискуссии по данному вопросу был подведен на VII Всероссийском съезде адвокатов. 17 сентября 2015 г. Совет ФПА РФ принял Положение о нагрудном Знаке российского адвоката. Указанный Знак является отличительным атрибутом российского адвоката.

Однако Положение о знаке никак не разрешает неопределенность в отношении стиля одежды адвоката. Например, Верховный суд Республики Мордовия признал законным прекращение статуса «адвоката в бандане» Сергея Наумова [8]. Летом 2017 года Сергей Наумов пришел в судебное заседание по уголовному делу в солнцезащитных очках, футболке, джинсовой куртке-безрукавке, шортах, с повязанным на шею шарфом и бандане

на голове. Из-за этого Президиум Верховного суда Мордовии вынес ему частное постановление, и Совет палаты лишил Наумова статуса адвоката.

На основании вышесказанного, можно сделать вывод, что профессиональный имидж имеет большое значение в деятельности юриста. Следовательно, заниматься его формированием необходимо со студенческих лет. Молодые люди, поступая в юридический вуз, должны осознавать, что юрист — служитель закона, а служить праву, это, прежде всего, служить своему Отечеству, чувствовать свою ответственность перед ним. В тоже время, комитет по правам человека в своем замечании общего порядка № 34 (2011), утверждает, что свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности [9]. Происходит столкновение права студента на свободное развитие, свободное выражение мнений и его ответственность перед обществом. Но существует ли данное противоречие в действительности?

Литература:

1. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. — 2001. — № 3.
2. Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian yearbook of the European convention on human rights) / М. В. Агальцова, А. Ю. Бушев, М. Р. Воскобитова и др. М.: Статут, 2016. Вып. 2: «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм». — с. 656.
3. Статья 10 Европейской Конвенции. Право на самовыражение // URL: <https://pandia.ru/text/78/038/5520.php> (дата обращения: 12.10.2018).
4. Судьи и мантии: история отношений // <https://pravo.ru/review/view/127248/> (дата обращения: 12.10.2018).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2007 № 162-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горлова Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 34 ФКЗ «О судебной системе РФ», отдельных норм ГПК РФ и УПК РФ» // СПС КонсультантПлюс.
6. Берсенева, Т., Скерт А. Аплодисменты по поводу адвокатской демонстрации и смешки из-за идеи одеть защитников в накидки // Вестник ФПА РФ. — 2012. — № 1. — с. 82–84.
7. Семеняко, Е. В. Нужна ли адвокату форма // Вестник ФПА РФ. — 2009. — № 4. — с. 149–150.
8. Адвоката лишили статуса за то, что он пришел в суд в шортах и бандане // URL: <https://pravo.ru/news/view/143117/> (дата обращения: 12.10.2018).
9. Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018) // СПС КонсультантПлюс.

Правовой режим создания индивидуального жилого дома, садового дома. Новеллы градостроительного законодательства

Принципалова Марина Станиславовна, студент магистратуры
Омская юридическая академия

Понятие «недвижимость», как юридическая категория, появилось в российском законодательстве сравнительно недавно, в «Основах гражданского законодательства Союза ССР» от 1991 года впервые появляется его определение: «К недвижимому имуществу относятся

земельные участки и все, что прочно, с ними связано, как-то: здания, сооружения, предприятия, иные имущественные комплексы, многолетние насаждения», далее это понятие было закреплено в Гражданском кодексе РФ (I часть), вступившем в действие 01.01.1995 года. До

этого более семидесяти лет деление на движимое и недвижимое имущество отсутствовало, но недвижимость «по природе», как экономическая, социальная категория, существовала всегда. Большое развитие в России и в послеоктябрьские времена и в настоящее время получило коллективное садоводство, огородничество: практически на каждом таком участке возводился садовый дом; индивидуальное жилищное строительство. Сейчас это огромный пласт объектов недвижимости, права на которые не оформлены в установленном порядке. В правовом поле эти объекты сейчас являются самовольными постройками.

Законодатель ввёл упрощённую систему оформления в собственность такого имущества. Для регистрации права собственности на строения, возведенные на дачных и садовых земельных участках до 01.01.2017 года, собственнику земельного участка достаточно было подать в орган регистрации права декларацию на такое строение. Впоследствии и по настоящее время эту процедуру дополнили необходимостью проведения в отношении таких объектов кадастровых работ сертифицированными специалистами. Для индивидуального жилищного строительства требовалось получение разрешения на строительство органом местного самоуправления.

Такой порядок оформления прав на строения не оправдал себя на практике, как со стороны собственников земельных участков под объектами индивидуального жилищного строительства из-за сложности прохождения административных процедур, так и со стороны общественных и государственных интересов в части упорядочения градостроительной деятельности. Главной целью градостроительной деятельности является устойчивое развитие территорий, в том числе обеспечение безопасных и благоприятных условий проживания для всех категорий граждан. Одним из регуляторов такой деятельности является градостроительное зонирование территорий муниципальных образований (городских и сельских поселений, городских округов и муниципальных районов и др.) Основной документ, используемый в системе градостроительного зонирования — это правила землепользования и застройки, в котором устанавливаются территориальные зоны и градостроительные регламенты. Градостроительный регламент определяет правовой режим земельных участков и всего что на них находится в пределах территориальной зоны. Это нормативный документ, где указаны виды и назначение объектов недвижимости, размещение которых допустимо в данной зоне, максимальная этажность, процент застройки, минимальные отступы от границ земельного участка до объекта капитального строительства [3]. При существовавшем порядке оформления объектов капитального строительства на садовых земельных участках и объектов индивидуального жилищного строительства не удавалось отслеживать соблюдение градостроительных регламентов в части отступов от границ земельного участка до объекта. На этапе выдачи разрешения на строительство орган мест-

ного самоуправления на основании градостроительного плана земельного участка регулировал эти отступы, но при завершении строительства орган регистрации права не принимал во внимание соблюдение данных норм. По строениям на садовых участках соблюдение градостроительных норм не отслеживалось.

Этот пробел заполнен внесением изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 03.08.2018 № 340-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 340-ФЗ), вступившим в силу 04.08.2018 года. Порядок оформления прав на объекты капитального строительства на земельных участках для индивидуального жилищного строительства, участках для ведения личного подсобного хозяйства и садовых, дачных участках унифицирован, и теперь носит уведомительный, а не разрешительный характер. Для оформления строений на садовых и дачных участках изменения вступают в силу с 01.03.2019 года.

Правообладатель земельного участка для индивидуального жилищного строительства, садового, дачного земельного участка перед началом строительства уведомляет орган местного самоуправления о планируемом строительстве или реконструкции объекта капитального строительства. Законодатель обозначил исчерпывающий перечень требований, которые должны содержаться в таком уведомлении, это параметры объекта — этажность, предельная высота, размер отступов от всех границ земельного участка до объекта капитального строительства, площадь земельного участка под объектом (площадь застройки). Для органа местного самоуправления установлены критерии определения соответствия параметров объекта индивидуального строительства или садового дома установленным параметром, допустимости строительства. Уведомление о несоответствии параметров выдаётся застройщику только в случае если:

- 1) указанные в уведомлении о планируемом строительстве параметры объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома не соответствуют предельным параметрам разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, установленным правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории, или обязательным требованиям к параметрам объектов капитального строительства, установленным настоящим Кодексом, другими федеральными законами и действующим на дату поступления уведомления о планируемом строительстве;

- 2) размещение указанных в уведомлении о планируемом строительстве объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома не допускается в соответствии с видами разрешенного использования земельного участка и (или) ограничениями, установленными в соответствии с земельным и иным законодательством Российской Федерации и действующими на дату поступления уведомления о планируемом строительстве;

3) уведомление о планируемом строительстве подано или направлено лицом, не являющимся застройщиком в связи с отсутствием у него прав на земельный участок [1].

Для объектов, расположенных в границах территории исторического поселения федерального или регионального значения, предусматриваются дополнительное согласование строительства органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченным в области охраны объектов культурного наследия.

Установлен срок согласования органом местного самоуправления планируемого строительства — семь рабочих дней со дня направления застройщиком уведомления о планируемом строительстве. В случае непоступления ответа от органа местного самоуправления строительство считается согласованным. Определён переходный период вступления в действие вышеназванных изменений: до 1 марта 2019 г., если строительство было начато до дня вступления в силу Закона № 340-ФЗ, но не получено соответствующего разрешения, застройщик вправе уведомить орган местного самоуправления о планируемом строительстве и легализовать свою постройку в установленном порядке [2].

Законодателем установлен контроль за строительством не соответствующим параметрам установленным законом: в случае не согласования строительства орган местного самоуправления направляет уведомление о несоответствии параметров строительства индивидуального жилого дома или садового дома установленным параметрам и (или) недопустимости размещения данного объекта на земельном участке в органы уполномоченные на осуществление государственного строительного надзора, государственного земельного надзора, надзора в области охраны объектов культурного наследия.

Поправки, внесённые в Градостроительный кодекс Российской Федерации Законом № 340-ФЗ, с одной стороны упрощают процедуру согласования строительства индивидуальных жилых домов и садовых домов для застройщиков, с другой стороны дают инструменты кон-

троля соблюдения градостроительных норм при новом строительстве объектов.

Упрощённый порядок оформления прав на индивидуальные жилые дома, дома на садовых участках получил название «дачная амнистия», и с начала действия такого порядка с 1 сентября 2006 года было зарегистрировано более 13,5 млн. прав на такие объекты недвижимости. Назначая переходный период вступления в действие поправок в Градостроительный кодекс Российской Федерации до 1 марта 2019 года, в течение которого допускалось оформление прав на садовые и жилые дома без уведомления органов местного самоуправления, а соответственно и более мягкий режим соблюдения градостроительных норм, установленных в правилах землепользования и застройки, законодатель не учёл следующее: небольшой срок переходного периода не позволил гражданам им воспользоваться. На сегодняшний день, те граждане, дома которых уже возведены с нарушением градостроительных норм, в частности с уменьшением отступа от границы земельного участка, смогут оформить свои дома только в судебном порядке, если докажут, что их дом не нарушает строительных норм и правил и не является самовольной постройкой.

В настоящее время Государственной думой в первом чтении принят законопроект № 707989—7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (О «Дачной амнистии») [4], который устанавливает упрощённый порядок строительства и регистрации прав до 1 марта 2022 года, в отношении жилых домов, жилых строений, садовых домов, которые были построены до вступления в силу Федерального закона 340-ФЗ, т. е. до 4 августа 2018 г.

Учитывая огромный пласт таких объектов недвижимости, которые после 1 марта 2019 года оказались вне правового поля, данную инициативу законодателя мы находим справедливой. Кроме того, принятие законопроекта послужит целям вовлечения недвижимости в гражданский оборот, положительно скажется на динамике развития частного жилого сектора [5].

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. N 190-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // ЭПС «Система ГАРАНТ».
2. Федеральный закон от 03.08.2018 N 340-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Комментарий к градостроительному кодексу Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ / Н. Н. Мельников [и др.]; под ред. Н. Н. Мельникова. // СПС «КонсультантПлюс».
4. Законопроект № 707989—7 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/707989—7> (дата обращения 25.06.2019)
5. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/707989—7> (дата обращения 25.06.2019)

Реализация системы межведомственного электронного взаимодействия в процессе предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме

Рязанов Яков Николаевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрен процесс реализации межведомственного электронного запроса в системе предоставления государственных и муниципальных услуг, выявлены основные проблемы и обозначены рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: государственные и муниципальные услуги, электронный вид, система межведомственного электронного взаимодействия

Система взаимодействия органов государственной власти является одним из ключевых факторов в процедуре предоставления государственных и муниципальных услуг. Появление и внедрение новых форм, при которых осуществляется взаимодействие органов публичной власти с физическими лицами и юридическими на территории разных субъектов Российской Федерации, представляет собой новый шаг в развитии государственных и муниципальных услуг и системы государственного управления в целом. В настоящее время на территории Российской Федерации основан и продолжает совершенствоваться механизм оказания услуг, критериями которого являются быстрота выполнения органами государственной и муниципальной власти, удобство и простота для пользователей, а также соответствии итогового результата высокому качеству исполнения.

В этой связи, изменение системы оказания государственных и муниципальных услуг является одним из важных достижений реформы государственного управления в Российской Федерации.

Как отмечает Струкова Н. А., в настоящее время в РФ используются следующие виды информационного взаимодействия в процессе предоставления государственных услуг:

1. Традиционный бумажный документооборот осуществляется между сотрудниками организаций, которые участвуют в межведомственном информационном обмене;
2. Обмен электронными формами традиционного бумажного документа с применением доступных электронных технологий информационного взаимодействия — системы электронного документооборота, электронная почта;
3. Унифицированное информационное взаимодействие — осуществляется между информационными системами участников межведомственного электронного взаимодействия;
4. Применение интерактивных запросных приложений, которые предоставляются некоторыми ведомствами в качестве пользовательских электронных сервисов через официальные сайты органов в сети Интернет или ведомственные электронные порталы. [1]

Приоритетным направлением межведомственного информационного взаимодействия является взаимодействие в электронной форме. Для этих целей в РФ создана Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), состоящая из региональных сегментов. Подробное описание процесса взаимодействия осуществляется в рамках Постановления Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе электронного межведомственного взаимодействия». Данный нормативный акт определяет правила формирования и функционирования СМЭВ, а также основы информационного обмена, осуществляемого с ее применением между информационными системами федеральных органов исполнительной власти, государственных внебюджетных фондов, исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, многофункциональных центров, иных органов и организаций в целях предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме [2].

Перечень необходимых документов для оказания услуги устанавливается административным регламентом. Исходя из вышеизложенного количество запросов в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия напрямую зависит от количества необходимых документов.

Следовательно, от уровня межведомственного взаимодействия зависит качество, оперативность и доступность оказания государственных и муниципальных услуг. Несмотря на это, система взаимодействия органов публичной власти имеет следующие проблемы.

Некоторые органы государственной власти до сих пор не разработали единые формы и образцы документов, в которых содержаться сведения, необходимые для оказания услуги. Это, в свою очередь, приводит к тому, что информация, полученная в рамках межведомственного взаимодействия, противоречит действующим нормативно-правовым документам.

Помимо этого, в межведомственных запросах указывается неполная или неточная информация, поэтому для выполнения данных запросов требуется дополнительное рабочее время, что, в конечном счете, приводит к уве-

личению сроков предоставления той или иной государственной услуги. Также это может послужить основанием для отказа в предоставлении услуги, поскольку сведения, полученные посредством запроса, будут содержать недостоверную или неполную информацию.

Нестабильная работа электронных сервисов системы также является одной из главных проблем в процессе оказания услуги. Несмотря на то, что выполняется большой объем работы по совершенствованию сервисов межведомственного запроса, запуск новой версии или обновление уже существующей версии программы приводит к техническим ошибкам и перерывам в процессе предоставления услуги, что в свою очередь, приводит к увеличению сроков и в целом на качество оказываемой услуги.

Отсутствие единой информационной системы на сегодняшний день ведет к тому, что сотрудники органов осуществляют запросы по нескольким информационным системам. Также из-за переноса большого пакета данных сотрудниками органов власти, которые участвуют в процессе межведомственного взаимодействия, возрастает вероятность совершения ошибки при внесении сведений.

Литература:

1. Струкова, Н. А. Проблемы межведомственного информационного взаимодействия при предоставлении государственных услуг // Вопросы управления. — 2018. — № 2. — с. 25–29.
2. Постановления Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 697 (ред. от 20.11.2018) «О единой системе электронного межведомственного взаимодействия»
3. <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-mezhvedomstvennogo-informatsionnogo-vzaimodeystviya-pri-predostavlenii-gosudarstvennyh-uslug>

Исходя из вышеизложенного, система межведомственного электронного взаимодействия нуждается в дальнейшей доработке и совершенствовании. В этой связи считаем необходимым:

— За счет использования технических средств высокого качества и дальнейшего совершенствования программного обеспечения повысить стабильность работы электронных сервисов;

— Закрепление единой методики работы с информационными системами и сервисами с четкой регламентацией процедур в соответствующей правовом акте;

— Внедрение технологий распознавания неверного формата или опечаток, которые позволят исключить недостоверность данных, а также непосредственный контроль данной системы;

— Создание комиссий или проектных групп с представителями различных ведомств с целью проработки и устранения проблем, возникающих при работе с системой межведомственного взаимодействия, а также последующей оптимизации процесса предоставления государственных и муниципальных услуг.

Предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме: проблемы и пути решения

Рязанов Яков Николаевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрен процесс предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Представлены текущее состояние процедуры оказания услуги в электронном виде и проблемы последующего перевода предоставления государственных и муниципальных услуг в цифровой формате.

Ключевые слова: государственные и муниципальные услуги, электронный вид, система межведомственного электронного взаимодействия, электронное правительство

Государственная программа «Информационное общество», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 послужила новым толчком для развития и совершенствования системы управления государством, повышения качества жизни населения и улучшению различных сфер жизнедеятельности общества.

Одной из целей указанной государственной программы является обеспечение исполнения полномочий органов

государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляемых в электронной форме, в том числе предоставление гражданам и организациям государственных, муниципальных и социально значимых услуг (реализации функций), а также — повышение эффективности государственного управления, взаимодействия органов государственной (муниципальной) власти, граждан и бизнеса на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий. [1]

Перевод государственных и муниципальных услуг в электронный вид — перспективное направление их модернизации, призванное повысить их доступность, снизить коррупционные риски и сократить временные и финансовые затраты государства и граждан. Под электронными услугами понимается такая организация взаимодействия между органами власти и населением, при которой подача заявления и необходимых документов для получения услуги осуществляется в электронном виде через интернет. По итогам принятия решения заявителю может предоставляться результат в форме электронного документа. [2]

Перевод услуг в электронный вид состоит из множества этапов. Во-первых, должна быть оценена правовая перевода государственной услуги в электронный вид, а также, при необходимости, внесение в законодательство изменений в установленном порядке. После оценивается социальная и экономическая эффективность перевода государственной услуги в электронный вид, выявление возможных рисков и наличия технической возможности реализации услуги в электронном виде, изучается передовой опыт предоставления аналогичных услуг в электронном виде не только в других регионах России, но и зарубежный опыт. Подготавливается техническая документация и создается узкоспециализированное программное обеспечение. Производится тестирование и отладка сервиса (в этот этап, как правило, включают этап обучения специалистов регистрирующих органов, которые будут предоставлять эти услуги). Определяется пилотная зона эксплуатации сервиса. Лишь после всего этого осуществляется ввод в эксплуатацию сервиса. [3]

Одной из основных проблем при переводе государственных и муниципальных услуг в электронный вид являются законодательные барьеры. Работа в данном направлении ведется. Принимаются поправки к уже принятым законам. Более того, устранение нормативных барьеров должно повысить ключевые показатели эффективности мероприятий в ходе мониторинга деятельности федеральных органов и регионов РФ.

Другой немаловажной проблемой является отсутствие единой методологии перевода услуг в электронный форму на федеральном уровне, что в свою очередь не позволяет сделать процесс оказания услуг более эффективным. Решением этой проблемы может стать внедрение системы подготовки государственных услуг к переводу в электронный вид с соответствующей методическими рекомендациями.

Стоит отметить, что сегодня, те услуги, которые в настоящее время представлены на Едином портале государственных и муниципальных услуг не оказываются без лич-

ного присутствия либо полностью дистанционно, т. е. не оказывается «в электронном виде» в прямом смысле этого слова те, что оказываются, являются информационными сервисами.

Еще одна проблема обусловлена консервативным мышлением населения государства, это неготовность граждан к электронному правительству, в том числе, сотрудников органов власти. Данная проблема касается и сотрудников органов публичной власти, а именно это желание работать не со сведениями (из государственных информационных систем, заверенных электронной цифровой подписью), а с бумагами.

Также немаловажной проблемой являются процессы межведомственного запроса в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия, поскольку эффективность и доступность государственных и муниципальных услуг напрямую зависит от уровня межведомственного взаимодействия.

Некоторые органы государственной власти до сих пор не разработали единые формы и образцы документов, в которых содержаться сведения, необходимые для оказания услуги. Это, в свою очередь, приводит к тому, что информация, полученная в рамках межведомственного взаимодействия, противоречит действующим нормативно-правовым документам.

Механизм предоставления государственных услуг в электронной форме представляет собой непосредственное использование информационно-коммуникационных технологий в процессе реализации указанной функции органом государственной власти и именно такой подход способствует обработке запросов в автоматизированном виде в процедуре предоставления государственных и муниципальных услуг. В этой связи необходимо проведение скоординированных организационно-технологических мероприятий и согласованных действий органов государственной власти как на всех федеральном, так и на региональном уровне.

В рамках системы межведомственного электронного взаимодействия определить стандарты работы региональных порталов, единого портала государственных и муниципальных услуг и официальных порталов органов государственной власти субъектов Российской Федерации при их непосредственном взаимодействии; подготовить нормативную правовую базу, которая бы содержала унифицированные требования к форме и содержанию данных в справочных системах и реестрах органов власти с целью обмена такими данными в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия; установить на федеральном уровне единые требования к системам электронного документооборота.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 23.05.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество».

2. Постановление Правительства РФ от 25 декабря 2007 г. № 931 «О некоторых мерах по обеспечению информационного взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления при оказании государственных услуг гражданам и организациям».
3. Абубекиров, А. С., Шевко Н. Р. Предоставление государственных услуг в электронном виде: реалии современности // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана. — 2014. — № 2. — с. 3–7
4. <https://cyberleninka.ru/article/n/predostavlenie-gosudarstvennyh-uslug-v-elektronnom-vide-realii-sovremennosti???history=5&pfid=1&sample=19&ref=0>

Проблема классификации преступлений, связанных с необходимой обороной

Рязанова Анастасия Александровна, студент
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Необходимая оборона — это субъективное право граждан Российской Федерации. В ч.2 ст.45 Конституции Российской Федерации [1] сказано: «За каждым гражданином признается право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом». Можно сделать вывод, что действия лица в ситуации необходимой обороны являются общественно-полезными, так как происходят из-за необходимости оберегать законные права и интересы от противозаконного посягательства.

Одним из способов самозащиты значится институт необходимой обороны [2].

Необходимая оборона, в правовом смысле, это защита лица и прав прямо защищаемого и/или иных лиц, от противозаконного посягательства на них, с позволенным причинением вреда злоумышленнику.

Целью необходимой обороны является полное прекращение противозаконного и преступного посягательства для недопущения его повторения в дальнейшем.

Реализация прав на необходимую оборону — право каждого гражданина, носящее характер субъективности, и не является юридической обязанностью, а только лишь связана, в отдельных случаях, обязанностью нравственной, моральной, может рассматриваться как некий общественный долг гражданина.

При осуществлении действий в рамках необходимой обороны защищаются, чаще всего, жизнь и здоровье лица, на которого совершено нападение, половая свобода, имущественные блага, частная собственность [3, с. 218].

Часто в рамках необходимой обороны, человек отказывается от ее применения, т. к. субъектом преступления может выступать его близкий или родной человек.

Стоит отметить, что целью реализации права на необходимую оборону является осуществление, в первую очередь, защиты интересов, охраняемых нормами закона. Причинение преступному лицу вреда не является целью обороны, а имеет вынужденный характер, т. к. защитить указанные интересы каким-либо другим способом на момент совершения посягательства не представлялось возможным.

Таким образом, законодательное закрепление права каждого на необходимую оборону позволяет государству вовлечь граждан в процесс борьбы с преступностью, возможно и в меньшей мере, нежели в этом процессе участвуют сотрудники правоохранительных органов, обладающими специальными полномочиями. Что касается объектов защиты, то путем необходимой обороны могут защищаться сама личность, т. е. отдельно взятый человек, все имеющиеся у него блага — материальные и нематериальные, права и законные интересы, а также общественный и государственный строй, внешняя безопасность, правопорядок и т. д.

Моя тема носит актуальный характер, потому что роль и функция необходимой обороны значительна и важна для развития гражданского общества и правового государства.

Как сказано выше, необходимая оборона служит сдерживающим фактором и противовесом в преступности. На первый взгляд, институт необходимой обороны является довольно ясным и простым в институтах уголовного права, но на самом деле — это не так.

В институте необходимой обороны описывается немало оценочных категорий. К этим категориям относится: посягательство, явность, соотношение защиты характеру и опасности посягательства; по поводу некоторых из них возникает спор и проблемы в классификации действий, совершенных обороняющимся.

Из-за проблем классификации происходит много теоретических дискуссий.

Как уже указывали, необходимая оборона (ст. 37 УК РФ) — законная защита и оборона от общественно-опасного посягательства путем причинения вреда посягавшему.

К посягательству относятся условия: общественная опасность деяния; наличность; действительность (реально существующая опасность).

Несмотря на постоянное совершенствование современной российской законодательной базы, в том числе и уголовно-правовой, ряд вопросов, касающихся юридической оценки конкретных ситуаций и практического при-

менения некоторых положений ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона», до сих пор остаются нерешенными.

Различные ситуации, которые связаны с необходимой обороной, неминуемость субъективных оценок деяний защищающегося лица, являются причинами классификации ошибок. Одной из самых главных проблем — является определение пределов необходимой обороны, во время превышения которых, исключается общественно-полезные действия защищающегося, и деяние последнего значатся, как преступные.

Я считаю, что понятие превышения необходимой обороны в действующем законодательстве раскрывается не полностью, оно недостаточно конкретно и требует совершенствования. По причине того, что ст.37 УК РФ рассчитана в первую очередь для граждан, следовательно, в этой статье должны содержаться общепонятные и разборчивые, прежде всего для них меры, которые отражают ясное представление о том, при каких деяниях и обстоятельствах они не вправе делать что-либо.

Данный вопрос носит актуальный характер вследствие того, что его единственное правильное разрешение определяет, есть ли наличие или отсутствие ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

То есть, под превышением пределов необходимой обороны стоит понимать применение защищающимся чрезвычайно серьезных средств или необычайно усиленной защиты, в результате которых, нападавшему причиняется тяжелый вред, который с учетом всей очевидности и общественной значимости охраны благ, степени угрозы и характера опасности, усиленности посягательства и при использовании орудий не вызывался необходимостью.

Любое общественно-опасное деяние служит основанием необходимой обороны и является способом вызывания аффекта. Такое состояние является фактом и носит характерный вид для всех участников преступления. Если диспозиция в статьях 108 ч.1 и 114 ч.1 УК РФ прямо указывает на совершение преступления в состоянии аффекта, то в ст.108 ч.1 и ст.114 ч.1 УК РФ об этом ничего не сказано.

Трудно представить себе убийство при превышении пределов необходимой обороны, когда был установлен факт наличия спокойного состояния психики. Помимо этого, в п.15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. Сказано, что если защищающийся превысил пределы необходимой обороны в состоянии внезапно появившегося сильного душевного волнения (состояния аффекта), то его действия стоит классифицировать по ст.108 или ст.114 УК РФ [4]. По указанным деяниям, можно сделать вывод, что не только уголовный кодекс не совершенен, но и Постановление Пленума Верховного Суда РФ. Хотя именно они и должны помогать работникам в сфере правоохранительных органов правильно и точно классифицировать деяния лиц, в этих рассматриваемых вопросах.

Чтобы избежать судебных ошибки, вследствие несовершенства уголовного законодательства, по моему

мнению, в ст. 37 УК РФ необходимо внести дополнительные поправки, связанные с оборонительными действиями в состоянии психологического аффекта и исключить некоторую ответственность за такие деяния ввиду отсутствия вины у лица.

В наше время, существует внушительное число оценочных понятий о законодательной трактовке необходимой обороны, их юридическое значение зависит от суждения правоприменителя и многие из них применяются довольно-таки неоднозначно. Одним, из которых может также являться «неожиданность посягательства».

Для снижения количества ошибок при расследовании и рассмотрении в суде дел, касающихся защиты от общественно опасного посягательства, Верховному Суду РФ было бы целесообразно разработать более четкие критерии оценки действий нападающего и обороняющегося, избегая таких расплывчатых формулировок как «состояние необходимой обороны может иметь место» [5], «судам необходимо различать» [5] и прочие.

Таким образом, необходимая оборона является эффективным средством противодействия общественно опасным посягательствам на важнейшие объекты, защищаемые российским уголовным законом.

Она формирует у граждан позицию нетерпимости к нарушениям законодательства, готовность при необходимости самим защищать свои права и законные интересы, а также прийти на помощь неспособному защититься самостоятельно. Возможность пользования данным правом гражданами во многом зависит от того, насколько его гарантирует государство, будет ли дана юридически грамотная и единственно верная оценка действиям лиц, защищающим личные, общественные и государственные интересы.

Учитывая важность данного правового института, необходимы, как уже было отмечено, более четкие рекомендации по юридической квалификации практических ситуаций. В современной реальности человеку приходится не только защищать свои права и интересы, но и бороться за сохранение собственной жизни.

Стоит разграничивать необходимую оборону (ст.37 УК РФ) и крайнюю необходимость (ст.39 УК РФ) т. к., быть угрозой интересам общества может не только общественно-опасное посягательство, но и такие источники опасности, как стихийные бедствия, нападения животных, различные техногенные катаклизмы и т. д.

Проблема «превышения необходимой самообороны» максимально понятна и также — довольно спорная и сложная. Различные неясные понятия превышения необходимой самообороны дают всем лицам большую площадку для противозаконной деятельности и квалификации преступлений, а также вынесения неправильных судебных решений.

Если посягательства были реальными и/или физически направленными на обороняющегося или третьих лиц, закон предоставляет право обороняющемуся исполь-

зовать любые средства и орудия самозащиты, в том числе позволяет нанести любой вред, вплоть до причинения смерти нападающему.

Не до конца разработанные теоретические положения не отвечают потребностям допустимого субъекта необходимой обороны. Так же, актуальным до сих пор остается вопрос о доработке точных и действительных гарантиях,

связанных с уголовно-правовой реализацией права на необходимую оборону.

В силу переоценки различных степеней правомерности необходимой обороны, необходима переоценка соразмерности ответственности между участниками посягательства, от уровней противоправных деяний, то есть характера преступлений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Гончар, В. В. Некоторые аспекты реализации права на необходимую оборону // [Электронный ресурс] / В. В. Гончар // Суть времени. — Режим доступа: <https://eot.su/tags/neobkhodimaya-oborona>
3. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В. М. Лебедева. — М.: НОРМА, 2014. — 816 с.
4. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=19561596450020966592811113016&cacheid=BAAC7CE3C7A22E7DC58F0F4244E11EBA&mode=splus&base=LAW&n=135861&rnd=896F22DE18B53FC385D54B467C4F318D#1ld7ksehs1>
5. Подлипалина, А. С. Социальное неблагополучие семей / А. С. Подлипалина, П. С. Макурин // Тенденции развития современной науки: сборник тезисов докладов научной конференции студентов и аспирантов Липецкого государственного технического университета: В 2-х ч. — Ч. 2. — Липецк: Изд-во Липецкого государственного технического университета, 2017. — с. 114–116

Требования к минимальному размеру уставного капитала в современном корпоративном праве

Таов Валерий Владимирович, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В рамках данной работы автор ставит себе целью исследование сущности минимального размера уставного капитала в современном корпоративном праве.

Ключевые слова: *уставный капитал, минимальный размер, Уставный капитал, гражданский оборот, юридическое лицо, требование.*

Актуальность работы объясняется следующим: 1) Не утихающими в научном сообществе спорами о том, какова природа уставного капитала; 2) Вопросом о том, каким образом данный институт должен быть урегулирован; 3) Вопросом о том, на опыт каких правовых порядков следует ориентироваться отечественному законодателю.

В работе проанализированы основные концепции формирования уставного капитала. Показана несостоятельность некоторых подходов на примере изменения уставного капитала.

Работа написана с позиций экономического анализа права, вследствие чего все идеи и предложения автора в данной работе направлены на первостепенную цель со-

кращения транзакционных издержек и обеспечение хозяйствующим субъектам большей степени автономии.

Автор работы провел комплексный анализ как внутри систем англо-саксонского и романо-германского права, так и между ними, приведя при этом краткую характеристику отдельных правовых порядков, механизмов обеспечения стабильности гражданского оборота.

В работе обосновывается необходимость отмены требований к минимальному размеру уставного капитала и расширения степени диспозитивного регулирования.

1. Сущность уставного капитала

Минимальный размер уставного капитала: Понятие и функции

Уставный капитал юридического лица представляет собой достаточно сложное правовое явление, которое нельзя рассматривать в отрыве от корпорации, так как его существование обуславливается ее структурой. Такая конструкция предполагает определенные риски контрагентов в виду того, что учредители, предварительно ограничивая пределы своей ответственности, фактически освобождают себя от рисков. Вследствие этого образуется неравноправное положение между участниками хозяйственной деятельности.

Правопорядок не мог допустить подобного дисбаланса и в целях стабилизации гражданского оборота ввел ряд законодательных ограничений, одним из которых является требование к наличию минимального размера уставного капитала.

Большинство европейских правовых порядков рассматривают данное требование как своего рода цену за приобретение ограниченной ответственности в рамках юридического лица. [9, с. 72] Данный подход к сущности исследуемого института не является универсальным, однако он достаточно точно отражает континентальный правовой порядок и тип мышления. Кардинально отличающаяся от континентальной традиции, англо-саксонская модель предполагает иное регулирование, сущностной особенностью которой является диспозитивность и высокая степень автономности субъектов гражданского оборота. Правовые порядки, в которых корпоративная культура наиболее развита, все больше склоняются в сторону диспозитивного регулирования как исследуемого института, так и корпоративной отрасли права в целом. В рамках данной модели регулирования уставный капитал — это в первую очередь неотъемлемый институт компании, который обеспечивает распределение корпоративного контроля и организацию деятельности компании, а не средство обеспечения повсеместной стабильности и защиты участников рынка.

Представляется справедливым мнение Артема Георгиевича Карапетова, справедливо утверждавшего, что сохранение минимальных требований к размеру уставного капитала является показателем того, что российское гражданское право находится на начальном этапе своего развития. [3, с. 230]

Как было отмечено выше, уставный капитал призван быть механизмом защиты кредиторов корпорации. Однако подобной защитой пользуется не всякий кредитор корпорации. Например, акционеры, приобретая акции корпорации, получают право на выплату дивидендов. В большинстве случаев компания делает это добровольно, однако при банкротстве их требования удовлетворяются в последнюю очередь. Разумеется, обладатели привилегированных акций имеют определенный приоритет перед держателями обыкновенных, но этого, естественно, недостаточно, поэтому акционеры в категорию лиц, подлежащих защите данным институтом, практически не попадают.

Дмитрий Иванович Степанов, рассуждая об уставном капитале, приводит две позиции: российских юристов,

предпочитающих смотреть на уставный капитал в общем, акцентируя внимание в основном на защитной функции данного института, и зарубежных коллег, которые видят в уставном капитале всего лишь установленный законодателем минимум. И именно поэтому его сущность надо понимать не как универсальное средство защиты, а как только то, которое защищает кредиторов, которые стали таковыми не по своей воле. [7, с. 46]

Но как тогда быть с добровольными кредиторами? Развивая свою мысль, Д. И. Степанов делает вывод о том, что такой кредитор может договорными средствами установить себе условия, которые будут более выгодными.

С подобным утверждениями нельзя не согласиться, так как договорные способы (особенно если позиция кредитора сильнее, что зачастую и происходит на практике) обеспечивают более широкий спектр возможностей, который можно использовать в качестве механизмов защиты (например, оговорить заранее преимущественное право получения уплаты долга перед другими кредиторами.)

Еще одной важной функцией минимального уставного капитала является защита в отношении менеджмента и контролирующих участников юридического лица при банкротстве: если они сделали все необходимое, чтобы сформировать и сохранить уставный капитал, то они освобождаются от субсидиарной ответственности. [10, с. 5]

Особого внимания заслуживает мнение Евгения Алексеевича Суханова, который высказывает мысль о том, что «требование наличия у корпорации минимального уставного капитала относится к числу *важнейших гарантий защиты интересов всех участников гражданского оборота (курсив мой — В.Т.)*». [9, с. 72]

Однако вопрос об эффективности данного института на российском правовом поле остается дискуссионным и неоднозначным, так как зачастую он не справляется со своим предназначением; более детально это будет разобрано далее.

Отечественный законодатель не закрепил нормативного определения рассматриваемого института, в связи с чем существует множество академических концепций и определений, уставного капитала. Наиболее распространенным определением рассматриваемого института является его интерпретация как «совокупной стоимости имущества корпорации, зафиксированной в ее уставе». [9, с. 72]

Данное определение, представляется не совсем соответствующим действительности. Уходя корнями в имущественную концепцию, оно неизбежно разбивается о современные реалии при его детальном рассмотрении.

Концепции формирования уставного капитала

На сегодняшний день наиболее проработанными являются три основные концепции: *имущественная, эмиссионная и номинальная*.

Согласно *имущественной концепции* уставный капитал — это определенная часть активов общества, сформированная за счет вкладов его участников, то есть он входит в состав имущества общества. Сторонники дан-

ного взгляда видят в уставном капитале прежде всего инструмент для защиты контрагентов корпорации и обеспечения им соответствующих гарантий. Таким образом, предполагается дальнейшее повышение требований к минимальному размеру уставного капитала в целях обеспечения больших гарантий другим участникам имущественного оборота. [2, с. 6]

Основная критика данного подхода заключается в том, что он не охватывает возможность расходования, физического уничтожения или отчуждения имущества, внесенного уставный капитал. [7, с. 205]

Эмиссионная концепция понимает под уставным капиталом «акции (доли в уставном капитале ООО), принадлежащие участникам хозяйственного общества, т. е. актив, принадлежащий не обществу, а его участникам». Последователи данного направления считают, что основная функция рассматриваемого института — распределение прав внутри корпорации между ее участниками. [2, с. 7]

Критически анализируя данный подход, автор приходит к выводу, что у эмиссионной концепции есть определенный недостаток, в общих чертах аналогичный проблеме, присущей предыдущему подходу. Наиболее очевидным и простым будет являться следующий пример: Компания, которой необходимы денежные средства для выплаты кредиторской задолженности, может принять решение о размещении акций по закрытой подписке, а после получения денежных средств она закрывает необходимую задолженность. Таким образом, происходит размещение большего количества акций и, как следствие, их совокупная стоимость повышается, однако фактически же средства полученные от подобной процедуры тут же перенаправляются на погашение задолженности, в виду чего реального увеличения капитала не происходит, так как акции ничем не обеспечены.

Наконец, последней по списку, но отнюдь не по значению является *номинальная концепция*. В рамках данного подхода «уставный капитал — это абстрактная величина, зафиксированная в уставе, которая используется для установления некоторых соотношений. Применяется для определения допустимого порога снижения чистых активов общества». [2, с. 7] В частности, Г. С. Шапкина, анализируя акционерное законодательство, пришла к выводу, что понятие «уставный капитал» в известной мере носит условный характер, — это денежное выражение стоимости имущества, которое должно иметь создаваемое общество безотносительно к объектам, входящим в его состав, и ниже уровня которого не должна снижаться стоимость его чистых активов». [13, с. 40]

Автор работы спешит отметить, что, в рамках описанной выше концепции, будучи «абстрактной величиной», данный институт теряет всякий смысл, не обеспечивая ни одного участника хозяйственной деятельности серьезными гарантиями, но обременяя всех и каждого бессмысленными издержками. Именно при таком подходе, (особенно при низких законодательных требованиях)

грань между наличием минимального размера уставного капитала и его отсутствием практически стирается.

Автор свою очередь выступает за отмену законодательных требований к минимальному размеру уставного капитала, так как является сторонником идеи саморегулирования рынка.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что, ряд исследователей, стремясь избежать схоластических дискуссий, предпринимает попытки определить уставный капитал как «условную величину, размер которой определяется уставом юридического лица, в соответствии с требованиями законодательства, и *формируется путем внесения вкладов в виде конкретных объектов гражданских прав (курсив и подчеркивание мои — В.Т.)*». [6, с. 1]

Подобное определение, будучи максимально абстрактным, тем не менее не решает сущностной проблемы, так как содержит тезис о необходимости внесения определенных объектов в качестве вкладов в имущество общества, то есть так или иначе уходит корнями в имущественную концепцию, которая бесспорно устарев, перестала соответствовать правовым реалиям и особенностям рыночного механизма.

Таким образом, были рассмотрены три основные концепции уставного капитала, пути его формирования, затронуты аспекты его изменения, речь о которых пойдет далее. Однако автор работы считает наиболее успешной с точки зрения аргументации и соответствия реалиям правопорядка эмиссионную концепцию, превосходство которой будет проиллюстрировано в следующем параграфе.

Изменение уставного капитала и стабильность гражданского оборота

Изменение уставного капитала напрямую зависит от подхода к способу его формирования. Автор работы, исследуя данный аспект вслед за А. А. Глушецким ставит ряд вопросов, ответы на которые способствуют более глубокому пониманию сущности минимального уставного капитала: 1) Каков момент изменения? 2) Какой факт порождает изменение? 3) Где произошедшее изменение отображается? [2, с. 10]

Представляется правильным привести последующие рассуждения А. А. Глушецкого, так как благодаря им автор работы проиллюстрирует несовершенство существующей конструкции.

Отталкиваясь от имущественной концепции, мы сразу же столкнемся с определенной проблемой, при которой возникает ситуация, когда имущество, использованное в качестве оплаты уставного капитала, перестает принадлежать компании, а уставный капитал продолжает существовать в том же объеме.

Если уставный капитал — это имущество, внесенное участниками, то его изменение должно происходить в момент новых вложений или же выбывания определенных активов, однако это не происходит. Например, общество оплатило уставный капитал N-ным количеством компьютеров, которые вскоре вышли из строя и более не заключают в себе свою первоначальную стоимость и ценность.

Таким образом, в действительности уставный капитал должен был уменьшиться, но в юридической плоскости этого не произошло.

Проанализируем противоположную ситуацию — увеличение активов юридического лица. Ярким примером может стать размещение ценных бумаг путем подписки. Согласно п. 1 ст. 34 ФЗ «Об акционерных обществах» размещение считается состоявшимся при их полной оплате. Вместе с тем правопорядок не стал императивно устанавливать четкий промежуток времени для размещения оплаченной акции, решив оставить это на усмотрение сторон. В связи с этим возникают обстоятельства, при которых оплата акция уже произошла и имущество компании пополнилось, но акции еще не были размещены, то есть в балансе юридического лица активы преумножились, а уставный капитал остался прежним.

Итак, проиллюстрировав несоответствие имущественной концепции правовым реалиям отечественного правопорядка, автор считает необходимым обратить внимание на эмиссионную концепцию, но перед этим нельзя не обратить внимание на проблему «пустого уставного капитала», которая долгое время беспокоит юристов континентального права и которая в недавнем прошлом была решена отечественным законодателем.

Российский правопорядок столкнулся с определенными трудностями в период, когда считалось допустимым вносить в оплату уставного капитала не денежную сумму, а эквивалентное ей имущество, которое должно было быть оценено независимым оценщиком. Подобная законодательная деятельность породила волну появления «пустых» уставных капиталов и, как следствие, фирм-пустышек. В рамках данных рассуждений Е. А. Суханов обращает особое внимание на практику, которая сталкивалась с вопиющими злоупотреблениями правом, суть которых состояла в оплате уставного капитала ношеной одеждой. [8, с. 13]

А. А. Глушечкий обращает внимание на изменение номинальной стоимости акций. Для уменьшения или увеличения значений, зафиксированных в уставе общества или его балансе, необходимо провести изменение не в имуществе компании, а в реестре акционеров. Таким образом, цифровое значение уставного капитала меняется лишь при зачислении на лицевые счета акционеров акций либо их списания и аннулирования. [2, с. 10]

Из всего вышеперечисленного можно сделать следующие выводы:

1. *Вывод первый.* Изменение объема имущества в связи с новыми вкладами участников или выбывания уже внесенных активов не влечет уменьшения уставного капитала.

2. *Вывод второй.* Изменение уставного капитала происходит не в момент пополнения имущества общества, а в момент размещения или списания акций на лицевых счетах акционеров.

3. *Вывод третий.* Изменение уставного капитала отображается не в составе имущества общества, а на лицевых счетах акционеров.

Суммируя данные суждения, можно прийти к заключению о том, что вопреки распространенному мнению, наиболее уместной и соответствующей правовым реалиям будет *эмиссионная концепция*.

В то же время наиболее распространенная имущественная концепция, представляется автору работы, устаревшей и утратившей свое былое значение и практическую применимость к гражданскому обороту.

Отвечая на вопрос о том, каков источник сведений о размере уставного капитала, следует назвать три основных: 1) Устав общества; 2) Реестр акционеров; 3) Бухгалтерский баланс. [2, с. 16]

На первый взгляд, во всех источниках должно быть указано одно и то же цифровое значение уставного капитала, однако существует определенная проблема. Суть ее заключается в том, что возможны обстоятельства, при которых значения в этих источниках расходятся. Так, если компания размещает акции либо, напротив, аннулирует их изменение будет отражено в реестре акционеров, а не уставе общества, что порождает еще одну трудность: единственным общедоступным источником сведений об уставном капитале является устав общества, доступ же к реестру акционеров несколько ограничен. Таким образом, участники гражданского оборота не всегда могут располагать достоверными знаниями о размере уставного капитала контрагента.

Вместе с тем, независимо от концепции, которую автор мог бы взять за отправную точку своих рассуждений, основная проблема остается не решенной: правопорядок не может обеспечить безопасность участников оборота посредством императивного регулирования, тем не менее он стремится сделать это, порождая бессмысленные транзакционные издержки.

Выше был приведен пример, суть которого состояла в привлечении компанией денежных средств путем размещения акций по подписке, а затем использования этих же средств для оплаты долга своим кредиторам. При подобных бизнес-решениях номинальная цифра уставного капитала не просто остается неизменной, а увеличивается без реального аккумуляирования средств. Подобное регулирование абсолютно не обеспечивает стабильность гражданского оборота, а на против вводит хозяйствующих субъектов в заблуждение относительно реальной платежеспособности и финансовой состоятельности компании.

Таким образом, представляется, не рациональным установление требований к наличию минимального размера уставного капитала, так как существование таких требований не решает проблему обеспечения прав контрагентов и не останавливает недобросовестных участников рынка, что. Будет продемонстрировано далее.

2. Сравнительный анализ требований к минимальному размеру уставного капитала. Континентальная традиция

«На континенте» уставный капитал традиционно мыслился в качестве инструмента, стабилизирующего гражданский оборот. Вместе с тем, в данной традиции уставный

капитал долгое время рассматривался через призму имущественной концепции.

Появление требований к наличию уставного капитала минимального размера связано с сущностью юридического лица: Корпоративная форма ведения бизнеса предполагает обособление учредителей, выражающееся в том, что появляется своего рода вуаль, которая защищает учредителей, ограничивая пределы их ответственности.

Как было отмечено выше данный институт рассматривается континентальным правом как в качестве средства стабилизации оборота, так и в качестве своего рода цена, которую учредители платят за ограничение своей ответственности при использовании конструкции юридического лица.

Ввиду данных особенностей для стран с континентальной правовой системой долгое время было характерно сохранение высоких требований к минимальному размеру уставного капитала компании. В ряде правовых порядков такие требования сохраняются до сих пор, однако существует общая тенденция к сокращению императивных требований.

Евгений Алексеевич Суханов обращает особое внимание на то, что большая часть «континентальных правовых порядков» придерживается позиции, согласно которой необходимо закрепить высокие требования к размеру уставного капитала. [9, с. 75]

Тем не менее, и «на континенте» все большее количество стран

Исходя из приведенных выше положений, можно сделать вывод о том, что для континентального права характерно возведение в абсолют идеи об «опасности» конструкции юридического лица. И именно в целях обеспечения защиты хозяйствующих субъектов правовыми порядками ужесточали регулирование данного института.

Автору представляется нерациональным рассмотрение в рамках данной работы всех или даже большей части правовых порядков романо-германской правовой семьи, поэтому будут описаны лишь некоторые из них.

На сегодняшний день в ряде стран континентального права закреплены следующие требования:

I. Во Франции минимальный размер уставного капитала для АО (его аналогов) должен быть равен 310 000 долларов для публичных АО и 51 000 долларов для АО непубличного типа. Однако для аналогов обществ с ограниченной ответственностью аналогичное требование предусмотрено в размере всего лишь 1 доллара. [7, с. 52]

Примечательно, что французский правовой порядок допускает создание аналогов российских ООО с уставным капиталом равным одному евро, что является, по мнению автора, еще одним доказательством либерализации континентальных правовых систем и сокращением императивных требований.

Однако Евгений Алексеевич Суханов приводит контраргумент, подкрепляя свою позицию статистикой парижского Торгового суда, согласно которой менее 1/5

ежемесячно создаваемых компаний используют данную возможность. [9, с. 75]

Представляется, что факт использования данного права лишь 4/5 создаваемых компаний не должен становиться причиной отказа от реализации подобных требований в российском правовом порядке.

Итак, давая краткую характеристику правовому порядку, автор может сделать следующие выводы: 1) Законодатель устанавливает достаточно серьезные материальные требования для возможности выхода на рынок с применением корпоративной формы; 2) Очевидно, что целью законодателя является обеспечение стабильности гражданского оборота путем установления столь высоких требований к минимальному размеру уставного капитала; 3) Тем не менее, как было показано выше, законодатель делает первые шаги на пути к диспозитивному регулированию.

II. Германия, как классический пример страны континентального права, закрепила крайне интересный подход. Так, для АО закрепляется требование в 69 000 долларов, а для аналогов ООО — 34 500 долларов, то есть соотношение законодательных предписаний ровно 2:1. [7, с. 52] Здесь наблюдается колоссальное отличие от французского правового порядка, в котором соотношение требований приблизительно 6:1 относительно АО публичного типа.

Исходя из данных соотношений, можно предположить следующее: 1) Во Франции законодатель в большей степени обеспокоен защитой интересов контрагентов АО публичного типа нежели в Германии, которая сочла конструкцию АО лишь «в два раза опаснее», чем конструкцию ООО; 2) Вхождение как Германии, так и Франции в Евро-союз и следующая из этого возможность ведения деятельности независимо от места регистрации компании, а также высокие налоги французского правового порядка, делают Германию более предпочтительным местом для регистрации юридического лица относительно других стран континентальной традиции в виду в несколько раз меньших требований к минимальному размеру уставного капитала, особенно применительно к АО. Однако подобные преимущества попросту нивелируются одним лишь фактом нахождения в ЕС на данный момент Великобритании, правовой порядок которой будет освещен в следующем параграфе.

III. Отдельно отметим правовой порядок Италии. Для акционерных обществ здесь установлено единое требование в размере 165 000 долларов, а для обществ с ограниченной ответственностью — 13 800 долларов. [7, с. 52]

Таким образом соотношение требований в Италии приблизительно равно 12:1, но в целом ниже для АО, чем во Франции и ниже для аналогов ООО, чем в Германии.

Приведенные особенности достаточно ярко иллюстрируют политику права, проводимую законодателем во французском правовом порядке, и представляются наиболее рациональными относительно регулирования положений, затрагивающих деятельность аналогов ООО.

Характеризуя данный правовой порядок, автор спешит сделать следующие выводы: 1) Италия с точки зрения рас-

смаатриваемого института занимает промежуточное положение между Германией и Францией; 2) Политика права, претворяемая в жизнь законодателем, чрезмерно обременяет АО относительно ООО, устанавливая соотношение требований в размере 12:1.

Итак, в данном в данном параграфе были рассмотрены правопорядки, которые являются наиболее яркими, по мнению автора работы, представителями романо-германской правовой семьи. Был приведена общая характеристика континентальной традиции и отдельных правопорядков. Далее речь пойдет о странах англо-саксонской правовой семьи.

Англо-саксонская традиция

Долгое время центральным звеном, основной движущей силой англо-саксонской правовой семьи была Англия, от которой, очевидно, и пошло название правовой традиции в целом.

Однако в современном мире «законодателем мод» в правовой семье стали США, а применительно к корпоративной отрасли права данный правопорядок, по мнению автора, заслуживает безусловного первенства.

Итак, современная англо-саксонская традиция рассматривает мир через призму экономического анализа права, фундамент которого был заложен Рональдом Коузом еще в 1937 году в статье «Теория фирмы». Данная работа произвела настоящий фурор и была высоко оценена научным миром, однако тема работы несколько ограничивает круг освещаемых вопросов, поэтому автор позволит себе максимально кратко изложить суть данной теории: основной идеей школы экономического анализа права является сокращение транзакционных издержек и максимизация выгоды, получаемой субъектом хозяйственной деятельности.

Также отличительной особенностью англо-саксонской правовой семьи является превалирование теории о компании, как о совокупной взаимосвязи контрактов (pexus of contracts theory)

Остановимся подробнее на правопорядках:

I. Будучи одним из самых либеральных и обеспечивающих одну из самых высоких степеней автономии субъектам рынка, английский правопорядок отводит большую часть корпоративного регулирования в диспозитивную плоскость. Для аналогов ООО не устанавливается никаких требований к минимальному размеру уставного капитала. Однако сохраняется достаточно серьезное требование по отношению к акционерным обществам, которые составляет 79 000 долларов.

Таким образом, законодатель, с одной стороны, сделал корпоративную форму доступной для хозяйствующих субъектов, независимо от их материального положения, а с другой, — установил достаточно высокие требования к одной из самых серьезных корпоративных форм — АО.

Однако стоит отметить, что установление столь высоких требований к АО является не столько инициативой законодателя, сколько необходимостью, вызванной вхождением страны в Евросоюз.

Данная проблема состояла в высокой степени различия между романо-германским и континентальным правом, применительно к нашей теме — это отсутствие на тот момент в Великобритании аналогов института твердого капитала компании.

Директива от 13 декабря 1976 г. N 77/91/ЕЭС (Далее — Вторая Директива) решила данную проблему, обеспечив компромиссный вариант: положения о необходимости закрепления минимальных требований к размеру уставного капитала были распространены только на аналоги АО, существующих «на континенте», ООО же сохранили первоначальное регулирование. [1]

Изменения, внесенные во вторую директиву Советом Евросоюза от 6 сентября 2006 г. Директива N 2006/68/ЕС допустили свободное перемещение по Евросоюзу юридических лиц стран-участниц, что в свою очередь породило конкуренцию между двумя правопорядками, существующими в рамках одной наднациональной организации.

Данная реформа, на взгляд автора, сделала практически бессмысленным дальнейшее существование в странах Евросоюза требований к минимальному размеру уставного капитала. Впрочем, процедура выхода Великобритании из состава Евросоюза, может вновь побудить европейские страны к конкуренции за лучшие условия регистрации юридического лица.

II. Соединенные штаты Америки являются еще одним ярким примером правопорядка с высокой степенью диспозитивного регулирования, особенно относительно корпоративной отрасли права.

Прежде чем говорить о США, важно отметить, что не все субъекты страны принадлежат к англо-саксонской традиции. В частности Луизиана, Невада и Техас являются бывшими колониями держав с континентальной правовой системой, в виду чего эти штаты не обладают исключительными признаками англо-саксонской правовой семьи. *(Говоря о США, автор будет иметь в виду только штаты с англо-саксонской правовой системой.)*

Итак, большинство штатов пошли по пути диспозитивного регулирования корпоративной отрасли права, конкурируя между собой за лучшие условия регистрации юридического лица. В данном соперничестве особенно отличился штат Делавэр, в котором субъекты хозяйственной деятельности получили практически полную автономию.

На сегодняшний день в США нет никаких требований к минимальному размеру уставного капитала. Стабильность гражданского оборота в данном правопорядке обеспечивается другими методами.

Отмена данных требований связана, прежде всего, с принятием Модернизированного модельного закона о коммерческих корпорациях (Revised Model Business Corporation Act — RMBCA). в 1979 году. Большая часть штатов приняла данную реформу.

Данный акт, рассматриваемый с точки зрения экономической школы права, стал первым шагом на пути к противостоянию в данном вопросе двух правовых семей, особенно в отношении критики Второй директивы Евросоюза.

Справедливо задаться вопросом: «Как происходит обеспечение стабильности гражданского оборота без требований к наличию уставного капитала?»

Итак, ключевой функцией капитала компании в США является не столько защита контрагентов, сколько ограничение распределения ее имущества. Базовое правило здесь звучит так: «*Распределение имущества компании не должно превышать ее прибыль*» («Distributions not to exceed profits»)

Защита контрагентов осуществляется более гибкими способами, в частности договорными средствами. Сама компания мыслится как «*nexus of contracts*», то есть как совокупная взаимосвязь контрактов.

Вместе с тем, правовой порядок США усиливает субсидиарную ответственность мэнэджмента компании. Более детально и строгому регулированию подлежат нормы о несостоятельности и банкротстве. Суды в свою очередь активно применяют концепцию снятия корпоративной вуали (piercing of corporate veil). [9, с. 77]

Отдельного внимания заслуживает система проверки состоятельности компании «*Solvency test*», которая представляет собой систему последующего контроля относительно превышения чистых активов над задолженностью юридического лица.

По мнению автора, такой способ обеспечения платежеспособности компании крайне эффективен, так как снижает транзакционные издержки, которые связаны с существованием требований к минимальному размеру уставного капитала.

Подводя итог данной цепочке рассуждений, автор спешит отметить, что правовые порядки англо-саксонского права более привлекательны с позиций создания юридических лиц, так как законодатель практически полностью отменил требования к минимальному размеру уставного капитала, обеспечив при этом сокращение издержек по созданию и ведению компаниями своей деятельности.

Опыт зарубежных стран и российский правовой порядок

Выше была обоснована несостоятельность идеи, согласно которой уставный капитал следует рассматривать в качестве универсального средства обеспечения прав контрагентов юридического лица.

Тем не менее, в научной среде не утихают споры о том, какой вектор развития должен выбрать правовой порядок: ужесточить требования к форме оплаты и минимальному размеру уставного капитала, либо сделать регулирование более диспозитивным, обеспечив тем самым хозяйствующим субъектам большей автономией и позволив рынку самоорганизоваться.

Многие выдающиеся юристы как отечественного, так и зарубежного правовых порядков отстаивают идею необходимости повышения требований к минимальному размеру уставного капитала. В частности, концепцией развития гражданского законодательства предусматривается

Особого внимания заслуживает мнение Евгения Алексеевича Суханова, придерживающегося позиции, согласно которой предполагается постепенное ужесточение регули-

рования данного института в целях обеспечения безопасности участникам гражданского оборота. Е. А. Суханов приводит пример немецкого правового порядка, в котором идея отмены минимального уставного капитала встречала возражения, доходившие до такой степени, что ее приравнивали к мнению человека, который, увидев на холоде спортсмена в нижнем белье, предложил снять и эту одежду, так как она не согревала. [9, с. 74]

Евгений Алексеевич привел данный пример для того, чтобы подчеркнуть несостоятельность рассуждений, при которых предлагается упразднить минимальный размер уставного капитала в виду того, что он не выполняет своей обеспечительной функции.

Представляется, что подобный подход, как уже было отмечено выше, является не только и не столько мнением отдельно взятого юриста или даже определенного сообщества правоведов, сколько особенностью правовых систем. Существование англо-саксонской и романо-германской правовых семей зачастую сопровождается спорами о том, где регулирование лучше и рациональнее, чем опыт успешнее.

Как правило правовые порядки ориентируются на практику тех стран, которые принадлежат к их правовой семье. Однако, как было показано выше, глобализация, затронувшая и юридическую сферу, раздвигает границы и перемещает окна Овертона в сторону возможной рецепции англо-саксонского опыта.

Автор считает, что российский правовой порядок не должен повышать требования к рассматриваемому институту, так как это не остановит недобросовестных акторов рынка, но создает колоссальные обременения для порядочных хозяйствующих субъектов или тех, кто только выходит на рынок.

При повышении барьера на вход добросовестный субъект: 1) будет вынужден сократить свою доходность ввиду возросших обременений; 2) отказаться от использования корпоративной формы деятельности; 3) не выходить на рынок вовсе либо прекратить свою деятельность.

Вместе с тем, представляется, что такой высокой ценой не будет достигнута главная цель законодателя, так как недобросовестные акторы смогут так или иначе обойти законодательные предписания и продолжить использование корпоративной формы для своих целей.

Подводя итог, автор работы делает вывод о необоснованности повышения требований к минимальному размеру уставного капитала как заведомо недостаточного. Представляется более целесообразным дать рынку самоорганизоваться или же ввести иные методы обеспечения стабильности гражданского оборота, не создающие столько серьезных барьеров входа на рынок и возможности ведения бизнеса.

Заключение

В данной работе была рассмотрена сущность минимального размера уставного капитала и причина его появления и выполняемые им функции, как внутренние, так и внешние.

Приведены три основные концепции формирования рассматриваемого института. Обоснована несостоятель-

ность на сегодняшний день имущественной концепции на примере изменения уставного капитала.

Проведен сравнительный анализ рассматриваемого института и вопроса обеспечения стабильности гражданского оборота на примере двух правовых семей: англо-саксонской и романо-германской. Сделаны выводы относительно отдельных правовых порядков и приведена их краткая характеристика.

Автор является сторонником школы экономического анализа права и потому работа была написана с позиций

сокращения транзакционных издержек и создания наиболее благоприятного для ведения бизнеса климата.

Был проведен анализ российского правового порядка и обоснована несостоятельность повышения требований к минимальному размеру уставного капитала. В работе также была предложена идея его полной отмены и введения иных механизмов обеспечения стабильности гражданского оборота с большей степенью автономии хозяйствующих субъектов и расширением сферы диспозитивного регулирования.

Литература:

1. Вторая директива Совета Европейских Сообществ 77/91/ЕЭС от 13 декабря 1976 г. «О координации гарантий, которые требуются в государствах-членах от хозяйственных обществ в значении второго абзаца статьи 58 Договора для защиты интересов их участников и третьих лиц, с целью сделать эти гарантии эквивалентными применительно к учреждению акционерных обществ, а также поддержанию и изменениям их капитала» // Электронный ресурс.
2. Глушецкий, А.А. Уставный капитал: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права. М.: Статут, 2017.
3. Карапетов, А. Г. Экономический анализ права. — М.: Статут, 2016.
4. Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект) // Вестник гражданского права. 2009. № 2.
5. Поваров, Ю. С. Акционерное право России: Учебник. М.: Юрайт-Издат, 2009.
6. Рубеко, Г. Л. Уставный капитал хозяйственных обществ: некоторые проблемы правового регулирования // Юрист. 2016. № 10.
7. Степанов, Д. И. Для чего необходим минимальный уставный капитал и как определять его уровень? // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.
8. Суханов, Е. А. О концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2010. Т. 10. № 4.
9. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право. — М.: Статут, 2014.
10. Суханов, Е. А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве. «Вестник гражданского права», 2012, № 2.
11. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Электронный ресурс
12. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 15.04.2019) «Об акционерных обществах» // Электронный ресурс
13. Шапкина, Г. С. Применение акционерного законодательства. М.: Статут, 2009.

Допрос по уголовным делам о мошенничествах в сфере компьютерной информации: вопросы теории и практики

Улитин Максим Андреевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

При расследовании компьютерных мошенничеств в силу специфики преступления производство допроса обладает достаточной сложностью.

На выбор тактики допроса в целом, а также определенных тактических приемов оказывают влияние объем информации о совершенном преступлении, отсутствие у большинства следователей необходимого объема знаний

в сфере компьютерной информации. В силу указанной специфики возникает необходимость в участии в допросах специалистов.

Вместе с тем, привлечение специалиста может повлечь со стороны допрашиваемого сопротивление. Последний начинает осознавать, что у следователя отсутствуют необходимые знания в данной сфере, о способах и особенно

стях совершения компьютерного мошенничества с учетом использованных преступником технических возможностей и применённых технических средств. Это приводит допрашиваемого к стойкому убеждению в некомпетентности следователя в данном вопросе.

Еще одним аргументом против привлечения к участию в допросе специалиста выступает тот факт, привлечение к допросу дополнительных участников, отрицательно сказывается на установлении психологического контакта.

Анализ следственной и судебной практики, проведенный нами, а также интервьюирование сотрудников правоохранительных органов, принимавших участие в расследовании уголовных дел исследуемой категории, выявляет неоднозначное отношение правоохранителей к рассматриваемой проблеме. Так, если 50 % опрошенных респондентов указали, что присутствие специалиста в сфере компьютерной информации сказывается негативно на процесс допроса, то 44 % указали, что присутствие такого специалиста влияет положительно, а также и на установление психологического контакта между допрашивающим и допрашиваемым подозреваемым (обвиняемым), и оставшиеся 6 % респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Стоит отметить, что результаты нашего опроса почти аналогичны данным другого исследователя. [1, с. 61].

Практические работники, позитивно оценившие привлечение специалиста к участию в допросе, отметили, что в данном случае следователь может получить требуемую ему консультацию немедленно, не прерывая допроса. Это способствует уяснению орудий и способа совершения преступления, его механизма, иных особенностей. По их мнению, в данном случае допрашиваемый осознает, что попытки ввести следствие в заблуждение, скрыть какую-либо информацию сразу становятся очевидны для специалиста и, соответственно, для следователя, в силу чего допрашиваемый отказывается от идеи оказывать противодействия и начинает давать правдивые показания.

Кардинально иные аргументы противников привлечения специалиста к участию в допросе. Они полагают, что, если следователь получает от специалиста консультацию непосредственно в ходе допроса, из содержания данной консультации (вопросов следователей, ответов специалиста), допрашиваемый понимает, насколько компетентен следователь в данном вопросе, а также специалист, формирует соответствующую позицию исходя из содержания ответов специалиста.

В том же случае, когда следователь прерывает допрос подозреваемого и консультируется со специалистом наедине, у подозреваемого имеется дополнительная возможность еще раз все обсудить со своим защитником относительно избранной позиции, подготовиться к активному противодействию следователя, определив путь такого противодействия и подготовив средства по его реализации [2, С. 60].

Рассматриваемая ситуация, когда у допрашиваемого с участием специалиста может сложиться негативная

позиция по отношению к следователю, имеет место не только при допросе подозреваемого. Она может возникнуть и в ситуации, когда производится допрос тех свидетелей и потерпевших, которые настроены оказать содействие расследованию. Наличие у них определенных знаний в сфере компьютерных технологий, о технических устройствах и компьютерно-технических средствах, специфики их функционирования, хотя бы на уровне уверенного пользователя при отсутствии таковых знаний у лица, осуществляющего расследование, способно сформировать отрицательное отношение к нему как к профессионалу своего дела. Кроме того, у данных лиц может сложиться общее представление о неспособности правоохранительных органов объективно расследовать исследуемые мошенничества в сфере компьютерной информации, что особенно характерно для таких участников судопроизводства, как потерпевшие. Укрепившись в своей позиции о том, что у следователя отсутствуют необходимые знания в той сфере, в которой он производит расследование, потерпевший настраивается на то, что преступление не будет раскрыто, виновный не понесет наказания и ущерб ему не будет возмещен, в силу чего у него полностью пропадает желание сотрудничать со следствием, а дача показаний воспринимается как обременительная обязанность.

При установлении психологического контакта подобная обстановка негативно повлияет на допрашиваемого. Это может повлечь утрату сведений, имеющих значение для расследования исследуемых преступлений.

С учетом изложенного полагаем, что независимо от процессуального положения, допрашиваемого по делам исследуемой категории, производству допроса должна предшествовать существенная активная подготовительная работа. В отличие от иных категорий преступлений, при расследовании мошенничеств в сфере компьютерной информации, данная подготовка обладает важной спецификой. Помимо исследования данных о личности допрашиваемого лица, выявления черт его характера, подготовка должна глубоко затрагивать техническую сторону компьютерного мошенничества, анализ и особенности функционирования средств и методов, используемых для совершения преступления, особенности их реализации и применения, понимание механизма следообразования.

Полагаем возможным предложить такую форму подготовки к допросу лиц по мошенничествам в сфере компьютерной информации, как «репетиция допроса», где специалист от имени допрашиваемого отвечает на вопросы следователя. Таким образом, может быть смоделировано большинство ситуаций, которые могут возникнуть в ходе допроса, и следователь, предварительно получив все разъяснения от специалиста, будет понимать, какие вопросы следует задавать допрашиваемому в отношении от позиции последнего, от ответа на предыдущий вопрос.

Кроме того, мы полагаем, что такие «репетиции» допроса целесообразно проводить в рамках занятий по слу-

жебной подготовке сотрудников следственных подразделений с участием специалистов в области компьютерной информации. В ходе таких занятий следователи должны пытаться сформулировать вопросы к различным участ-

никам следственных действий в зависимости от предложенной им фабулы совершенного преступления, выявить алгоритм постановки вопросов, получить навыки выявления лжнотности в показаниях.

Литература:

1. Коломинов, В. В. Допрос и участие в нем специалиста при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник МГОУ. 2015. № 1. с. 61.
2. Анапольская, А. И. Особенности тактики допроса подозреваемого по делам о хищениях денежных средств с электронных счетов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2015. № 3 (3). с. 60.

Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации

Улитин Максим Андреевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В процессе расследования следователь должен устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию, ориентируясь на установленный ст. 73 УПК РФ перечень. Уже простое ознакомление с ним позволяет констатировать, что он носит абстрактный характер. Для того, чтобы определить, какие обстоятельства подлежат установлению, необходимо обратиться к статье УК РФ, устанавливающей ответственность за совершенное преступление. Изучение диспозиции статьи, квалифицирующих признаков позволяет определить более конкретный перечень, обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании уголовного дела.

Однако использование описания способа совершения преступления, закрепленного в УК РФ, не позволяет решить многие задачи, стоящие перед органами предварительного расследования. Так, например, в соответствии со ст. 159 УК РФ мошенничество представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием, следовательно, для того, чтобы установить событие преступления необходимо доказать, что имело место изъятие чужого имущества или приобретение права на чужое имущество с использованием обмана или злоупотребления доверием.

Понятие обмана и злоупотребления доверием дано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в соответствии с которым «обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки,

использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т. д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение» (п 2); «злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам» (п. 3) [2].

Таким образом, и уголовное право, и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ лишь в общих чертах ориентируют следователя на то, какие обстоятельства подлежат доказыванию для установления события преступления, в том числе и мошенничества.

Так, например, для доказывания обмана в действиях виновного недостаточно одного лишь заявления потерпевшего, что он передал свое имущество или право на имущество под влиянием обмана. Необходимо установить, какие именно сведения им были сообщены потерпевшему, в чем заключалась ложность этих сведений, воспринял ли потерпевший эти сведения как соответствующие действительности, если воспринял, то что давало ему для этого основания, почему он не усомнился в их истинности и т. п.

Кроме того, детальное установление не просто способа совершения преступления, а механизма совершения преступления нередко дает следователю основания для выдвижения версий о субъекте совершения преступления, а именно об отношениях между потерпевшим и виновным, о личности виновного, его физических данных, профессиональных навыках, знаниях, психологическом состоянии в момент совершения преступления и т. п. Выдвижение подобных версий способно помочь следователю опреде-

лить наиболее вероятные направления поиска преступника.

Исходя из диспозиции и квалифицирующих признаков ст. 159.6 УК РФ, ст. 61, 63 УК РФ, а также ст. 73 УПК РФ по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации установлению подлежат следующие обстоятельства:

1) какое программное обеспечение используется потерпевшим, когда и кем оно установлено, кто имеет доступ к компьютерам, на которых установлено данное программное обеспечение;

2) какое программное обеспечение использовано преступниками, каковы возможности данного обеспечения, кто предоставил им данное компьютерное обеспечение;

3) с использованием какого компьютера, когда, в каких целях были осуществлены ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей потерпевшего;

4) каким образом было осуществлено хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество;

5) где находятся компьютеры и иное оборудование, документы, транспортные средства и т. п., использованные в процессе совершения преступления;

6) кому именно причинен материальный ущерб: лицу, непосредственно лицу, чья компьютерная информация была подвергнута преступному воздействию или другому лицу (лицам);

7) совершено ли было мошенничество одним лицом или группой лиц;

8) если преступление совершено группой лиц, то каков состав группы, когда она была организована, кем, с какой целью, имелось ли распределение ролей в группе, все ли члены группы были осведомлены о способе совершения предстоящего преступления;

9) имело ли лицо, совершившее мошенничество доступ к компьютерной информации, в связи с чем, является ли данное лицо должностным;

10) имелась ли предварительная договоренность о том, на какую сумму будет похищено имущество, все ли члены группы знали об этом, все ли были согласны на хищение именно на эту сумму;

11) каков размер причиненного материального ущерба;

12) если ущерб причинен гражданину, установленный размер ущерба свыше 5000 руб., но не свыше 250000 руб., является ли для потерпевшего причиненный ущерб значительным с учетом материального положения потерпевшего и других юридически значимых обстоятельств;

13) где находится похищено имущество, возможно ли его изъятие;

14) если имущество уже растрчено и его изъятие невозможно, на какие цели, что именно приобретено на

средства, добытые преступным путем, где находится это имущество;

15) каковы причины и условия, способствовавшие совершению преступления;

16) имеются ли обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие либо отягчающие наказание.

То, что именно эти обстоятельства входят в предмет доказывания по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации, можно проиллюстрировать на примере одного из приговоров по ст. 159.6 УК РФ.

В приговоре Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 18.06.2018 по № 1–452/2018 также видно, что по делам о мошенничестве необходимо устанавливать, какие компьютерные программы были использованы для совершения преступления несмотря на то, что из приговора судом данные об этих программах изъяты, тем не менее суд установил, что мошенничество совершено именно в сфере компьютерной информации, сослался на программы, которые были использованы.

Аналогичные обстоятельства были установлены судом при вынесении приговора подсудимой Минитаевой А. А. по ч. 3 ст. 159.6 УК РФ. [3]

В процессе судебного разбирательства суд установил, что:

1) хищение было совершено путём ввода, модификации компьютерной информации, выразившейся в том, что подсудимая, используя свое служебное положение, подключилась к лицевому счету МУ МВД России «Энгельское», с находящимися на нём денежными средствами, принадлежащими ПАО «МегаФон», и, убедившись, что на нем имеются денежные средства, в информационно-биллинговой системе изменила категорию клиента с «кредитный» на «предоплатный», статус клиента с «временно закрыт» на «действующий», класс клиента с «аннулированный» на «корпоративный».

2) хищения были объединены единым умыслом, совершены в несколько этапов в период 03.01.2017 по 29.04.2017 г., по каждому из эпизодов было установлено время его совершения;

3) суд установил, что сумма ущерба составила 28 853 руб., ущерб причинен ПАО «МегаФон»;

4) похищенными деньгами подсудимая распорядилась по собственному усмотрению;

5) преступление подсудимая совершила одна;

6) при определении меры наказания суд учел личность обвиняемой, наличие смягчающих наказание обстоятельств, таких как признание вины, раскаяние, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, добровольное возмещение причиненного материального ущерба, состояние здоровья подсудимой и членов ее семьи, положительную характеристику подсудимой по месту жительства и прежнему месту работы.

Подводя итог рассмотрению вопроса отметим, что обстоятельства, подлежащие установлению в процессе

расследования отдельных видов преступлений входили в структуру частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений практически с начала их разработки. Знание этих обстоятельств позволяет органам предварительного расследования на этапе предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях установить наличие основания для возбуждения уголовного дела, а после его возбуждения выдвинуть наиболее вероятные версии и составить план расследования.

В самом общем виде определить обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, возможно на

основе анализа ст. 73 УПК РФ и диспозиции статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за данный вид преступлений.

Для решения задач, стоящих перед органами предварительного расследования, необходимо установления ряда обстоятельств, не входящих в предмет доказывания.

Разработка полного перечня обстоятельств, подлежащих установлению по делу, осуществляется в рамках частной криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений и является структурным элементом методики.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Приговор Фрунзенского районного суда г. Саратова по уголовному делу № 1–66/2018 от 19.07.2018. URL: <https://www.sudact.ru/regular/doc/qtCZQWKOpk5x/> (дата обращения 26.02.2019).

Соотношение порядка лицензирования адвокатской деятельности с принципом независимости адвокатуры

Хакимов Саид-Ислом-Бек Хакимович, студент

Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

Статья 4 Закона Республики Узбекистан «Об адвокатуре» гласит: «Адвокатура осуществляет свою деятельность на основе верховенства закона, независимости и других демократических принципах».

При этом необходимо отметить, что принцип независимости является одним из наиболее фундаментальных и значимых принципов адвокатуры, суть которого заключается в том, что ни государственные органы, ни общественные объединения, ни отдельные граждане не вправе воздействовать или, более того, руководить организацией и деятельностью адвокатуры. Принцип независимости распространяется, в том числе, и на правоотношения, возникающие внутри сообщества между адвокатами или адвокатскими формированиями.

В свою очередь, в статье 1 Закона Республики Узбекистан «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов» установлено, что адвокатской деятельностью вправе заниматься граждане Республики Узбекистан без различия пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения.

В данном случае стоит обратить внимание на часть 2 данной статьи, где говорится, что для занятия адвокатской деятельностью выдается лицензия в порядке, установленном законодательством.

Лицензия выдается, согласно статье 3¹ Закона «Об адвокатуре», Министерством юстиции Республики Каракалпакстан, управлениями юстиции областей и города Ташкента (далее — органы юстиции) на основании решений соответствующих квалификационных комиссий.

При этом следует указать, что порядок лицензирования адвокатской деятельности, на основании вышеназванной статьи, определяется не Законом «Об адвокатуре», а Кабинетом Министров Республики Узбекистан. Так, Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 09.03.2009 года за № 60 «О совершенствовании порядка лицензирования адвокатской деятельности и создания адвокатских формирований» утверждено Положение «О лицензировании адвокатской деятельности».

В данном Положении устанавливаются правила по лицензированию адвокатской деятельности, а также полномочия по контролю за соблюдением лицензионных требований и условий.

В первую очередь, необходимо указать, что согласно п. 7 данного Положения, лицензионными требованиями и условиями при осуществлении адвокатской деятельности являются:

— соблюдение требований законодательства, Правил профессиональной этики адвокатов, адвокатской тайны и присяги адвоката;

— использование не запрещенных законом средств и способов защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, обратившихся к адвокату за юридической помощью;

— участие в уголовном деле по назначению в предусмотренных законом случаях;

— повышение своей профессиональной квалификации не реже одного раза в три года в порядке, определяемом Палатой адвокатов.

Принимая во внимание, что вышеназванные требования представляют собой обязанности адвоката, предусмотренные в статье 7 Закона

«Об адвокатуре», мы не ставим под сомнение правильность и необходимость этих требований.

Во вторую очередь, стоит отметить, что глава 6 этого же Положения посвящена контролю за соблюдением лицензионных требований и условий со стороны адвокатов. Так, в пунктах 23–25 установлено следующее: «Органы юстиции, выдавшие адвокату удостоверение, осуществляют контроль за соблюдением адвокатом лицензионных требований и условий. В случае выявления органом юстиции нарушения адвокатом лицензионных требований и условий орган юстиции возбуждает дисциплинарное производство в отношении адвоката. По результатам рассмотрения дисциплинарного производства к адвокату могут быть применены предусмотренные законом меры дисциплинарного взыскания на основании решения квалификационной комиссии. Контролирующие и правоохранительные органы в пределах своей компетенции при выявлении нарушений адвокатом лицензионных требований и условий сообщают органу юстиции, выдавшему адвокату удостоверение, о выявленных нарушениях».

Самой основной нормой в этой главе, которая ставит под сомнение независимость института адвокатуры, является ч.1 п. 23, которая наделяет органы юстиции полномочием по осуществлению контроля над адвокатом.

В связи с этим, прежде чем давать оценку этой норме, следует разобраться с сущностью процедуры лицензирования и основами её необходимости в той или иной сфере. Так, согласно статье 3 Закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», лицензирование — комплекс мероприятий, связанный с процессом подачи и рассмотрения заявления о выдаче лицензии, приостановления или прекращения действия лицензии, а также ее аннулирования и переоформления. Соответственно, это представляет собой процедуру по выдаче лицензии, под которой подразумевается разрешение (право) на осуществление лицензируемого вида деятельности при обязательном соблюдении лицензионных требований и условий, выданное лицензирующим органом юридическому или физическому лицу.

Исходя из данной нормы и в целом из институциональных начал лицензирования, положение по наделянию лицензирующего органа (в нашем случае органы юстиции) компетенцией по контролированию лицензиата

(адвокатов) на предмет соблюдения лицензионных требований представляется уместным и в достаточной степени логичным. Ведь кто выдает лицензию, тот и контролирует.

Однако именно в этом и заключается вся соль данной проблематики. Кто должен выдавать лицензию адвокатам? И вообще является ли адвокатская деятельность лицензирующим видом деятельности?

Прежде чем, отвечать на выше поставленные вопросы, стоит обратить внимание на статью 7 Закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», в которой регламентировано, что к лицензируемым видам деятельности относятся виды деятельности, осуществление которых может повлечь за собой нанесение ущерба правам и законным интересам, здоровью граждан, общественной безопасности и регулирование которых не может осуществляться иными методами, кроме как лицензированием.

Безусловно, адвокатская деятельность непосредственно связана с правами и законными интересами граждан, а также общественной безопасностью, и, в связи с этим, её необходимо регулировать. Однако, необходимо ли регулировать данную деятельность посредством лицензирования?

В данном случае, стоит обратить внимание на Указ Президента «О мерах по дальнейшему сокращению и упрощению лицензионных и разрешительных процедур в сфере предпринимательской деятельности, а также улучшению условий ведения бизнеса» за № УП-5409 от 11.04.2018 года, согласно которому были отменены с 1 июня 2018 года 7 видов лицензий, включая фармацевтическую деятельность и деятельность по обслуживанию воздушных судов в аэропортах, связанная с выполнением воздушных перевозок.

Как видно из данного указа, процедура лицензирования была отменена в отношении таких отраслей, как фармацевтика, что напрямую затрагивает здоровье населения, и деятельность по обслуживанию воздушных судов в аэропортах, что непосредственно связано с безопасностью граждан. Следовательно, мы не можем оправдывать наличие процедуры лицензирования возможностью нанесения ущерба правам и законным интересам физических и юридических лиц.

Также, в п. 1 вышеназванного указа определено, что одним из приоритетных направлений государственной политики в области лицензирования и разрешительных процедур в сфере предпринимательской деятельности является поэтапное сокращение количества лицензионных и разрешительных процедур, широкое использование альтернативных методов регулирования предпринимательской деятельности, таких как общественный контроль, саморегулирование, сертификация, аккредитация, страхование гражданско-правовой ответственности, техническое регулирование и иные современные методы.

Адвокатская деятельность, с другой стороны, не является предпринимательской деятельностью, в связи с чем, мы не можем применять этот пункт Указа. Однако следует

указать, что адвокатская деятельность единственный вид некоммерческой деятельности, которая лицензируется.¹

Из этого следует, что сущность лицензирования заключается в жестком контроле тех видов деятельности, которые получают огромную прибыль на основе риска нанесения вреда правам и законным интересам физических и юридических лиц. Например, перевозка пассажиров и грузов железнодорожным транспортом или производство и реализация взрывчатых и ядовитых веществ и т. д.

Следовательно, ввиду того, что адвокатская деятельность является некоммерческой деятельностью, и сущность данной деятельности не подпадает под требования статьи 7 Закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», процедуру лицензирования в отношении адвокатской деятельности необходимо упразднить.

Кроме того, существующий механизм косвенно ставит адвокатуру в зависимость от государственного органа управления, так как органы юстиции обладают полномочиями по контролю за деятельностью адвокатов. В связи с этим нельзя оставить без внимания серьезную угрозу положений об обязательном лицензировании адвокатской деятельности органами юстиции, содержащихся в Законе «Об адвокатуре». Это положение обуславливает непрерывное косвенное «влияние, давление, вынуждение» со стороны вполне определенной государственной «инстанции», а именно — состоящего на службе в управлении (отделе) юстиции государственного чиновника, уполномоченного заниматься вопросами лицензирования адвокатской деятельности. Эти косвенные «влияния, давления, вынуждения» в случае заинтересованности других государственных инстанций (суда, прокуратуры, органов внутренних дел) легко будут оборачиваться уже прямым вмешательством в адвокатскую деятельность. Итак, приходится признать, что институт лицензирования адвокатской деятельности ставит адвокатов не в «косвенную», а в абсолютную зависимость от тех государственных органов и чиновников, которым адвокаты призваны оппонировать при исполнении конституционной обязанности по оказанию юридической помощи. [1, 47 с.]

На этот счет справедливо выразился российский ученый-правовед Г. М. Резник: «адвокатура — это организация не политическая и не предпринимательская, поэтому разговоры о том, что государство должно руководить адвокатурой, необходимо прекратить. Если адвокатура зависима, то она уже не адвокатура, и должна называться как-то иначе». [2]

Также, российский ученый-правовед А. Романенков (адвокат Адвокатской палаты г. Москвы) в 2010 году посвятил проблемам реформирования адвокатуры статью, в которой проводилось исследование на примере Республики Узбекистан.

Так, автор критикует наличие системы лицензирования адвокатской деятельности, утверждая, что лицензирование как форма удостоверения полномочий адвоката не является прогрессивным шагом государства, поскольку противоречит независимости статуса адвоката и ряду международно-правовых документов, касающихся роли профессии адвоката, и призвано регулировать коммерческую деятельность, каковой юридическая помощь адвоката не является согласно действующему законодательству Республики Узбекистан. [3]

В этой связи, необходимо найти альтернативу лицензирования адвокатской деятельности. Для этого обратим внимание на опыт зарубежных стран и проанализируем их механизм допуска лиц к адвокатской деятельности.

Так, в США вопросы допуска к адвокатской практике регулируются законами штатов, соответственно и требования различаются от штата к штату. Штаты создают одно из двух возможных ведомств по надзору за юридической профессией. В некоторых штатах этим ведомством является Верховный суд данного штата. В других штатах существует Ассоциация юристов штата, которая является организацией самоуправления юристов. При такой системе штат делегирует свои полномочия по выдаче патентов на адвокатскую практику и регулированию адвокатской деятельности Ассоциации юристов, и на неё возлагаются надзор за допуском в адвокатуру и регулирование деятельности адвокатского сообщества. Членство в Ассоциации юристов также является обязательным для ведения частной адвокатской практики. В обоих случаях высшей контрольной инстанцией за деятельностью адвокатов является Верховный суд штата. [4]

Соответственно, в США лицу, желающему заниматься адвокатской практикой, выдается патент со стороны либо Верховного суда, либо Ассоциации юристов.

В Российской Федерации механизм имеет немного другой вид. Согласно пункту 1 статьи 2 Закона Российской Федерации «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», адвокатом является лицо, получившее в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. При этом, согласно пункту 3 статьи 9 того же закона, решение о присвоении статуса адвоката принимает квалификационная комиссия адвокатской палаты субъекта Российской Федерации после сдачи лицом, претендующим на приобретение статуса адвоката, квалификационного экзамена.

Следовательно, в Российской Федерации для занятия адвокатской деятельностью лицензия не требуется, вместо этого лицу достаточно приобрести статус адвоката, который оформляется решением квалификационной комиссии.

¹ Если проанализировать весь перечень видов деятельности, на осуществление которых требуются лицензии, утвержденное постановлением Олий Мажлиса «О перечне видов деятельности, на осуществление которых требуются лицензии» за № 222-II от 12.05.2001 года, то можно удостовериться в этом факте.

В Японии также существует особый механизм приобретения права занятия адвокатской деятельностью. Так, согласно статье 8 Закона Японии «Об адвокатах», чтобы стать адвокатом, претендент должен зарегистрироваться в списке адвокатов, подготавливаемым Японской федерацией коллегий адвокатов. Также, согласно статье 9 того же закона, лицо, желающее приобрести статус адвоката, должно запросить регистрацию в данной федерации через местную коллегия адвокатов, в которую оно желает поступить.

Из этого следует, что в Японии, так же, как и в России, отсутствует процедура лицензирования, вместо которой существует механизм регистрации в Японской федерации коллегий адвокатов.

В свою очередь, в Республике Казахстан для занятия адвокатской деятельностью необходима лицензия. Так, согласно пункту 1 статьи 32 Закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи», адвокатом является гражданин Республики Казахстан, имеющий высшее юридическое образование, получивший лицензию на занятие адвокатской деятельностью, являющийся членом коллегии адвокатов и оказывающий юридическую помощь на профессиональной основе в рамках адвокатской деятельности.

В этой связи, можно сделать вывод о том, что в развитых странах отсутствует процедура лицензирования адвокатской деятельности. Для наделения их статусом адвоката осуществляются либо выдача патента (США), либо внесение в список адвокатов (Япония), либо принятие решения со стороны квалификационной комиссии (России). При этом следует указать, что эти процедуры осуществляются со стороны независимых адвокатских организаций, исключение составляет США, где в некоторых штатах патент выдается со стороны Верховного суда, который также не зависит от исполнительных органов.

Литература:

1. М. Х. Рустамбаев, Л. Б. Хван. Адвокатская деятельность в Республике Узбекистан: Учебник для студентов бакалавриата: В 2-х т. Т. 1. — Ташкент: Konsauditinform-nashr, 2006. — 258 с.
2. В состоянии необходимой обороны // Адвокаты XXI века. URL: <http://bestlawyers.ru/best/r1.html> (дата обращения: 27.06.2019).
3. Романенков, А. Проблемы реформирования адвокатуры в современной правовой системе (на примере адвокатуры Республики Узбекистан). Общественно-правовой журнал «Адвокатская практика», 2010, № 6
4. Гафуров, А. Б. Международные стандарты адвокатской деятельности. Пособие/Отв. Ред. А. Б. Гафуров. — Т.: «Baktria press», 2014. — с. 72

Касательно данной проблемы нами был проведен посредством сети Интернет интерактивный опрос среди представителей юриспруденции. На данном опросе приняли участие 54 респондентов, профессия которых непосредственно связано с юриспруденцией. Из этих 54 респондентов 20% составляют лица, являющиеся действующими адвокатами. Респондентам были предоставлены 15 вопросов разного типа (открытые и закрытые).

В этом опросе был задан следующий вопрос: «Стоит ли осуществлять лицензирование адвокатской деятельности?». Интересен тот факт, что 93% респондентов выступили за лицензирование адвокатской деятельности. Однако, на вопрос «Кто должен осуществлять лицензирование?» 61% респондентов ответили, что лицензирование должна осуществлять Палата адвокатов, а 37% респондентов — Министерство юстиции.

На основании вышеизложенного, на наш взгляд, альтернативой процедуре лицензирования выступает сертификация деятельности адвокатов со стороны Палаты адвокатов Республики Узбекистан. Согласно нему, после успешной сдачи квалификационного экзамена, претендент получает сертификат, который является документом, подтверждающим его статус. Образец данного сертификата устанавливается Палатой адвокатов Республики Узбекистан и выдается со стороны территориального управления Палаты адвокатов.

Таким образом, можно заключить, что процедура выдачи лицензии со стороны органов юстиции противоречит принципу независимости адвокатуры, в связи с чем, необходимо исключить данную процедуру и заменить её сертификацией адвокатской деятельности, которая должна осуществляться со стороны Палаты адвокатов Республики Узбекистан.

Особенности личности преступника в мошенничестве при получении выплат

Хорьков Станислав Андреевич, студент;

Ваганов Алексей Васильевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Кривошеева Эмилия Евгеньевна, студент

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Свиридова Дарья Алексеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассмотрен проблемный вопрос относительно особенностей личности преступника в мошенничестве при получении выплат.

Ключевые слова: *мошенничество, личность, женщины, образование.*

Данный вопрос имеет большую исследовательскую базу в научных кругах. В частности, И. В. Махова и Е. И. Смык, сделали вывод о том, что в абсолютном большинстве случаев, данный вид общественно — опасного деяния совершают женщины, в основном, не состоящие в браке, которые имеют среднее или высшее образование и ранее не привлекались к уголовной ответственности. В большинстве случаев данные лица не имеют постоянного места работы, источником дохода выступают случайные и временные заработки.

Данные исследователи также утверждают, что в большинстве случаев деяния по 159.2 УК РФ совершаются в одиночку, соучастия по данной статье бывают в редких случаях. Так, лицами женского пола преступления рассматриваемой категории совершаются в 66 % случаев. В 92 % случаев приговоры постановлены в отношении ранее не судимых лиц, 63 % осужденных состояли в браке; не женаты, не замужем либо были разведены 37 %. 16 % осужденных на момент постановления приговора нигде не работали, остальные осужденные (84 %) были трудоустроены, занимались индивидуальным предпринимательством. 78 % осужденных имели на иждивении малолетних или несовершеннолетних детей. Высшее образование имели 42 % осужденных, 58 % осужденных имели среднее общее и среднее профессиональное образование.

Таким образом, можно сделать вывод, о том что данные общественно — опасные деяния, предусмотренные статье 159 УК РФ в большинстве случаев совершают женщины, со средним или высшим образованием, которые ранее или вообще не состояли в браке, трудоустроены, положительно характеризуются по месту работы и жительства. Особенность преступников, имеющих высшее образование то, что они совершают данное преступление в преступной группе.

Стоит сказать о том, что все официальные статистические данные о судимости лиц, привлекаемых по статье 159.2 УК РФ, не полностью раскрывают, всю массу совершаемых деяний. Таким образом, делая вывод о личности типичного преступника, исследование ограничено официальной статистикой, которая в свою очередь, регистрирует

в основном так называемое «бытовое» мошенничество. Принимая во внимание факт того, что в статистических данных каждое четвертое мошенничество совершается в составе определенной группы, а каждое третье — при участии, так называемых, неустановленных следствием лиц, то можно сказать, что характерные черты личности типичных преступников должны быть абсолютно иными. Прежде всего, речь идет о личностях, совершающих групповые, организованные и организованно-коррумпированные типы мошенничества. Таким образом, следует охарактеризовать личность таких преступников.

Стоит выделить две группы преступников, совершающих мошенничество со средствами материнского капитала: Первая группа состоит из лиц женского пола в возрастной категории от 22—40 лет, которые имеют среднее и средне-специальное образование, в большинстве случаев, не привлекались к уголовной ответственности, имеющие двух и более детей, находящиеся в трудном материальном положении. Приведенную категорию лиц, целесообразно разделить на две подгруппы: 1) лица женского пола, которые ведут социально благополучный образ жизни, положительно характеризуются, которые обладают правом на материнский капитал; 2) лица, женского пола, которые ведут асоциальный образ жизни и состоят на учете в психоневрологическом и (или) неврологическом диспансерах. Во вторую группу входят лица, которые в силу своих должностных полномочий имеют возможность оформлять документы на получение материнского капитала. Это лица женского пола в возрастной категории от 25—50 лет, которые имеют высшее образование, обладают стабильной психологической устойчивостью, сильным даром убеждения, которых позволяет им чувствовать себя в любых ситуациях комфортно. Данная категория лиц совершает общественно-опасные деяния в связи с выполнением своих должностных полномочий. К данной категории относятся: уполномоченные сотрудники подразделений Пенсионного фонда РФ, ответственные за прием заявлений на перечисление средств материнского капитала; нотариусы; сотрудники банков; сотрудники медицинских учреждений; ЗАГСов; работники

органов опеки и попечительства; сотрудники агентств недвижимости и т. д. Преступная деятельность данных лиц носит групповой характер и представляет собой спланированные схемы, которые направлены на поиск лица, которые законно или якобы законно обладает правом на получение материнского капитала и последующее его обналичивание. Бросается в глаза то, что все приводимые категории идут в непосредственной связи с иными элементами криминалистической характеристики преступления, в данном случае, со способами совершения преступления.

В.А. Корзун в своей работе о способах совершения мошенничества при получении средств материнского капитала квалифицирует лиц, совершающих соответствующие преступления. Корзун указывает: «По составу лиц, которые принимают непосредственное участие в совершении преступных деяний, способы можно классифици-

ровать на три вида: 1. Совершение мошенничества при получении средств материнского капитала непосредственно лицом, которое получило сертификат на материнский капитал. Этот способ совершения общественно-опасного деяния можно разбить на следующие виды: а) совершение деяния лицом, которое получило сертификат на законных основаниях; б) совершение деяния лицом, незаконно получившее сертификат. 2. Мошенничество, в котором соучастниками являются кредитная или другая организация. 3. Мошенничество, в котором соучастниками являются должностные лица государственных органов (органов ЗАГС, Пенсионного фонда РФ).

Таким образом, можно выделить всех возможных типичных соучастников: исполнители; организаторы; пособники (лица, осуществляющие сбыт поддельных документов); коррумпированные соучастники, злоупотребляя своими должностными полномочиями.

Литература:

1. Махова, И.В. Методика расследования мошенничества при получении выплат / И.В. Махова, Е.И. Смык // Расследование отдельных видов мошенничества: учебное пособие / под ред. А.Г. Филиппова, Л.Е. Чистовой. — М.: Юрлитинформ, 2014. — с. 39.
2. Корзун, В.А. Способы совершения мошенничества при получении средств материнского капитала // Власть и управление на Востоке России. — 2015. — № 2 (71). — с. 178.

Юридические аспекты в образовании Республики Беларусь

Чепелев Андрей Николаевич, студент;

Чепелева Елена Николаевна, студент

Академия управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск)

Чепелев Сергей Николаевич, старший преподаватель

Белорусский государственный медицинский университет (г. Минск)

В статье рассматривается позиция руководства Республики Беларуси по отношению к правовому развитию и о роли юриспруденции в образовании, о поддержке Президентом молодых специалистов. Профессия юриста востребована в Республике Беларусь. Проведен анализ совершенствования юридического образования и важности Болонского процесса.

Ключевые слова: Республика Беларусь, образование, юриспруденция, потенциал, регулирование, деятельность, интенсификация.

Научные инновации особо приветствуются в Республике Беларусь. А.Г. Лукашенко считает научный потенциал страны мощной интеллектуальной индустрией с развитием на практику, направленную на внедрение результатов исследований и разработок в производство и учебный процесс. 340 научно-исследовательских организаций и 25 тысяч научных работников, аспирантов и докторантов — это еще далеко не все, кто усердно занимается научной деятельностью. К научной работе привлечены учащиеся и студенты. В нашей стране ни одно стратегическое решение в государстве не принимается без рекомендаций и заключения ученых. Интенсификация

научной деятельности играет важную роль к открытию новых возможностей для экономического роста и социального развития Беларуси. Отечественная наука всесторонне поддерживается государством. Особое значение в Беларуси придается научно-теоретическому обеспечению формирования гражданского общества и становления социального правового государства. В стране работает научно-обоснованный, правовой механизм с эффективным правовым регулированием общественных отношений с внедрением в юридическую жизнь новых разработок законодательства. Правовая научная школа государства развивается успешно с систематизацией законодательства.

Одним из направлений Болонского процесса является тезис «образование в течение всей жизни», что является актуальным при подготовке специалистов в области юриспруденции. Болонский процесс в сфере образования закономерно определил новые разработки инновационных подходов к современным образовательным системам. Болонская конвенция была подписана в 1999 г. В 2015 г. Республика Беларусь стала полноправным участником Болонского процесса, что повлекло за собой выполнение определенных обязанностей по реализации целей и задач Болонской декларации [6]. Профессия юриста особо ответственная, работая в прокуратурах этим людям ни один раз приходилось принимать твердые решения, определяя судьбы других людей. Поэтому профессия юриста предполагает ежедневное обучение, ежедневное пополнение личностных знаний и необходимость постоянно быть в курсе изменений в области права. Юристы повышают свой уровень через систему стажировок внутри страны и за пределами Республики Беларусь. Многие особо деловые люди получают второе образование в Академии управления при Президенте Республики Беларусь, где детально изучают правовые и экономические аспекты государства. В Республике Беларусь созданы благоприятные условия для раскрытия творческих возможностей и профессиональной самореализации ученых, роста их научной квалификации. В стране кадровый потенциал науки является одним из основных ресурсов инновационного развития права и экономики, а его сохранение и воспроизводство — основной задачей государственной политики в сфере науки. Интеграционные процессы в экономике влекут за собой совершенно новые подходы и новые кадры. «Образование — это целенаправленный процесс обогащения личности фундаментальными и прикладными знаниями, соответствующими современному уровню развития, охватывает целую систему отношений, складывающихся между государством и личностью, между государством и образовательными учреждениями, между педагогами и обучающимися и др». [1, 2, 3, 7]. Подготовка юристов, их воздействие на национальные системы образования, а также необходимость совершенствования системы юридического образования стали ключевыми вопросами в 2016 году для выработки соответствующих решений, необходимости утверждения новой Концепция

развития юридического образования в стране. В августе 2017 года была утверждена Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года и План мероприятий по реализации Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года [4, 5]. Таким образом были указаны тенденции развития юридического образования в Республике Беларусь. В Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года изложены такие термины, как:

- 1) высшее юридическое образование;
- 2) дополнительное юридическое образование;
- 3) юридические специальности;
- 4) юридическое клиническое образование и др.

В Концепции развития юридического образования дана оценка текущему состоянию образования и определены планы его дальнейшего развития: стратегические цели, принципы, тенденции, направления и предстоящие задачи развития системы юридического образования. Предусмотрено усиление научного, кадрового, нормативного, организационного и материально-технического обеспечения юридического образования. Такая модернизация юридического образования требует решения задачи: исключить дублирование специальностей разнообразных по наименованиям, но единых по назначению. Молодые специалисты должны быть подготовлены с учетом тех факторов, которые влияют на формирование и развитие гражданско-правовых норм институтов как внутри страны, так и за рубежом, сохраняя необходимые национальные традиции и особенности высшей школы.

В Республике Беларусь Президентом сформирована система мер государственной поддержки молодой талантливой молодежи: премии, стипендии за первые места на конкурсах молодых ученых.

Специалисты юридического образования в Республике Беларусь работают в разных учреждениях: на заводах, фабриках, в вузах, больницах, поликлиниках, в юридических консультациях и т. п. Каждый юрист при ответе на юридический вопрос соблюдает правила профессиональной этики при оказании юридических услуг, всегда старается дать ясные и четкие ответы на поставленные вопросы, а вот высокий уровень профессионализма ими получен в высшей школе, благодаря национальному образованию.

Литература:

1. Алексеева, Т. А. Возможности обучения навыкам, реализуемые в рамках преподавания дисциплины «Юридическая психология» / Т. А. Алексеева // 343 Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы пятнадцатой международной научно-практической конференции. — Барнаул, 2018 г. Ч. 2. — 54 с.
2. Боброва, Н. А. О неконституционности критериев оценки научной деятельности вузов, установленных в 2013 г. / Н. А. Боброва // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 6. — с. 42–46.
3. Манифест качественного исторического и гражданского образования, а также образования в области культурного наследия. 15 принципов признания значимой роли истории для развития молодежи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.concernedhistorians.org/content_files/file/ET/237.pdf. — Дата доступа: 21.06.2019.

4. Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.brsu.by/sites/default/files/crimlow/28.08.2017_kontseptsiya_s_soglasovaniyami.doc. — Дата доступа: 21.06.2019.
5. План мероприятий по реализации Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года / М-во образования Республики Беларусь. — Минск, 2018 г. — 6 с.
6. Чепелева, Т. И. Совершенствование учебного процесса / Т. И. Чепелева, С. Н. Чепелев // Высшая школа. — 2016. — № 3 (113). — С 25–27.
7. Яскевич, Я. С. Основы биоэтики / Я. С. Яскевич, С. Д. Денисов, Б. Г. Юдин, Т. В. Мишаткина, Ф. И. Висмонт, А. П. Ермишин. — Мн.: Высшая школа, 2009. — 351 с.

О некоторых вопросах выселения из служебных жилых помещений

Черкесов Алексей Сергеевич, студент магистратуры;

Научный руководитель: Рамзаева Лариса Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Право на жилище является конституционным правом человека и гражданина, находящегося на территории Российской Федерации. Выселение заключается в принудительном лишении права на пользование жилым помещением.

Ключевые слова: выселение, право на жилище, несовершеннолетние, решение суда.

About some questions of eviction from service residential premises

The right to housing is a constitutional right of a person and a citizen located on the territory of the Russian Federation. Eviction is the compulsory deprivation of the right to use the dwelling.

Keywords: eviction, right to housing, minor, court decision.

В Российской Федерации каждому гарантируется право на жилище, которое получило международно-правовое признание в качестве одного из необходимых условий обеспечения права на достойный жизненный уровень. Жилище неприкосновенно и принцип недопустимости произвольного лишения жилища является одним из основных принципов не только конституционного, но и жилищного законодательства. Этому свидетельствует ст. 25 Конституции Российской Федерации [1] и ст. 1, 3 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) [2]. Однако, в предусмотренных законом случаях допускается ограничение в праве пользования жилищем и выселения из него.

Выселение является принудительным способом освобождения жилья и выражается в лишении права проживать в определенном помещении. Выселению из служебного жилого помещения предшествует расторжение или прекращение договора найма специализированного жилого помещения. Так, согласно части 1 ст. 103 ЖК РФ в случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые они занимали по данным договорам. В случае отказа освободить такие жилые помещения, указанные граждане под-

лежат выселению в судебном порядке без предоставления других жилых помещений. Исключения составляют граждане, указанные в части 2 данной статьи. Им в случае выселения, предоставляются другие жилые помещения, которые должны находиться в черте соответствующего населенного пункта.

Статьей 101 ЖК РФ, содержащей отсылочную норму к ст. 83 этого же кодекса, предусмотрено расторжение договора найма специализированного жилого помещения в судебном порядке в случае выезда нанимателя и членов его семьи в другое место жительства со дня выезда, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Основанием прекращения договора найма служебного жилого помещения, согласно ст. 104 ЖК РФ, является прекращение трудовых отношений либо пребывания на государственной должности РФ, государственной должности субъекта РФ или на выборной должности, а также увольнение со службы.

Однако, постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2018 № 13АП-15564/2018, 13АП-15566/2018 по делу N А42-2950/2017 было установлено, что по смыслу ст. ст. 104 и 103 ЖК РФ прекращение трудовых отношений с работодателем, предоставившим жилое помещение, служит лишь основанием

для прекращения договора найма служебного жилого помещения, но не влечет за собой автоматическое прекращение договора в момент увольнения сотрудника (прекращения действия контракта). Договор найма служебного жилого помещения сохраняет свое действие вплоть до его добровольного освобождения нанимателем, при отказе от которого гражданин подлежит выселению в судебном порядке с прекращением прав и обязанностей в отношении занимаемого жилья [4].

Наиболее сложной процедурой выселения, часто встречающейся на практике, признается выселение граждан (родителей), имеющих несовершеннолетних детей. Например, если военнослужащий, проживающий в служебном жилье совместно с супругой и несовершеннолетним ребенком, расторгает с ней брак и переводится к новому месту службы или увольняется, то возникают трудности с выселением такого бывшего члена семьи нанимателя. В качестве примера можно привести постановление Президиума Ленинградского областного суда от 19.09.2017 г. № 44г-59/2017, которым была рассмотрена кассационная жалоба военнослужащего.

В кассационной жалобе истец просит отменить состоявшиеся по делу судебные постановления в части отказа в удовлетворении исковых требований о признании утратившими право на жилую площадь, и выселении его бывшей супруги и несовершеннолетней дочери. В жалобе указано, что при расторжении брака дочь осталась проживать с матерью, в связи с чем, при решении вопроса об освобождении служебной квартиры она не может рассматриваться как член его семьи, сохраняющий право пользования жилым помещением, поскольку он в спорной квартире не проживает и не намерен в ней проживать. Согласно части 4 ст. 31 ЖК РФ, в случае прекращения семейных отношений между нанимателем служебного жилого помещения и членами его семьи, право пользования служебным жилым помещением за бывшим членом семьи нанимателя, не сохраняется. В обосновании заявленных истцом требований также указывается, что сохранение за его несовершеннолетней дочерью права пользования жилой площадью, препятствует ему сдать указанную квартиру в установленном законом порядке и получить другую квартиру, по новому месту службы.

В решении суда указано, что собственник жилого помещения, в том числе Российская Федерация, осуществляет свои права своей волей и в своем интересе, действуя по своему усмотрению в отношении этого помещения, но в соответствии с его назначением и пределами его использования, установленными ЖК РФ, и при этом несет бремя его содержания. Установлено, что уполномоченный орган Министерства обороны Российской Федерации после фактического выезда из указанной квартиры истца каких-либо действий, направленных на ее освобождение от лиц, не имеющих права пользования служебным жилым помещением ведомственного фонда, не предпринимал, хотя имел такую возможность.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пп. «е» п. 41 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 года N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» члены семьи нанимателя служебного жилого помещения в соответствии с частью 5 ст. 100 и частями 2–4 ст. 31 ЖК РФ имеют равное с нанимателем право пользования жилым помещением, если иное не установлено соглашением между ними. В случае прекращения семейных отношений между нанимателем служебного жилого помещения и членом его семьи право пользования служебным жилым помещением за бывшим членом семьи нанимателя, по общему правилу, не сохраняется (ч. 4 ст. 31 ЖК РФ). Однако оно может быть сохранено за бывшим членом семьи нанимателя служебного жилого помещения по решению суда на определенный срок по основаниям, предусмотренным частью 4 ст. 31 ЖК РФ [5].

В итоге Президиум Ленинградского областного суда принял решение о признании его несовершеннолетней дочери утратившей права пользования жилым помещением и ее выселении.

Однако, анализируя нормы действующего законодательства можно прийти к другому результату. Согласно части 5 ст. 100 ЖК РФ право пользования бывшим членом семьи нанимателя служебным жилым помещением регулируется частью 4 ст. 31 данного кодекса. По смыслу части 5 ст. 100 ЖК РФ наниматель служебного жилого помещения приравнивается к собственнику жилого помещения, указанного в частях 2–4 статьи 31 ЖК РФ. В случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи. Если у бывшего члена семьи собственника жилого помещения отсутствуют основания приобретения или осуществления права пользования иным жилым помещением, а также, если имущественное положение бывшего члена семьи собственника жилого помещения и другие заслуживающие внимания обстоятельства, не позволяют ему обеспечить себя иным жилым помещением, право пользования жилым помещением, принадлежащим указанному собственнику, может быть сохранено за бывшим членом его семьи на определенный срок на основании решения суда. При этом суд вправе обязать собственника жилого помещения обеспечить иным жилым помещением бывшего супруга и других членов его семьи, в пользу которых собственник исполняет алиментные обязательства, по их требованию [2]. Это также подтверждается статьями 13–16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» [6].

В дополнение к вышеуказанному можно отметить, что в силу положений Семейного кодекса Российской Феде-

рации [3] об ответственности родителей за воспитание и развитие своих детей расторжение брака родителей и их раздельное проживание не влияют на права ребенка, в том числе на жилищные права. Поэтому прекращение семейных отношений между родителями несовершеннолетнего ребенка, проживающего в жилом помещении, находящемся в собственности одного из родителей, не влечет за собой утрату ребенком права пользования жилым помещением.

Поскольку служебное жилье является собственностью Российской Федерации, находится в оперативном управ-

лении организации, являющейся работодателем по отношению к нанимателю такого жилья, и предоставляется на период исполнения трудовых обязанностей или прохождения службы, то незаконное проживание там лиц нарушает права собственника, противоречит целям и назначению служебных жилых помещений. Поэтому считаю, что установленное законом право суда обязать нанимателя служебного жилого помещения обеспечить другим жилым помещением бывшего супруга или иных бывших членов его семьи, в пользу которых он исполняет алиментные обязательства, должно быть его обязанностью.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в ред. от 21.07.1994) // Российская газета, 1993. 25 декабря; Собрание законодательства РФ, 2014, № 31, ст. 4398.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 29.05.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.06.2019) // Собрание законодательства РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 14; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 29.05.2019.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собрание законодательства РФ, 1996, N 1, ст. 16; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 29.05.2019.
4. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2018 N 13АП-15564/2018, 13АП-15566/2018 по делу N А42–2950/2017 // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Президиума Ленинградского областного суда от 19.09.2017 N 44г-59/2017 по делу N 2–4585/2016 // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Российская газета, 2009, № 123.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Формирование политической элиты как фактор эффективного государственного управления

Козлова Ангелина Дмитриевна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В данной работе рассматривается зависимость эффективности государственного управления от способа формирования политической элиты, упоминаются различные крайности в осуществлении кадровой политики государства. Для более детального рассмотрения поставленного вопроса исследуются концепции таких известных политологов, как Вильфредо Парето, Газтано Моска и Б. Рокмэна. На основе теоретических положений и приведённых практических аргументов делается вывод о необходимости рекрутирования политической элиты на основе открытого, конкурентного характера, осуществляемое большим кругом лиц и из различных социальных групп, что будет приводить к повышению эффективности управленческого процесса.

Ключевые слова: политическая элита, государственное управление, каналы рекрутирования, кадровая политика, государственный аппарат, политическая система, государственная служба.

С момента возникновения общества выделяется особая группа людей, которая осуществляет управление наиболее важными процессами, происходящими в обществе. Со временем эту данную группу людей стали определять как «элита». Возникновение концепции элиты можно проследить уже в трудах о концепции построения идеального государства древнегреческого философа Платона, по мнению которого управление государством должна осуществлять исключительно привилегированная группа философов-аристократов. Теории современных элит были сформированы на рубеже XIX—XX веков, однако все они сводятся к тому, что в любом обществе существует немногочисленный слой людей, которые осуществляют наиболее эффективное управление всеми общественными процессами. Особое место среди существующих видов элит предоставлено политической, ведь она обладает определенными государственно-властными полномочиями для руководства наиболее важными процессами и контроля принятия решений. Однако политика, проводимая политической элитой несвободно от ошибок, просчетов и не всегда отличается своей эффективностью. Как правило, это обусловлено составом и организацией элиты, являющейся правящей в тот или иной этап исторического развития. Соответственно возникает потребность в избрании и выявлении наиболее эффективного способа формирования политических элит. Все это связано с кадровой политикой, проводимой в государстве. Ведь если на руководящие посты будут назначаться

друзья, сослуживцы или же просто знакомые, то это неизбежно будет приводить к неэффективности осуществления управленческих функций, так как данные лица могут быть совсем непригодны к осуществлению управления в силу отсутствия необходимого уровня образования, квалификации, глубинного понимания управленческих процессов. В худшем варианте это может приводить к осуществлению полномочий данными лицами безнравственно, не в государственных интересах, а собственных, нередко корыстных. Другой крайностью в осуществлении кадровой политики является отсутствие циркуляции политической элиты, что приводит к ее замкнутости. Естественно, это также является пагубным для общества, ведь правящие круги государственно-организованного механизма стремятся к самовоспроизводству, а для успешного своего функционирования политическая элита должна быть динамичной структурой, легко трансформироваться в соответствии с постоянно изменяющимися и обновляющимися условиями современного общества, допускать в свои круги новых, наиболее выдающихся и интеллектуальных членов общества. Все это приводит к проблеме выбора того или иного способа организации кадровой политики государства, который был бы наиболее эффективен в сложившихся условиях. Данную проблему следует рассматривать с позиции такой области обществоведческих знаний, как политология. Актуальность изучения обусловлена тем, что именно политическая элита является той основой, из которой формируются законодательные,

исполнительные органы власти, правительственный аппарат, а также кадры государственных учреждений. Значимость эффективности формирования элит состоит и в том, что элита способна существенно влиять на процесс управления обществом, тенденции развития, ценностные ориентации и поведенческие стереотипы в обществе, причем данное влияние может иметь как положительный, так и негативный характер в зависимости от качества политической элиты. Зависимость динамики развития общества от политических решений, которые принимает элита, требует выработку эффективной модели рекрутирования кадров для выполнения властно управленческих функций. Данная проблема актуализируется и в связи с происходящими на современном этапе развития общества процессами становления, развития и реконструкции государственного аппарата. Для более подробного рассмотрения данной проблемы поставлю следующие задачи: во-первых, теоретически раскрыть понятие политической элиты, во-вторых, проследить историю формирования политических элит, в-третьих, рассмотреть механизмы ее формирования и, в-четвертых, привести взгляды ученых на данную проблему.

Значение государства для жизнедеятельности человеческого сообщества столь велико, что изучением этой категории занимается сразу несколько гуманитарных наук — от философов и правоведов до историков, социологов и политологов. Государственное управление занимает важное место в структуре политического процесса. В государственном управлении по каналам принятия официальных решений выражается коллективная воля социума, через институциональные механизмы с помощью политико-инструментальных средств эта воля осуществляется для упорядочения общественных дел. Важное значение в государственном управлении имеет государственная политика. Она связана с выработкой стратегического курса общества, основных направлений развития государства, а также способов осуществления его целей.

Субъектом государственной политики выступает элита, которой общество делегирует основные полномочия для принятия наиболее важных решений. Политическая элита — это социальная общность, которая концентрирует в своих руках значительный объем государственной власти, обеспечивает выражение и воплощение в управленческих решениях интересы различных классов и слоев общества, создает механизмы реализации политических решений.

К основоположникам теории элиты принято относить итальянца Вильфредо Парето (1848–1923), который определил элиту как класс общества, в который входят индивиды, более других преуспевающие в своей деятельности. Те члены данного класса, которые прямо или косвенно играют заметную роль в правительстве, составляют правящую элиту. Качество элиты во многом зависит от механизмов, которыми она образуется. Так, политическое рекрутирование — это вовлечение людей в активную политическую жизнь, процесс создания политической

элиты общества. Гаэтано Моска, анализируя политические элиты, выделяет три способа ее обновления: наследование, выборы или кооптация (пополнение состава какого-либо органа недостающими работниками без проведения новых выборов, волевое введение новых членов), преобладание первой тенденции, именуемой аристократическая, приводит к тому, что правящий класс становится закрытым, что вызывает стагнацию общества. Так, различают два типа элит — открытый, свободный для притока представителей совершенно различных слоев общества, и закрытый, формирующийся из достаточно ограниченного, замкнутого круга представителей, основанный на основе узкой социальной базы. Любая элита нуждается в обновлении. Обновление элиты общества, а также изменение, происходящие в ее социальном и качественном составе, происходит на основе существующей системы рекрутирования.

Американский политолог Б. Рокмэн выделяет две тенденции отбора элит — гильдийную и антрепренерскую. Гильдийная система характеризуется закрытостью, в ней отбор кандидатов на более высокие посты осуществляется главным образом из нижестоящих слоев этой же элиты. Как правило, для этого типа характерен медленный карьерный рост либо вовсе его отсутствие. Кроме того, присутствует высокая степень институционализации процесса отбора, а также наличие многочисленных фильтров — формальных требований для занятия должностей, небольшой, относительно закрытый круг селектората. Подбор и назначение кадров при данной системе осуществляется очень узким кругом руководителей, конкуренция фактически отсутствует. В сущности, представляет собой господствующий класс, слой, сословие, которые практически монополизируют политическую власть, так как государственные позиции заняты его ставленниками.

Исторической формой формирования элиты русского общества является местничество. По этому принципу назначение на высшие должности происходит не в соответствии с квалификацией и заслугами, а в соответствии со знатностью и родовитостью. Служилые чины представляли генеалогические слои боярства: звание бояр получали преимущественно выходцы из знатнейших титулованных княжеских родов и немногих старых московских фамилий. Порядок местничества жестко регламентировал не только состав элиты, но и ход внутриэлитной ротации, что блокировало выдвижение лиц на основе личных и служебных качеств, а также способствовало консервации элиты. Местничество не только ухудшало качество элиты, но и нарушало принцип всесословности обязанностей перед государством, определявшего вхождение в состав политической элиты на основе государственной службы.

Разновидностью системы гильдий является номенклатурная система рекрутирования элиты. Суть номенклатурной системы состоит в назначении лиц на все ключевые должности лишь с согласия и по рекомендации соответствующих партийных органов, в подборе элиты сверху. Так, например, номенклатурная система привела к эпохе

застоя. Ключевая характеристика СССР периода Брежнев — геронтократия, то есть власть стариков. Рост среднего возраста представителей власти шел огромными темпами. Если еще в 1940 году средний возраст членов Политбюро составлял 51 год, то в 1980 году он составлял уже 70 лет. Возможности карьерного продвижения были ограничены низкой сменяемостью элит, высшие государственные должности занимались фактически пожизненно.

Антрепренерская система рекрутирования элит совершенно противоположна системе гильдий. Она отличается открытостью, возможностью для представителей любых общественных групп претендовать на занятие лидирующих позиций, небольшим количеством формальных требований и институциональных фильтров. Данную систему отличает широкий круг селектората, который может включать всех избирателей страны, высокая конкурентность отбора, соперничество за занятие руководящих постов. В соответствии с антрепренерской системой рекрутирования происходит изменение состава элиты, первостепенная значимость для этого отводится личным качествам, индивидуальной активности, умению найти поддержку широкой аудитории, увлечь ее привлекательными идеями и программами.

Франклин Делано Рузвельт — великий президент США и единственный, кто избирался на эту должность четыре раза подряд. В эпоху Великой Депрессии он сумел вывести страну из нее, благодаря чему пользовался безусловной поддержкой в обществе, он сумел преодолеть серьезный экономический кризис. Всё это сделал человек, прикованный к инвалидному креслу. Процесс рекрутирования элиты в каждом обществе происходит в соответствии с определенными правилами, осуществляется через определенные каналы рекрутирования. Каналы рекрутирования — это общественные институты, через которые осуществляется переход представителей масс в элиту. Институт образования, государственный аппарат, бизнес, партии, церковь, армия являются важнейшими каналами рекрутирования.

Внутриэлитные процессы кадровых перемещений называются ротацией кадров или внутриэлитной ротацией. Развитие кадровых технологий является одним из средств достижения основной цели, заключающейся в создании эффективной и компактной системы государственного управления, которая быстро и качественно осуществляет свои функции в интересах граждан, общества и государства. Применение ротации, в частности, связывают с предупреждением и пресечением коррупции чиновников.

Исследование международного опыта показывает, что во многих странах механизм ротации государственных служащих широко используется ради повышения профессионального уровня и качества работы государственного аппарата. Например, Германия — одна из стран с наиболее развитой системой государственной службы. Согласно разработанной в 2004 г. Федеральным министерством внутренних дел программе по предотвращению коррупции в органах федеральной власти основным методом решения проблемы, ее предотвращения и профилактики является анализ уровня коррупции должностей, а также ограничение срока службы на государственных должностях (до 5 лет) с последующей ротацией.

Таким образом, можно сделать вывод, что автор был абсолютно прав. Рекрутирование — это важнейшим механизмом формирования политической элиты, в ходе которого происходит выявление и заполнение политически значимых позиций и от которого зависит функционирование политической системы. С позиций теории элит, рекрутирование является центральной функцией любой политической системы и, как следствие, индикатором ценностей, значимых для завоевания элитной позиции в конкретном обществе, а также основной составляющей картины распределения политического влияния. Принципы рекрутирования элиты имеют особую важность для политической системы, способствуя либо ее укреплению, либо разрушению, обеспечивая более или менее равные возможности доступа к власти всем гражданам либо ограничивая их.

Литература:

1. Ашин, Г. К. Рекрутация элит // Власть 1977. - № 4
2. Восканян, С. С. Бюрократия и правящая элита. Сравнительный анализ: Авто-реф. Дис. канд. философ. Наук. Ростов-на-Дону, 1995
3. Политология. Курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. — М., 2006
4. Политология. Учебник. Мельвиль А. ЛО. и др. М. Издательство «Проспект» 2010

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 26 (264) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.
ISSN-L 2072-0297
ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 10.07.2019. Дата выхода в свет: 17.07.2019.
Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.